

АУДИТОРИУМ

**В ИНТЕРЕСАХ
ГОСУДАРСТВА**

Я просто хотел сделать доброе дело, но глупо умер и очнулся в другом мире.

Кто-то скажет, что мне повезло. Ведь здесь я, обычный студент из неблагополучной семьи, обладаю сверхъестественным даром и дворянским титулом.

Но только кто тогда все эти люди с автоматами?

Алекс Хай

В интересах государства. Аудиториум

— Значит, вы тот самый Соколов, на чью семью было совершено нападение?

Пристально глядя на меня, журналист покрутил колесико на выключателе и прибавил яркости в настольной лампе.

— Верно, — шепотом отозвался я. — Меня очень заинтересовала ваша статья, что вышла следующим утром после нападения на мою семью.

Теперь я мог как следует разглядеть Андриюшина. На вид ему было уже под пятьдесят. Почти полностью седой, но коротко стриженная борода имела желтоватый оттенок от табака. Худой, в клетчатой фланелевой рубашке с засаленным воротником и рукавами. Словом, простой мужик, каких тысячи. Разве что лицо имел умное, да глаза запоминались выразительностью.

— Как вам удалось так быстро выяснить подробности происшествия, Сергей Васильевич?

Он хмыкнул, но отвлекся, взглянув мне за спину. Я обернулся на тихий топот.

Библиотекарша подошла и протянула мне увесистую папку с газетами.

— “Вечерний Петрополь” за текущий год, ваше сиятельство, — тихо сказала она и обвела нас с журналистом укоризненным взглядом. — Господа, здесь надлежит соблюдать тишину. Если вам угодно побеседовать, прошу сделать это в малом читальном зале. Сейчас он пуст. Извольте пройти?

Я вопросительно уставился на Андриюшина.

Журналист медлил с ответом. С одной стороны, я видел в его глазах живой интерес к моей персоне. На эту удочку и ловил: какой же писака откажется побеседовать с очевидцем и даже непосредственным участником событий? С другой стороны, мое внезапное появление могло его насторожить, так что возможные опасения мне были понятны. Да и сам Андриюшин держался с несколько параноидальной манерой.

Впрочем, я и сам удивился этой встрече. Очень странное совпадение — так столкнуться в одной из множества городских библиотек.

— Разумеется, — наконец кивнул журналист и торопливо собрал вещи. — Благодарю, сударыня.

Мы торопливо переместились в соседний зал. Напоследок я вернулся, чтобы забрать подшивку — уже, полагаю, ненужную, но зря что ли библиотекаршей гонял... И столкнулся взглядом со старичком-любителем Шекспира. Тот пристально уставился на меня, ничего не сказал, затем поправил пенсне на носу и снова погрузился в чтение.

— Итак, ваше сиятельство, — обратился Андриюшин, когда я вошел в малый зал и закрыл за собой дверь. — Позвольте уточнить, вы искали встречи со мной?

— Клянусь, так совпало. Однако ваша статья очень меня заинтересовала, и я действительно собирался найти способ с вами связаться. Собственно, — я кивнул на подшивку газет в моих руках, — как раз собирался подготовиться к возможной встрече. Но обстоятельства меня опередили.

— Не считите за грубость, ваше сиятельство, но все это выглядит несколько странно. Словно подстроено. И, не считите за неуважение, но вы кажетесь мне слишком юным для ведения собственных расследований.

Я улыбнулся. Ну да. Не один я здесь параноик. Оставалось надеяться, что двое

параноиков смогут как-то договориться.

— Понимаю, — отозвался я и водрузил подшивку на стол, за которым уже успел расположиться журналист. — Но я хочу понять, могу ли быть с вами откровенен.

— Зависит от того, чего вы от меня хотите, ваше сиятельство.

— Могу ли я рассчитывать, что сегодняшняя встреча не окажется в утренней газете?

— С такими поводами не ко мне, а в светскую хронику, — проворчал Андриюшин, и я припомнил слова Матильды о том, что этот товарищ был весьма своеобразен в общении.

Я сел напротив и внимательно взглянул на журналиста поверх книг и папок.

— В таком случае я предлагаю обмен информацией о происшествиях, которые не дают покоя нам обоим.

Андриюшин усмехнулся.

— Вижу, вы — юноша не промах, ваше сиятельство. Но зачем вам это, Михаил Николаевич? Вокруг вас наверняка уже пляшет Тайное отделение.

— Будь там все так просто, вы бы сейчас тоже не корпели над этой книгой, — парировал я. — Информацию скрывают не только от газетчиков, но и даже от самих пострадавших. Но поскольку вопрос касается моей семьи самым непосредственным образом, а я — будущий наследник рода, в моих интересах погрузиться в причины случившегося несколько глубже. У вас интерес профессиональный, у меня — личный. То и другое видится мне вполне достойным мотивом для сотрудничества.

— Допустим, — Андриюшин подался вперед. — Какие условия вы предлагаете, ваше сиятельство?

— Вам наверняка интересны подробности перестрелки в Ириновке. Я могу дать подробный рассказ на условиях анонимности. Ибо не просто видел все своими глазами, но и бился с нападавшими. Считаю это неплохим дополнением к вашему архиву материалов.

Писака хитро улыбнулся.

— А чего вы хотите от меня?

— Расскажите, почему вы связали два похожих случая с одним непохожим. И как это привело вас сюда, — я похлопал по книге. — Возможно, я помогу направить ваше расследование в нужное русло. У меня, увы, руки пока коротки и нет должных связей. Тем не менее, пускать дело на самотек я не хочу.

Журналист откинулся на спинку стула.

— Меня устраивает, ваше сиятельство. Интервью об инциденте в Ириновке в обмен на мои наработки. Однако имен своих источников я не раскрою. Также я рассчитываю на то, что вы не станете применять ментальные практики, чтобы вытащить из моей головы имена. Я поклялся этим людям сохранить их тайну. Вы можете обещать, что не станете применять воздействие?

— Слово дворянина.

Андриюшин кивнул.

— Тогда сперва начну я. И начну с Голубевых.

— Взрыв газа, — припомнил я официальную версию.

— Никакой это был не газ, — проворчал журналист. — Нет, в итоге, конечно, газ рванул. Да только кое-что случилось в особняке и до взрыва...

— Продолжайте, пожалуйста.

— Это случилось летом. Хорошо помню, тогда стояла жуткая июльская духота, и большая часть знати перебралась загород. Голубевы были в числе тех, кто нередко отдыхал

на дачах. Правда, следует уточнить, что Голубевы — род обширный и плодовитый, поэтому их городская резиденция редко совсем уж пустовала... Собственно, ночью меня подняли звонком — дескать, у Голубевых взрыв. Позвонили... Скажем так, давние знакомые из органов правопорядка.

— Информаторы.

— Да. Ну, собственно, на взрыв мы и приехали — все же не абы что рвануло, а дворянский дом. Красивый был... Словом, написал я тогда кратенькую заметку, дескать, так и так. И успокоился на том. А несколькими днями позже позвонил мне товарищ уже из другого отдела. Судебная медицинская экспертиза показала странные вещи. Что несколько трупов, среди которых, к слову, был прежний граф Голубев, имели весьма занимательные повреждения. И получены они были еще до пожара. В детали вдаваться не буду, но явно имело место вмешательство при помощи Благодати. И, возможно, этих людей пытали.

Я тихо присвистнул.

— Само по себе, конечно, вопиющее событие. Особенно если учесть, что и правда пытки и убийство имели место...

— Я что тогда удивился — что полиция, что Тайное отделение — все хором заладили про взрыв газа, пожар да несчастный случай. Какой уж тут несчастный, когда медики такое нашли? Стал аккуратно копать, расспрашивать... И закончилось это визитом “ищек”.

— Угрожали?

— Очень вежливо предупредили, что дальше лезть не стоит. Удивительно вежливо, но очень настойчиво.

Я мрачно усмехнулся. Ну да, вежливые люди — они, видать, во всех мирах “вежливые люди”.

— И вы прекратили поиски?

— Пришлось, — по лицу Андрюшина пробежала тень. — Ради жены. Она тогда еще была жива. Сейчас меня уже ничто не останавливает.

Я кивнул.

— Соболезную.

— Благодарю, ваше сиятельство. Словом, тогда я притормозил поиски и убрал собранные материалы в долгий ящик. Скажу честно, я бы об этом деле вряд ли вспомнил, однако несколько дней назад меня буквально заставили это сделать.

— К вам случайно не приходил человек с парализованным лицевым нервом? — Насторожился я.

— Нет, ко мне никто не приходил лично. Но оставили послание. Записку. Ровно в ту ночь, когда произошли нападения на кладбище у ваших сиятельств и в усадьбе баронов. Просто сунули конверт под дверь. Обычный лист бумаги, текст напечатан на машинке.

— Что там было?

— Совет внимательнее присмотреться к инцидентам у Соколовых, Лисницких и Голубевых. Меня это сперва озадачило: про вас и Лисницких я к тому моменту знал — мне позвонили знакомые из губернской полиции. А вот с Голубевыми в тот момент ничего не происходило — никаких новостей.

— И вы стали искать?

— Да. Бросился вспоминать все происшествия, что могли быть связаны с родом Голубевых. И единственное яркое за последние годы — взрыв особняка. И я решил позволить себе небольшую провокацию в статье. Часто бывает, что иногда запустишь какую-

нибудь мысль — и люди начинают на нее реагировать. Что-то пишут, звонят, рассказывают. Я понадеялся, что эта провокация сработает.

Но, видимо, пока он поймал на этот крючок только меня...

— Хорошо, — я неуклюже поерзал на неудобном стуле. — Предположим, вам намекнули, что три события действительно связаны друг с другом. Но почему вы начали искать информацию про Сенат?

— Коллега навел. Когда мы начали обсуждать в редакции произошедшее, один из сотрудников, который ведет политический блок, в шутку сказал, что сенаторов выкашивают.

— Так и выразился?

— Именно. В нашей среде не церемонятся, особенно в стенах редакций, — улыбнулся Андриюшин. — А я тогда как раз прокручивал в голове только вышедшую статью... И черт меня дернул проверить, действительно ли все были сенаторами. Оказалось, были. Да только не в наши дни, а сотню лет назад.

Я кивнул.

— Мой род уже давно не ждут в Сенате.

Журналист придвинул книгу ближе.

— А как вы до этого дошли, ваше сиятельство? До Сената...

— Почти что ткнул пальцем в небо. Прочитал вашу статью, начал искать связь, попросил помощницу найти информацию об упомянутых дворянских родах... И обнаружил только один очевидный факт, что их связывал.

— Особую комиссию по вопросам ограничения применения Благодати I Департамента Правительствующего Сената, — продолжил за меня журналист.

— Да. Я перепроверил браки, собственность... Представители этих родов не женились друг на друге, совместных предприятий не вели, сделок не заключали. Может, конечно, состояли в других отношениях, но такой информации я не нашел. Правда, пока не представилось возможности начать изучать вопрос более пристально, — Я пожал плечами. — Увы, некоторые технические блага прогресса мне недоступны.

Андриюшин понимающе кивнул.

— Раз мы с вами пришли к одному и тому же, поведайте, пожалуйста, о том, что произошло в Ириновке, ваше сиятельство.

Я пересказал ему все, что тогда случилось, разумеется, не упомянув о визите Радаманта в усадьбу Матильды. Да и вообще имени Радаманта не называл. Назову имя — точно подставлюсь. Если Андриюшин станет копать глубоко, обратит на себя внимание и выдаст меня подробностями, которые мог знать только я, предстоит неприятный разговор с Корфом.

Впрочем, в таком случае он бы все равно предстоял — наверняка из памяти журналиста вытащат воспоминания о встрече со мной. Но все равно следовало перестраховаться и не болтать лишнего. Поэтому я старался говорить только то, что мог бы рассказать любой свидетель. Ну разве что добавил про обмен любезностями в виде “Колобков”. Радаманта я описал просто как человека с высоким уровнем Благодати и парализованным лицом. О его встрече с моим покойным дядей тоже не упоминал.

Уверен, сам Андриюшин тоже рассказал мне далеко не все, что знал сам.

— Благодарю за подробности, ваше сиятельство, — Андриюшин отложил ручку и устало потер глаза, когда я закончил. — Возможно, мне это и правда поможет.

В дверь аккуратно постучали.

— Прошу прощения, господа, — библиотекарша приоткрыла створки. — Через четверть часа библиотека закрывается. Нужно успеть оформить сданные материалы.

— Благодарю, мы уже заканчиваем, — улыбнулся я и обернулся к Андриюшину. — Одно небольшое дело. Позвольте одолжить книгу на пару минут?

Журналист улыбнулся и вытащил из тетради небольшой лист бумаги.

— Быть может, ищите вот это?

Я уставился на список. Да, именно это я и искал.

Состав Особой комиссии по вопросам ограничения применения Благодати I Департамента Правительствующего Сената (1929 год):

Барон Людвиг Янович Бертельс

Граф Роман Александрович Воронцов

Князь Петр Петрович Вяземский

Граф Григорий Иванович Голубев

Барон Лев Юрьевич Лисницкий

Граф Матвей Иванович Платов

Граф Павел Александрович Строганов

Граф Андрей Георгиевич Шувалов

Секретарь комиссии: граф Владимир Николаевич Соколов

Председатель комиссии: Князь императорской крови Его Высочество Георгий Константинович Романов.

Увидев информацию о председателе комиссии, я нервно сглотнул. Ведь Радамант говорил о списке. Что если это — именно тот самый список? И тогда, выходит, беда придет не только к шестерым простым членам комиссии, но и к императорскому Дому?

Черт.

— Могу я его переписать? — торопливо спросил я, внимательно запоминая имена. На всякий случай.

— Разумеется. Что вас так взволновало, ваше сиятельство?

— Ничего... Ничего. Просто боюсь опоздать домой.

Андриюшин наградил меня полным недоверия взглядом и молча протянул листок бумаги. Я схватил первую попавшуюся ручку и принялся торопливо копировать список. Забавно, что почерк остался моим. Тело чужое, а манера писать — весьма коряво, к слову, уж точно легко могла бы вызвать подозрения. Все аристократы, которых я знал, обладали красивым почерком. Но сейчас я надеялся, что Андриюшин спишет это на спешку.

Закончив, я сложил листок и сунул во внутренний карман пиджака.

— С вашего позволения, давайте разойдемся по очереди, — попросил журналист. — Не хочу, чтобы нас видели вместе.

Интересно, почему? Я выглядел вполне безобидно. С другой стороны, логика в этой просьбе была. Я бы не хотел, чтобы меня застукал тот же Корф в компании писаки, копающего криминальные хроники. Еще рано.

— Возьмите мою карточку, ваше сиятельство, — Андриюшин протянул мне белую плотную картонку. Самая дешевая визитка, черно-белая, примитивная. — Если вспомните

что-нибудь, свяжитесь со мной.

— Благодарю, — я сунул визитку к списку, взял так и не пригодившиеся подшивки и направился к дверям. — Прощайте, Сергей Васильевич.

Проходя мимо опустевших столов, я с удивлением отметил, что любитель Шекспира все так же наслаждался сонетами. Он скользнул по мне безразличным взглядом и, сверившись с часами, хлопнул книгу.

Я дотащил массивную папку до стойки библиотекарши.

— Благодарю сердечно, — улыбнулся я. — И прошу прощения за то, что несколько вас задержал. Увлёкся.

Седовласая дама мило улыбнулась.

— Пустяки, ваша светлость. Всякий раз, когда сюда заходят молодые люди, это как живительный бальзам на душу. Очень приятно видеть, что молодое поколение все еще интересуется чтением.

Я снова улыбнулся.

— Ну, в моем положении без этого никуда.

Распрощавшись, я вышел в холодный осенний вечер. Дождь, хвала небесам, прекратился. И славно — пальто едва успело просохнуть после прогулки от Вознесенского до библиотеки. Вдохнув свежего воздуха с речными запахами, я медленно направился в сторону особняка Матильды.

Но едва успел завернуть за угол здания, как что-то резко заставило меня остановиться. Внутренняя чуйка вздыбилась, по рукам пробежали белые искры — так родовая сила предупреждала об опасности, пытаясь поставить “Берегиню” на защиту. Я остановился. Огляделся по сторонам.

Вроде ничего. Только спешащие домой прохожие, автомобили и троллейбусы... Группка гимназистов в форме, перебегавшая дорогу в неполюженном месте. Что же такое?

Что? Что должно произойти?

И в этот момент позади меня, прямо около дверей библиотеки кто-то сдавленно закричал.

Не успев перейти дорогу, я резко развернулся, едва не сбив случайного прохожего.

— Куда прешь?! — рявкнул на меня хмурый мужик, но, заметив графский герб, мгновенно изменился в лице. — Ой... Ваше... Благородие. Простите, сударь... нижайше молю...

У меня не было времени на разбирательства с бедолагой. Я молча кивнул и помчался обратно к библиотеке.

Как назло половина фонарей не работала, и особенно удивительно было то, что погасли все огни именно вдоль фасада библиотеки. Совпадение? Не думаю...

“Берегиня” вспыхнула сама по себе, рискуя меня выдать. Усилием воли я погасил заклинание и прижался к стене. Какое-то движение возле входа. Несколько темных силуэтов тащили что-то — или кого-то — к темному неприметному фургону без окон. До меня донеслись звуки возни, сдавленные стоны.

Все так же прижимаясь к стене, я скользнул ближе. Правая рука зачесалась от сконцентрированной энергии — “Колобок” был готов сорваться с пальцев в любой момент. Черт, надо научиться серьезнее контролировать свои способности. Иначе однажды точно попаду из-за этого в переделку...

— Отпустите, изверги! — возмущенно пробасили из фургона, и я узнал голос. Андрюшин.

В следующий момент он попытался вырваться, выронил старый дипломат, и тот раскрылся от удара о брусчатку. Из него посыпались листы бумаги, ручки, еще какие-то вещи, и я заметил ту самую толстую тетрадь, в которой вел записи журналист.

Надо спасти мужика.

Правда, чую, я об этом еще пожалею...

— Отпустите человека! — я вышел из тени и решительно направился к нападавшим.

Теперь “Берегиню” можно было не сдерживать, а вот с боевыми заклинаниями я решил повременить: все же мы были в центре города, пугать невинных людей мне не хотелось.

Из подворотни вышел какой-то мужик с собакой, увидел меня, взглянул на людей в фургоне — и тут же ретировался обратно. Вот и молодец.

— Отпустите его, — повторил я, проходя ближе. Специально дал рукам больше силы, чтобы усилить сияние и намекнуть, что я был способен сражаться.

Похитители обернулись. Я заметил двоих в темной одежде, с невзрачными лицами. Да и не смог толком их разглядеть — эта парочка точно знала, как держаться в тени. Вероятно, еще один был за рулем.

Андрюшин дернулся, но один из похитителей — тот, что был повыше, схватил его за плечи и ловким движением затащил в фургон.

— Идите куда шли, сударь, — хрипло посоветовал мне второй. — Это вас не касается.

— Боюсь, касается.

Над моей ладонью завис “Колобок”. Маленький, но опасный. Человек хмыкнул. Казалось, совсем не испугался.

— Применять боевую Благодать запрещено на территории Петрополя, — предупредил он.

— Похищать людей — тоже. Отпустите человека — и разойдемся миром. В противном

случае я буду вынужден его защищать.

Ответом мне была легкая улыбка. Или показалось?

— Не советую, сударь.

Я шагнул ближе.

— Прошу в последний раз. Отпустите. И верните вещи.

— Исключено.

— Михаил Николаевич, — сдавленно проговорил Андрюшин из недр фургона. — Не нужно...

Но было поздно. Самоконтроль опять дал слабину. Незнакомец дернулся, резко потянулся свободной рукой под куртку, и сила вздыбилась в моей крови. Висевший над ладонью “Колобок” сорвался и метнулся к нему.

— Нет... — пробасил Андрюшин. — Зачем...

И в этот момент прямо перед “Колобком” вырос мощный барьер. “Покров” поглотил заклинание и мгновенно рассыпался, окатив защищаемого снопом янтарных искр. Незнакомец удивленно отпрянул, врезавшись спиной в распахнутую дверь фургона.

— Что здесь происходит?

Я обернулся на требовательный голос за моей спиной. На пороге библиотеки стоял уже знакомый мне старичок в пенсне. Любитель Шекспира. Его руки были охвачены янтарным сиянием.

— Что вы устроили, юноша? — тоном разгневанного учителя прошамкал старик и направился к нам. — Что вы себе позволяете, ваше сиятельство? Неужели забыли о правилах?

Я застыл в непонимании.

— Что за...

— Он все видел... — начал было один из двух нападавших. — Я не успел...

— Молчите, Стельцов! — старик подошел ко мне, и на его лице я видел плохо скрываемое раздражение. — Ваше сиятельство, вы помешали задержанию. Яков Моисеевич Фербер, старший дознаватель Тайного отделения.

В подтверждение своих слов он достал удостоверение и показал мне в раскрытом виде.

Твою мать. Я-то предполагал, что попытаюсь задержать кого-то из людей Радаманта, а нарвался на Тайное отделение. И не просто нарвался — на их глазах нарушил один из основных законов применения Благодати...

— Приношу извинения, — я старался держаться максимально спокойно, хотя внутри все похолодело. — Я не знал, что проводится операция. Со стороны это выглядело как похищение, и я решил исполнить долг всякого законопослушного подданного.

— Только, увы, напали на одного из моих сотрудников, — кисло улыбнулся старичок. — И хотя мотивы сего деяния исключительно благородны, боюсь, вашему сиятельству надлежит отправиться с нами в Отделение.

— Значит, меня задерживают?

— Мы обязаны зафиксировать деяние. А вашему сиятельству надлежит написать пояснительную записку. Полагаю, серьезных санкций не последует, но процедура есть процедура. Пожалуйста в автомобиль, ваше сиятельство.

Фанат Шекспира держался предельно любезно, но от меня не укрылась опасная холодность в его глазах. А еще хуже было то, что он видел нас с Андрюшиным вместе. Видел, что мы разговаривали, что вышли в другой зал и провели там много времени. И если

Тайное отделение следило за журналистом, то теперь у них наверняка появятся вопросы и ко мне...

Черт, как же я так неуклюже подставился?

— Прошу вас, Михаил Николаевич, — старик указал на фургон. — Пожалуйста с нами. Это чистая формальность. Прошу, не вынуждайте нас фиксировать еще и сопротивление служителям Отделения.

Ага, так я вам и поверил. Слыхал я, точнее, прежний Миша, слухи о том, что люди могли попросту исчезнуть после визита в Тайное отделение... Одна надежда была на Корфа. Быть может упоминание его имени поможет мне выторговать немного свободы или хотя бы достойного отношения?

— Хорошо, — наконец согласился я.

Был соблазн раскидать с десяток “Колобков” и избежать поездки, но, во-первых, я не знал, чем мне могли ответить сотрудники. Ведь Тайное отделение часто специализировалось на преступлениях, совершенных с помощью Благодати. А раз так, у этих людей наверняка должны быть способы обезвреживать зарвавшихся одаренных. И проверять на своей шкуре мне это не хотелось. Во-вторых, оказав сопротивление, да еще и при помощи родовой силы, я мог влипнуть уже по-крупному.

Спокойно, Миха. Постараемся прикинуться дурачками и держаться версии об активной гражданской, точнее, дворянской позиции.

Я молча забрался в фургон. Следом — двое сотрудников, успевших собрать раскиданные вещи Андрюшина. Двери закрылись, и тот, кого старичок назвал Стрельцовым, зажег одинокую тусклую лампочку.

Журналист наградил меня усталым взглядом, разочарованно покачал головой и отвел глаза.

— Зачем же вы вмешались, ваше сиятельство? — устало спросил он. — Думаете, для меня это впервые?

Я молча пожал плечами. Уже и сам понимал, что катастрофически облажался.

Фургон ехал недолго, но судя по тому, как нас постоянно мотало из стороны в сторону, петляли мы по центру. Наконец автомобиль остановился, мотор заглушили, и двери нашего отсека распахнулись. Мне в нос ударила смесь запахов речной сырости, бензина и табака.

— Пожалуйста на выход, господа.

Мне даже помогли выбраться — подали руку как какой-нибудь мадемуазели. Исключительная вежливость. Только от этого милейшего отношения почему-то оставалось ощущение, словно по щекам провели наждаком.

Мы очутились в классическом питерском дворе-колодце. Снова накрапывала мелкая морось, и я попытался быстро оглядеться. Глазу даже зацепиться было не за что. Двор каких множество. Несколько припаркованных машин: все старомодные, явно механика — значит, рассчитаны на одаренных. Дома во дворе пятиэтажные, но непарадная часть отличалась скромностью: бледная штукатурка на стенах, простые прямоугольные окна...

— Прошу, господа, — Фербер взмахом руки указал на скромную дверь.

Нас повели как под конвоем: первым шел старичок, за ним безымянный сотрудник, следом мы с Андрюшиным, а замыкал Стрельцов. Но не успел я перешагнуть порог здания, как внезапно скорчился от резкой боли. словно кто-то хорошенько так врезал под дых.

— Прошу прощения, ваше сиятельство. Защита. Вы не сможете применять способности на территории Отделения.

— Хррр... Понимаю...

Я с трудом выпрямился и продолжил путь. Занятно, что Фербер без труда и каких-либо эффектов пересек порог. Значит, есть какой-то “белый список”? Логично, что сотрудники могли применять здесь способности. Иначе как они будут допрашивать...

Значит, теперь я на какое-то время — обычный человек. Я хмыкнул. А ведь уже так успел привыкнуть к силе, что сейчас ощущал себя беспомощным. Словно из меня выпили душу, а тело оставили оболочкой с минимальными функциями. Даже голова соображала с трудом.

— Прошу, Михаил Николаевич, — любитель Шекспира указал на темную дверь кабинета. — Пожалуйста за мной.

— А Андриюшин?

— Его допросят в другом месте. Вы здесь по разным причинам, — Фербер поднял на меня бесцветные, почти прозрачные жутковатые глаза. — Надеюсь.

Несмотря на осеннюю слякоть, в кабинете оказалось натоплено как в аду. Мною занялся какой-то молодой сотрудник, принял паспорт, оформил какие-то документы и долго что-то записывал в какой-то исполинских размеров гроссбух. Убедившись, что я не ерепенился, Фербер вышел, оставив меня на помощника.

— Прошу, ваше сиятельство, — парень усадил меня за стол и положил бумагу с ручкой. — Извольте написать пояснительную записку к случившемуся инциденту.

— Что же мне писать?

— Опишите события, послужившие причиной применения Благодати. Желательно, с максимальным количеством подробностей, — он с состраданием взглянул на мой вспотевший лоб. — Пальто можно повесить на вешалку. И, быть может, чаю?

— Я бы предпочел связаться со своей наставницей. А еще лучше — с Вальтером Макаровичем Корфом.

Парень удивленно икнул.

— Вы знакомы с Вальтером Макаровичем, ваше сиятельство?

— Разумеется, я же Соколов, — я понизил голос. — Тот самый Соколов, на чью семью было совершено нападение.

О других обстоятельствах нашего знакомства с Пистолетычем я решил деликатно умолчать.

— Боюсь, прямо сейчас связаться с его превосходительством не получится, — замылся парень. — Он отсутствует в Отделении. Однако я смогу предоставить телефон, когда вы закончите с объяснениями.

— Благодарю.

Я принялся старательно выводить буквы, стремясь писать как можно ровнее. Мда, почерк все еще мог вызвать у сведущих людей вопросы: слишком уж криво я карябал. Но что поделать — буду говорить всем, что это последствия травмы головы или ментального вмешательства. Может и прокатит.

В объяснительной я упрямо придерживался версии защиты журналиста от посягательств неизвестных злоумышленников. В красках описал, что желал совершить подвиг и подтвердить благородное имя дворянина, добавил побольше пафосной и витиеватой мишуры...

Я почти закончил строчить, когда дверь распахнулась так резко и громко, что ударилась о стену и отскочила, а мы с несчастным помощником подпрыгнули от неожиданности. Так и

поседеть раньше времени можно... Или зайкой остаться.

— Добрый вечер, Михаил.

Увидев корфа, паренек вытянулся по струнке. Я отложил ручку и поднялся в знак приветствия.

Даже не удостоив сотрудника взглядом, Корф кивнул на выход:

— Оставьте нас наедине с его сиятельством.

— Конечно, ваше превосходительство...

Юный отделенец ретировался, а Корф, закрыв дверь, уставился на меня тяжелым взглядом.

— Михаил, ты в своем уме? — гневно начал он. — Какого лешего ваше сиятельство забыли в той библиотеке?

Я пропустил непочтительность мимо ушей. В конце концов, после всего, что мы видели вместе, было уже поздногато для формальностей.

— Она ближайшая к особняку Матильды. Я читать.

— Не лгите, юноша.

— Я и не лгу. Ходил в библиотеку читать. Там встретился с Андрюшиным. Случайно, богом клянусь. Мы немного разговорились — все же он известный журналист...

Я старался говорить так, чтобы он не смог подкопаться ни к одному слову. И не лгал — просто недоговаривал.

— Не знал, что ты интересуешься криминальной хроникой.

— Заинтересовался после того, что случилось на похоронах, — огрызнулся я.

И тоже не солгал.

Корф буравил меня тяжелым взглядом. Я почувствовал легкое прикосновение к своему разуму — в голове мерзко зазудело, словно муравьи ползали по стенкам черепа. Про себя я повторял только то, что изложил вслух. Без деталей, без подробностей...

К моему удивлению, Корф не стал лезть глубже.

— Давай начистоту, — он опустил на стул и сложил ладони домиком. — Мне передали, что тебя забрали за применение боевой Благодати. Фербер сказал, ты швырялся “Колобками”.

— Да, так и было.

— Михаил, какого черта? Ты понимаешь, что если об этом случае просочится наружу, тебе будет закрыта дорога в Аудиториум? Это грубейшее нарушение закона. У тебя нет дозволения применять боевые заклинания в городе. И такими темпами еще долго не появится.

— А вам зачем понадобился Андрюшин? — перебил я. — Он что, преступник? Вы же схватили его как какого-то террориста. Ночью, напали, сунули в машину... Я уже шел домой, когда услышал шум. Вернулся, увидел драку... Откуда ж мне было знать, что это были ваши люди? Со стороны это выглядело как нападение. С учетом того, что Андрюшин — журналист, я и решил, что...

— Я понял. Ваша семья начинает меня раздражать. Сперва твои старшие родичи учудили, теперь ты нарываешься. Помни, что я оставил твою семью в покое потому, что мне нужна твоя помощь. Но сейчас вместо того, чтобы готовиться к испытаниям, ты явно решил сыграть в сыщика, — Пистолетыч уставился на меня в упор. — Иначе как объяснить то, что сперва ты ищешь связь между инцидентами, а после встречаешься с журналистом, который тоже копает в этом направлении?

— Потому что я хочу знать правду. Меня не посвящают в ход расследования, хотя на правах потерпевшего я имею право знать.

— Тайное отделение отчитается, когда расследование будет завершено. А сейчас ты просто мешаешь нам работать.

Я глубоко вдохнул, медленно выдохнул и поднял глаза на Корфа.

— Или, быть может, это вы пытаетесь помешать расследованию Андриюшина? — Набрался дерзости я. — Иначе зачем Тайное отделение схватило его именно в тот момент, когда он вплотную занялся теми инцидентами? Значит, и правда что-то накопал.

Ни единый мускул не дрогнул на лице Пистолетыча — впору было поучиться у него самообладанию. Но фонило от него изрядно, и без того сухой и горячий воздух в помещении стал еще суще и тяжелее. Корф забрал у меня недописанный лист с объяснительной запиской, сложил вчетверо и убрал за пазуху.

— Если с тобой не получается договориться по-хорошему, Михаил, то придется поступать как обычно. У тебя два варианта. Первый — ты прекращаешь самодеятельность, сосредотачиваешься на поступлении и вкладываешь всю энергию в то, чтобы поступить в Аудиториум. В таком случае это, — он хлопнул себя слева по груди — там, где покоилось мое признание, — превратится в пепел, а твоя семья не будет отвечать за нарушение запрета.

— Второй вариант — я продолжаю путаться у вас под ногами, и тогда вы наказываете и меня, и отца с бабушкой. А сестру оставляете сиротой.

— Не сиротой, но опека ей понадобится, — сухо ответил Корф. — Выбор за вами, ваше сиятельство. И советую подумать очень хорошо: у вас уже появились первые успехи на поприще восстановления репутации. Мне на вашем месте было бы невероятно обидно все это потерять.

Я печально усмехнулся. Шантажист хренов. Если подумать, чем отличается Корф от Радаманта? Оба готовы действовать любыми методами, чтобы достичь своих целей. Оба играют грязно. Оба, вероятно, фанатично преданы своим убеждениям. И разница между ними лишь в том, что они оказались по разные стороны баррикад.

А я — между молотом и наковальней.

— Так что вы ответите, ваше сиятельство? — снова спросил Корф.

Корф выжидающе на меня уставился. В кабинете повисла неестественная гробовая тишина — только было слышно, как журчала вода в трубах и батареях.

Я напряженно соображал, как поступить так, чтобы и правду выяснить, и семью не подставить. Быть может, кто-то на моем месте даже без доли сомнений воспротивился бы Пистолетычу, но я так не мог. От моих действий сейчас зависели судьбы нескольких дорогих мне людей.

В конце концов вся эта затея с моим появлением в этом мире была затеяна старшими родичами лишь для укрепления рода и восстановления положения семьи в обществе. Да, меня никто не спрашивал. Да, все получилось жестко.

Но, с другой стороны, оказавшись здесь, я обрел куда больше, чем в “прошлой” жизни. Что бы меня там ждало, даже окажись та злосчастная лестница прочнее? Допустим, доучился бы с грехом пополам. Устроился бы на постылую работу — без опыта по специальности взяли бы на нищенских условиях. С годами может ушел бы в более успешную область.

Может, мне бы дальше повезло. Женился б там, взял тачку в кредит и квартиру в Мурино в ипотеку. И выплачивал бы все это, горбатясь на двух работах и пяти халтурах. Чтобы потом, по прошествии лет, обнаружить, что с детьми говорить не о чем, ибо они толком меня не видели из-за постоянной занятости, что огонь любви в глазах жены давно погас, а отношения превратились в соседство. А дальше что? Аденома простаты?

А может сыграла бы генетика, и я, что вероятнее, либо бы увлекся алкоголем на почве беспросветно скучной жизни, либо бы случайно обнаружил опухоль, с которой долго и безуспешно боролся лишь затем, чтобы отсрочить неминуемый конец.

Лестница просто ускорила события. И если когда мне и повезло по-настоящему, так это в тот момент, когда я очнулся в Ириновской усадьбе.

Именно поэтому я сделал что должно.

— Я согласен с вашими условиями, Вальтер Макарович. — Корф жестом попросил меня продолжать. — Я сосредоточусь на поступлении в Аудиториум, брошу на это все силы. Лезть к Андрюшину больше не стану, равно как и не буду проводить самостоятельных расследований, дабы не мешать работе Тайного отделения.

Пистолетыч удовлетворенно кивнул.

— Я рад этому решению, Михаил.

— Это не все, — поспешил перебить я. — У меня тоже будет маленькое, но важное условие.

Корфа, казалось, забавляла моя легкая ершистость. Вероятно, человек, за годы привыкший к беспрекословному подчинению, откровенно развлекался, когда ему в лапы попал юный и борзый графчонок. Наверняка для него это было игрой. Но для меня вся эта игра была подобна отчаянным трепыханиям в кипятке в попытках вознестись.

— Не думаю, что с твоей стороны корректно ставить мне условия.

— Я буду держать обещание, клянусь. Но нарушу его лишь в одном случае, — тайный советник удивленно поднял брови. — Если на мою семью снова будет совершено повторное нападение или ей будет что-то угрожать. В этом случае я считаю себя обязанным вмешаться на правах наследника рода.

— Твоей семье не о чем беспокоиться, Михаил. Усадьбу охраняют, за твоей родней присматривают. И, замечу, отнюдь не дилетанты.

Я кивнул.

— Не сомневаюсь в компетентности ваших сотрудников. Однако и наш враг не лыком шит.

— Это верно, — мрачно отозвался Корф. — Он умеет удивлять.

Я откинулся на жесткую спинку стула.

— Значит, мы договорились, ваше превосходительство?

Пистолетыч хмыкнул и вперился в меня темными клолючими глазами.

— Если твоей семье будет снова что-то угрожать, я позволю тебе вмешаться. Однако при непосредственном взаимодействии с Тайным отделением. Решите усилить охрану — предоставляете нам списки лиц для проверки. И тому подобное.

— Идет, — согласился я. Чего-то в этом роде я и ожидал. Однако специально выбирал формулировку.

— В таком случае, Михаил Николаевич, прошу вас дать слово дворянина.

Вот именно поэтому я и аккуратно выбирал слова. Предполагал, что Корф этого потребует. Ибо клятва дворянина священна. Священна до такой степени, что ее неисполнение или нарушение могло лечь пятном на род. В нашем случае это было бы особенно болезненно — боюсь, в таком случае я бы лишился силы и поддержки источника.

Я приложил руку к груди и чуть склонил голову.

— Клянусь предками и даю слово дворянина, что не стану в дальнейшем вмешиваться в ход расследования, создавать помехи и вести тайную деятельность. Клянусь соблюдать эту клятву до той поры, пока внешние обстоятельства не вынудят меня ее нарушить ради благополучия семьи и рода Соколовых.

Корф степенно кивнул.

— Принимаю вашу клятву, Михаил Николаевич.

Мне показалось, или в этот момент на шее словно затянулся узел? Странное ощущение. Как в парикмахерской, когда на тебя надевают накидку и скрепляют сзади на шее — тесно, неприятно. То же самое я испытал сейчас, всего на секунду.

А затем Пистолетыч покачал головой и слабо улыбнулся.

— Ты, Михаил, тот еще жук. Торгуешься как на базаре. Но выгоды своей явно не упустишь.

— Так и должен поступать наследник дома в моей ситуации, — невозмутимо ответил я. — Так поступаете и вы. Все во благо интересов.

— Следи за тем, чтобы наши интересы совпадали, — предупредил меня Корф, и мне показалось, что в этих словах была угроза. — Со своей стороны я тоже выполню обещание. В Аудиториуме не узнают, что ты преступил закон. Можешь спокойно готовиться дальше. И учти — я жду результатов. Второго шанса не будет. Ты нужен мне там уже в этом году.

— К слову об этом. Вы обещали рассказать, в чем будет заключаться моя миссия. За кем я буду должен следить и в чем участвовать?

Корф шикнул на меня.

— Тише. Об этом поговорим не здесь.

Я удивленно на него уставился. Значит, даже в стенах родного учреждения Пистолетыч не желал рисковать? Интересно... Или это операция предполагается быть настолько тайной, что об этом никто не должен был знать даже в Отделении?

Что же за игру ты ведешь, Вальтер Макарович?

— В таком случае, если от меня больше ничего не требуется, я бы предпочел отправиться домой. Но сперва должен позвонить Матильде. Она наверняка распереживалась.

— С ней уже связались. Сообщили, что ты у нас. Она обещала тебя забрать, — Корф взглянул на наручные часы. — Думаю, тебе уже пора. Она наверняка подъехала.

Я поднялся, подхватил пальто и обернулся к Корфу.

— Буду ждать от вас новостей и информации. Всего доброго, ваше превосходительство.

Корф коротко кивнул и вышел следом за мной, только отправился не к выходу, прошел дальше по коридору вглубь здания.

Я попрощался с дежурным и с облегчением пересек порог. Блок спал, сила вернулась — и я наконец-то смог вдохнуть полной грудью холодный осенний воздух. Даже дождик сейчас был в радость.

Выбраться из двора-колодца оказалось непростой задачей: ворота оказались заперты, и мне пришлось объясняться со сторожем. Тот пропустил меня через свою каморку, и я оказался на улице. Лучше бы вышел с парадного хода.

Почему-то я по привычке думал, что меня привезли на Литейный. Казалось, Тайное отделение могло вполне сидеть в “Большом доме”, да только я совсем позабыл, что построен он был уже при Советах. Поэтому сперва немало удивился, обнаружив себя... на Васильевском острове.

Я точно находился на одной из знаменитых Линий — читал, что раньше, еще при Петре, они были каналами, но их быстро засыпали и превратили в улицы. Вышел из двора и оказался почти что на углу Линии и набережной. На другом берегу виднелся огромный купол Исаакиевского собора. Значит, точно “Васька”.

Предположив, что Матильда должна была подъехать к главному входу, я свернул на набережную. И точно — ее силуэт с мундштуком на фоне включенных фар автомобиля не оставлял сомнений.

Я подошел ближе, уже предвкушая бурю.

— Добрый вечер, ваше благородие.

Матильда обернулась, вытащила недокуренную сигарету из мундштука и щелчком отправила ее в урну. Как всегда, без осечек.

— В машину, живо, — скомандовала она.

Устроившись на кожаном сидении спереди, я уставился прямо перед собой. Будет гневаться — это как пить дать. Сходил, блин, прогуляться в библиотеку. Но она вправе. А значит — надо держаться.

Матильда устроилась на водительском месте, хлопнув дверью громче обычного.

— Михаил, ты с ума сошел? Почему в десять вечера я получаю звонок от помощника Вальтера и узнаю, что ты изволишь быть задержанным? Что случилось?

Я коротко пересказал ей ту же версию, на которой настаивал в объяснительной и которую выложил Корфу. Лист со списком членов особой комиссии приятно грел карман, но в ближайшее время мне уже точно не случится им воспользоваться.

— Значит, в героя поиграть решил? — Матильда опустила оконное стекло и снова взялась за портсигар. — И совершенно случайно встретился с Андрюшиным?

— Господи, да на какой Библии мне поклясться, что это и правда было случайно? — вспыхнул я.

Забавно, что из всей той паутины, что я плел, это действительно было правдой.

— Тише, Михаил, — наставница нервно прикурила и глубоко затянулась. — Ты действительно применил боевое заклинание?

Я кивнул.

— Да. Потерял контроль. Был готов, но не хотел. Само сорвалось.

— Скверно. Значит, ты берешь больше, чем способен удержать. Это куда более серьезная проблема, чем может показаться.

— Это я уже понял... С этим можно что-то сделать?

— Да. Но сейчас меня беспокоит другое. Дело замнут или это все же выплеснется в сводки?

— Корф обещал, что прикроет меня.

— Значит, теперь ты ему должен.

— Я был ему должен еще до того, как прибыл к вам, — хмуро ответил я, и Матильда удивленно на меня покосилась.

— Чего я не знаю?

— Долгая история, ваше благородие. Правда, долгая. Просто так получилось, что я ему нужен для одного... одной инициативы. Очень нужен. Подробностей пока сам не знаю. И по этой причине он так со мной возится. Потому и вас подключил.

— Судя по тому, как горячо он за тебя просил, ты и правда нужен. Но что это за... инициатива?

Я пристально глядел на ее красивое лицо, гадая, насколько мог довериться этой женщине. С одной стороны, поводов не верить ей у меня не было. С другой — теперь я уже вообще вряд ли мог кому-то доверять.

— Это как-то связано с Аудиториумом. Корфа что-то там беспокоит.

К моему удивлению, Матильда отнеслась гораздо спокойнее, чем я ожидал.

— Теперь понятнее. А я все гадала, почему он так хочет, чтобы я готовила именно тебя. Прости за грубость, но без родовой силы ты и в кандидаты не годился. Поначалу мне думалось, что Корф просто решил пристроить в Аудиториум редкий самородок. Даже думала, что он захочет позже взять тебя на службу в Отделение — за выпускниками приглядывают и приглашают. Но раз у него на тебя иные планы...

— Вы что, не сердитесь?

Матильда пожала плечами, потушила сигарету в салонной пепельнице и завела мотор.

— На тебя сложно сердиться, Михаил. Ибо все проблемы, которые ты доставляешь, связаны с твоей добротой. И лишь иногда — с хулиганством. Однако не думай, что сегодняшнее пройдет для тебя бесследно. Я запрещаю тебе выходить из дома без сопровождения до вступительных испытаний.

Ну, примерно этого я и ожидал. И тут причина не столько в желании наказать, сколько в том, что я, кажется, и правда имел проблемы с контролем силы. Сперва чуть не угробил Ирэн, потом это... Да и Корфу в нашу первую встречу немного досталось. Это действительно становилось большой проблемой, особенно если выходить “в народ”.

Одно дело — вклеить сильным “Колобком” в обученного одаренного, другое — случайно задеть простолюдина. С учетом настроений, которые наверняка витают в определенных слоях общества, моя потеря самообладания могла сослужить плохую службу всей аристократии. Ведь те террористы, которые устроили побоище в Аудиториуме, наверняка выражали не только свое мнение...

— Логично, — кивнул я. — Слушаюсь.

Автомобиль медленно покотился в сторону моста. Матильда молчала, и по ее напряженному лицу я видел, что она над чем-то крепко задумалась. Даже не решался прерывать мыслительный процесс. Мы пересекли реку, въехали в центральную часть города. Впору было любоваться красотами имперской столицы, но сейчас нам обоим было не до этого.

— Как Ирэн? — спросил я, чтобы немного разрядить обстановку.

— Нормально. Спит. Она быстро справится.

— Мне жаль, что не успел ее уберечь. Наверняка она тяжело переживает...

— Ирина сильнее, чем ты думаешь, и на ее долю выпало немало как хорошего, так и плохого. Не переживай за нее — все быстро обойдется, — Матильда печально хмыкнула. — Но, могу обрадовать — хотя от этой радости несет тленом. Количество кандидатов на поступление в этом году несколько сократилось.

— Все же есть погибшие?

— Пара десятков. Не все успели сориентироваться. Не всем повезло. В основном пострадали обладатели восьмого и седьмого рангов — им не хватило силы поставить надежные “Покровы”. Те, кто посильнее, выжили и наверняка даже успеют восстановиться к испытаниям.

— Значит, Радаманту удалось.

— Если это он, — ответила баронесса.

— Он, конечно! Вы же видели, что случилось с выжившей, когда люди из Тайного отделения...

Она кивнула.

— Осталось понять, насколько велика его шайка.

— С его способностями он может превратить шайку в армию. Армию зомби.

— Кого? — удивилась Матильда. — Зомби? Что это?

Черт, прокололся. Неужели в этом мире не знают о зомби? Вроде бы должны были проникнуть элементы чужих культур...

— Это из африканской мифологии. Зомби — это оживленный труп, подчиненный чужой воле. Или живой человек, тоже подчиненный...

— Не знала, что ты увлекаешься Африкой, — удивленно, но с нотками некоего почтения, заметила наставница. — Любопытно. Но да, зомби — отличное название для того, что Радамант сделал с несчастными простолюдинами.

— И с Ирэн.

— Ирэн он просто внушил мысли. К слову... Тут есть небольшая загвоздка, Михаил.

— М?

Матильда покосилась на меня.

— Я не менталист, но кое-что в работе с сознанием понимаю. И, насколько мне известно, процесс внушения мыслей, особенно на столь долгий период, должен иметь под собой основания в базе сознания жертвы...

Я едва не икнул от неожиданности.

— Так. Стоп. Матильда, вы что, хотите сказать...

— Что Радамант не смог бы внушить Ирэн влюбленность, если бы она не испытывала хотя бы похожих чувств или мыслей. Механика плетения такого воздействия заключается в том, что сперва одаренный изучает мысли жертвы — страхи, чувства, желания... Что угодно,

в зависимости от задачи. Затем цепляет мысль, на базе которой хочет сотворить внушение. Ну а после развивает ее, утолщает, заставляет захватить все сознание. Особенно талантливые менталисты, к числу которых, безусловно относится и Радамант, могут сделать такое внушение совершенно бесшовно. Ведь Ирэн не зазомбирована — она просто думает, что влюблена в тебя. Но если бы она была к тебе совершенно равнодушна или ненавидела тебя, у Радаманта бы не получилось сотворить подобное.

Я замер не то в ужасе, не то в ступоре. Но даже пошевелиться не мог, и язык словно онемел.

— Так значит...

— Ты ей как минимум нравишься, — вздохнув, ответила Матильда. — Ну или она допускала мысли, что ты можешь ей понравиться. Но, разумеется, вела она себя так, чтобы ты ни за что об этом не догадался. Весело же над нами подшутил этот Радамант.

Я мотнул головой, все еще не веря своим ушам. Ирэн? Ирка, с которой мы чуть не поубивали друг друга, словам которой я не собирался доверять, потому что ждал подставы... Ну и ну. И что теперь с этим делать?

— Зачем вы мне сказали? — хрипло спросил я.

Матильда припарковала автомобиль и строго на меня уставилась.

— Чтобы ты это учитывал. Играй в Ромео, но не заигрывайся. Если разобьешь ей сердце, я сама тебя прикончу.

— Михаил, подъем!

Я медленно распахнул глаза, шурясь от света ночника.

— Что-то случилось?

Матильда смахнула волосы с моего лба.

— Поднимайся, я тебя кое-куда отвезу, — сказала она. — Раз девчонкам все равно показано лежать и отдыхать, у нас освободилось время. Нужно этим воспользоваться.

Я сел на кровати и потер глаза.

— Куда едем? Зачем?

— Я договорилась с твоей бабушкой. Тебя ждет ускоренный курс по управлению родовой силой. Собирайся.

Готический монстр Матильды гнал по трассе так, словно мы пытались оторваться от погони.

— Вы бы так не лихачили, ваше благородие, — я вцепился в поручень у потолка обеими руками. Даже ремень безопасности ощущение этой самой безопасности сейчас не внушал.

В ответ Матильда лишь безумно оскалилась:

— В кои-то веки дорога пустая. Можно позволить себе немного вольностей.

Немного? Это она, прямо скажем, преуменьшила...

Что-то этим утром изменилось в Матильде. Наставница, по обыкновению эксцентричная, но собранная, сегодня поражала меня бесшабашностью. Все началось с завтрака, когда она огорошила слуг, велев подать мороженое. На вечно невозмутимого Василия, приехавшего вместе с нами на Вознесенский, аж икота напала: в доме Штоффов отродясь никто не завтракал мороженым.

Затем баронесса велела пригнать ко входу чёрного готического монстра, на котором везла меня прощаться с Петром. Это при том, что накануне катала меня на другой — куда более скромной и приспособленной к городской езде тачке. А ведь сама говорила, что редко выгуливала “немца”. Впрочем, и на это я поначалу внимания не обратил.

Вообще от Матильды я мог ожидать чего угодно, но в последние дни настолько привык видеть ее сосредоточенной и обеспокоенной, что сейчас не знал, как реагировать на внезапные перемены. Даже мимика и жесты у Матильды сегодня были другими. Хулиганскими что ли...

Примерно так она вела себя в ночь нашего знакомства, когда гонялась за мной по лесу и закидывала «Косами». Тогда я списал это странное поведение на желание меня напугать или поразить, потому что с тех пор ничего подобного Матильда не отмачивала.

И вот сегодня, кажется, снова оно... Впору было начать думать о тайном ночном визите Радаманта.

— А ты сам водить умеешь, Михаил? — баронесса лихо вписалась в крутой поворот так, что у меня тошнота подкатила к горлу.

— Умею.

Ещё на первом курсе я сдал на права с первого раза и очень этим гордился. Без взяток и знакомств, все сам. Спасибо безлимитным покатушкам на дедовской древней «девятке». Этому вишневому инжекторному зубилу давно было впору окончить дни на разборке, но дед все никак не желал расставаться с материальным воплощением лихих “девяностых”. Дорожил как памятью о вольной зрелости.

А я что? Как посадили за руль в десять лет, так и поехал — ноги едва до педалей доставали. Катался в деревне, все больше по проселочным дорогам, чтобы не влететь на штраф и деда не представить. Зато в автошколе осталось только отработать эстакаду — остальные парковки, звёзды в боксы и развороты я уже умел делать с закрытыми глазами. Жаль, на мотоцикле ездить так и не научился, а ведь были планы...

— Хорошо водишь? — уточнила Матильда.

— Вполне сносно для своего возраста.

Наставница припарковалась на обочине и заглушила двигатель.

— Тогда давай, — она ударила пальцем по рулю. — Садись на водительское. Покажи,

что умеешь.

Я удивленно вытаращился на неё.

— Матильда, что вы? Я несовершеннолетний, у меня нет водительского удостоверения, я не сдавал экзамен...

Она лишь легкомысленно отмахнулась.

— Брось. Вся аристократия умеет водить уже к шестнадцати годам. Как раньше всех поголовно обучали верховой езде, так сейчас прививают любовь к дорогим автомобилям. Все всё прекрасно знают и понимают. Даже сотрудники дорожных патрулей. Вот и я хочу понять, насколько хорошо ты обучен вождению.

— От этого что, тоже зависит поступление в Аудиториум? — съязвил я.

— Нет. Но навык крайне полезный. Хватит пререкаться, вперед.

Я вышел из авто и с опасением уставился на хищную морду немецкого монстра. Не знаю, сколько лошадей было в двигателе, но даже сам внешний вид “немца” вопил о том, что тачка была с характером. Еще и старомодная механика. Интересно, там хотя бы гидроусилитель был предусмотрен?

Матильда тем временем закурила.

— Ну, Михаил, чего ждешь?

— Осматриваюсь. Никогда на таких не ездил. У меня был опыт с авто попроще. Гораздо проще.

— Все не так страшно. Леня — тот еще зверь, конечно, но тяжелый и устойчивый. Передатчик пять. Механика, разумеется. Ничего нового. Наоборот, Ленечка, — баронесса ласково погладила капот автомобиля, — безнадежно морально устарел. Но я все равно его безмерно люблю.

— Вы называете автомобиль Леней? — прыснул я.

Матильда пожала плечами.

— А что? Питомцам ведь дают клички, вот и я нарекла своих красавцев. У такой техники есть душа, Миш. Они всеее чувствуют.

Интересно, как она назвала тот хиппимобиль, на котором мы ездили на Полигон?

Матильда послала тачке воздушный поцелуй, и я снова усомнился в ее адекватности. Черт, с наставницей явно было что-то не то. Ну не в себе дама — как пить дать. Понять бы еще, с чем это было связано.

— Ключи в зажигании, — напомнила наставница. — Приступай.

Она спрятала окурок в карманной пепельнице и уселась на пассажирское сидение. А я, трижды глубоко вдохнув и выдохнув, занял место водителя.

Ну, призрак вишневой дедовой девятки, помогай. Руки должны помнить...

Так, сперва настроить зеркала, завестись... “Немец” ответил низким, почти животным, урчанием.

Я поставил ноги на педали, положил левую руку на руль и снял машину с ручника.

Педадь сцепления оказалась тугой, а вот тормоз отзывался очень легко. И хорошо — так безопаснее. Передачи располагались в немного непривычном порядке, и мне пришлось то и дело коситься на рычаг.

— Смелее! — весело подбадривала Матильда. — Пока все правильно.

Оглянувшись по сторонам, я осторожно выехал на трассу. Мы были уже далеко за городом — почти добрались до Ириновки.

— Ну что ты так робко? — недовольно скривилась баронесса. — Вижу ведь, что

умеешь. Не жадничай, прокати наставницу с ветерком.

— Скоро будет населенный пункт, — хмуро отозвался я, пытаюсь совладать с этим тяжелым чудовищем. — А здесь часто скот гоняют с поля на поле. Уже не сезон, но лучше перестраховаться.

Матильда улыбнулась.

— Молодец.

Гнать не хотелось, да и “немец” ворчал мотором ровно, размеренно, словно и сам не был настроен на большие гонки. Матильда слегка заскучала, но я ловил ее внимательные взгляды — следила, контролировала.

Лишь раз, когда мы покинули деревню, я позволил себе разогнаться выше ста километров.

— Ууух! — воскликнул я, когда двигатель зарокотал громче. При этом машина шла так мягко, словно летела над землей.

Матильда довольно осклабилась.

— Вооот, теперь ты понимаешь.

— Красавец, конечно.

— А то. Старичок, но зато каков. У меня его каждый сезон выкупить пытаются. Не отдам ни за какие деньги.

Ещё бы. Я бы и сам ни за что с таким монстром не расстался. Правда, с непривычки начал быстро уставать. И водить отвык, и автомобиль все же оказался слишком тяжелым и сложным в управлении.

Матильда весело рассмеялась, когда я заложил вираж на повороте. Кажется, мне начало передаваться ее беспричинное безумие.

Но, увидев очертания домиков Ириновки, я сбавил скорость до разрешенной. Впереди вырос указатель на усадьбу и показались голые деревья аллеи.

— Что с вами сегодня? — осторожно спросил я, поворачивая на дорогу к усадьбе.

— В смысле?

— Вы сегодня как-то веселее обыкновенного, ваше благородие. И, признаюсь, это меня немного беспокоит.

Матильда отмахнулась.

— Все в порядке. Все как обычно. Все прекрасно!

Нет. С ней точно что-то было не так. Происходи все в моем родном мире, я бы подумал, что тетя Мотя с утра пораньше закинулась чем-то из перечня запрещенных к продаже веществ. Иначе как объяснить эти перемены?

Припарковавшись напротив парадной лестницы, я заглушил мотор и шумно выдохнул. Фууух. Нет, кажется, кататься на таких автомобилях мне пока рановато. Вроде и справился, но тут скорее просто повезло. Могли бы и в кювет улететь.

Двери дома распахнулись, и навстречу нам вышел Егор. Лакей открыл Матильде дверь и поклонился.

— Добро пожаловать домой, Михаил Николаевич. Матильда Карловна, рады вас приветствовать в усадьбе Соколовых.

Баронесса кокетливо улыбнулась и подхватила сумочку.

— Благодарю, Егорушка. Скажи, Татьяна Константиновна уже готова нас принять.

Лакей почтительно кивнул.

— Конечно, ваше благородие. Пожалуйста в дом, их сиятельства приглашают вас

отдохнуть за чаем с дороги.

Я отдал ключи от машины Егору, и тот повел нас в дом. Не успели мы снять верхнюю одежду, как нас тут же вышла поприветствовать Оля. Сестра носила траур, но улыбнулась, увидев нас.

— Здравствуй, Мелкая, — я аккуратно обнял ее и чмокнул в макушку. — Как вы тут?

— В порядке, — она обернулась к Матильде, взяла ее руки в свои и тепло поприветствовала. — Ну, господа, пожалуйста в столовую. Будем чаевничать.

— Оля, мы ведь по делу... — напомнил я. — Не стоило устраивать пир.

— Пира и не будет. Но пока вы с бабушкой будете общаться, я развлеку Матильду Карловну.

Наставница обворожительно улыбнулась.

— Твоя сестра — просто прелесть, — шепнула она мне на ухо. — Нужно начать выводить ее в свет. Уверена, достойные кандидаты на ее руку и сердце найдутся. Быть может, даже из крепких одаренных семей...

— Давайте об этом потом, — нахмурился я.

Проблемы нужно решать по мере поступления. Хотя неопределенность судьбы Оли меня тоже беспокоила. Приближался возраст, когда ей следовало блистать на первых балах, а наша семья... Словом, тут сперва придется мне поднапрячься.

В столовой пахло чем-то пленительно-кондитерским. Не то чтобы я голову терял от тортов и пирожных, но этот аромат манил. Бабушка восседала на резном стуле с высокой спинки и походила на средневековую герцогиню, каких описывали писатели прошлых веков. Седая как лунь, но с идеальной высокой прической. В длинном строгом платье до пола и черном пуховом платке. Из украшений только жемчужная нить и серьги с черными камнями — все по требованиям траура. Увидев нас, она взялась за трость и хотела приподняться.

— Сиди, бабуль! — Я подошел к ней и обнял. — Как ты себя чувствуешь?

— Как восьмидесятилетняя развалина, мон шер. Как еще я должна себя чувствовать? — проворчала она, но наградила Матильду любезной улыбкой. — Ваше благородие, благодарю за скорое прибытие.

Сестра позвонила в колокольчик, и слуги принесли самовар. Начищенный, блестящий пузатыми медными боками — этот антиквариат доставали только для приема гостей в русском стиле.

— Оленька, душечка, займи пока нашу гостью, — бабушка поднялась, опираясь на трость с массивным набалдашником и кивнула мне. — Нам с Мишенькой нужно побеседовать приватно.

Оля кивнула и тут же принялась потчевать Матильду выпечкой и ароматным чаем. Мы же с бабушкой вышли. Я подал ей руку, и она с готовностью оперлась.

— Бедное дитя, — едва слышно проговорила она, когда мы вышли в холл. — Такая молодая, а со столь неприятным недугом...

— О чем ты, Ба? — не понял я.

— О ее благородии. Такое роковое и трагическое невезение...

— Все еще не понимаю. Объясни, пожалуйста.

— Та ее ментальная травма, — перешла на шепот бабушка. — Ты же видишь, что с ней творится? Ее душу расщепило надвое после того инцидента. Была одна Матильдочка — а стало две души, что сменяют друг друга в одной оболочке. Два характера, два нрава. Такой дисбаланс, такая нестабильность... Ох, Господь, помилуй...

Я инстинктивно обернулся в сторону столовой. Так вот, значит, что происходило с моей наставницей? Расщепило душу? В моем мире психиатры наверняка назвали бы это биполярным расстройством.

Да уж, вот и попадайся после этого менталистам.

— Откуда ты это знаешь? — тихо спросил я, помогая бабушке надеть пальто. — Матильда не распространяется о том случае.

Бабушка печально улыбнулась.

— Мне не нужно читать сводки, чтобы увидеть душевную травму, мон шерри. Достаточно просто посмотреть на человека.

Память прежнего Миши не подкинула ничего важного по теме. А что я вообще знал о бабушке кроме того, что она преданно работала на благо нашего рода вот уже шесть десятков лет? Она происходила из семьи польских графов Лендовских. Лендовские тоже отличились под Константинополем и получили Осколок. Но род их угас по прямой линии, Осколок перешел младшей, Краковской, ветви. А бабушка после замужества за моим делом была отсечена от своего рода и перешла в наш. Таков закон. Жена всегда принадлежит роду мужа.

Но что она принесла с собой? Какие таланты? Почему прежний Миша ничего об этом не помнил?

— Идем, Мишенька, — бабушка указала на дверь. — Прогуляемся, и ты расскажешь мне о своей беде.

Мы вышли, я помог ей спуститься по лестнице.

— Пойдем к дубу, — распорядилась она.

Я с сомнением взглянул на ее трость.

— Идти далековато. Не устанешь?

— Так нужно, мон шерри. Идем к дубу. Рассказывай.

От нее можно было не угаивать — в конце концов именно она затащила меня в этот мир. Поэтому я рассказал ей обо всех злоключениях, связанных с применением силы из родового источника. И о случае с Ирэн, и о вчерашнем попадании под прицел Тайного отделения.

— Словом, я начинаю сам себя опасаться, Ба, — закончил я, когда мы почти подошли к дубу. — Может, Род ошибся и я не самый сильный дух?

— Род никогда не ошибается, Мишенька, — покачала головой Ба. — Мы лишь воззвали к нему, а он сам выбрал тебя. Из всех духов, связанных с нашим родом во всех мирах, он выбрал именно тебя.

— Но почему?

— Потому что Род посчитал, что ты справишься лучше всех.

Я почесал пятерней макушку.

— И все равно верится с трудом. Я ведь у себя был... Никем.

— У тебя доброе сердце и смелая душа, Мишенька. Род посчитал, что ты заслужил второй шанс. Но у всякой награды есть цена. Поэтому тебе надлежит вынести весь тот груз, что на тебя падет.

— Это я понимаю. Но почему не получается удержать силу под контролем?

— Потому что тебе что-то мешает. И мы должны понять, что именно. Или кто.

Мы подошли к корням дуба. Бабушка отпустила руку, шагнула вперед и поклонилась до земли.

— Приветствую тебя, могучее дерево, — нараспев проговорила она. — Выслушай своих

потомков, Род, и помощи.

Она обернулась, вскинула седые брови и едва заметным жестом поманила меня вперед. Я тоже вышел и поклонился, повторив ее слова. Бабушка удовлетворенно улыбнулась.

— Не жалея почтения для родового древа, Михаил. Никогда не жалея. Род сильнее и крепче, когда его чтут, помнят и возносят хвалу. Дела — хорошо, но и слово доброе лишним не будет. Понял?

— Да, бабуль.

Она отступила на шаг и плотнее замотала пуховый платок.

— А теперь прикоснись к дереву и задай ему вопрос. Пусть Род ответит и покажет тебе то, что должно.

— А ты?

— Я помогу тебе. Провести по самому дереву и лабиринтам Рода не смогу — это ты должен сам. Я останусь здесь, поддерживая твою силу. Прикоснись к коре — войди в поток, Мишенька. И не бойся. Ничего не бойся, что бы ты там ни увидел.

Я кивнул и медленно приблизился к дубу. Сейчас его сила обрушилась на меня еще даже до того, как я дотронулся до старой коры. Меня окатила волна необузданной мощи — но волна родная, знакомая.

Закрыв глаза, я обнял ствол обеими руками и прижался к дереву так тесно, как только смог. Не знаю, почему, но мне захотелось сделать это именно так — словно силу, что была внутри меня, притягивало магнитом к той, что текла в дубе.

Сначала в глазах все потемнело, но секундой позже я увидел знакомый белый свет. Он охватил меня, поглотил всего — и я словно провалился в океан концентрированной силы, растворился в нем, теряя телесную оболочку. Так высвобождался дух — мой чистый дух, свободный от воспоминаний. Но теперь я себя ощущал. Осознавал, помнил, кем я являлся и зачем пришел.

— Род, помоги мне, — обратился я, и мой голос звучал странным эхом. — Помоги мне совладать с той силой, что дарована.

Я поплыл вперед сквозь молочно-белый туман, а сверху сверкала звезда, которую я уже когда-то видел. Я искал белое дерево, по ветвям которого мог забраться наверх, приблизиться к пылающему шару...

Но что-то перегородило мне дорогу. Силуэт, фигура, подобная тем полупрозрачным духам, которых я видел в прошлый раз. Но он был здесь единственным, больше никого я не увидел. Ни других духов, ни даже древа.

Силуэт поплыл мне навстречу и завис передо мной. А затем начал изменяться, становиться плотнее, терять прозрачность. Голова обрела форму, начали проступать черты лица...

И на меня уставился горящими ненавистью глазами прежний Михаил.

— Самозванец, — прошипел дух.

Дух окончательно обрел плотность. Казалось, можно протянуть руку, дотронуться — и почувствовать его. Но я не стал. Судя по всему, мне сейчас здесь были не рады.

— Чего обзываешься? — ответил я, глядя на лицо духа прежнего Миши.

Шизофрения какая-то, словно говоришь с зеркалом, только зеркало не копирует твои жесты, а живет собственной жизнью.

— Ты украл у меня... все!

Я пожал несуществующими плечами.

— Не то чтобы я сильно этого хотел. И если уж говорить начистоту, то все, что с нами произошло — дело рук твоих отца и бабушки. Это их решение. Они провели ритуал, воззвали к Роду... И, к слову, теперь у меня оказалось до чертиков проблем после этой их инициативы.

Дух отступил на шаг — если в этом молочно-белом пространстве вообще можно было оперировать понятием расстояния. Изменился в лице — лик прежнего Миши стал скорбным, но в то же время в нем отчетливо считывалась даже не злость — ярость.

— Я знаю, что они это со мной сделали! — дрожа от обиды, крикнул он. — Но они не понимали, на что меня обрекли! Я... Я не могу их за это простить. Ни их, ни тебя.

Ну начинается...

— А я-то здесь при чем? — ответил я. — Меня Род выбрал. Так себе лотерейный билетик, скажу тебе. Ибо проблем у твоей семьи порядочно. Но раз уж меня насильно воткнули в твое тело, надо барахтаться. К слову, старшим родичам досталось за тот ритуал так, что я теперь должен горбатиться на Тайное отделение и рисковать собственной задницей ради призрачного шанса исправить то, что натворил твой прадедушка, — я сам не заметил, как начал распалиться, выплескивая все то раздражение, что копилось во мне с момента пробуждения в чужом мире. — Тьфу ты, блин. Не уважаемый графский род, а букет проблем!

Но дух словно меня не слышал. Он смотрел куда-то сквозь меня, и было видно, что у него с трудом получалось оставаться собранным, плотным, непрозрачным.

— Они... Они убили меня, — с горечью прошептал он. — Убили собственного сына. А я ничего не сделал, чтобы заслужить такое наказание!

— Уверен, они думали, что все будет не так. И технически — тебя не убили. Иначе Род бы этого не одобрил.

— А как? — Дух наконец-то смог на мне сфокусироваться и посмотрел прямо в глаза. Вместо зрачков у него горели две светящиеся точки. — Они заporоли ритуал, и теперь из-за них я здесь! Болтаюсь между старым телом и... не знаю, чем-то, не имея возможности ни вернуться, ни отправиться дальше! Один, в этой бесконечной пустоте... Что я им сделал? Я ведь никогда серьезно не грешил. Вел себя тише воды ниже травы, старался выполнять все, чего от меня требовали. Ведь все надежды были на Петра — он с девятым рангом, он самый сильный, он — надежда всей семьи. Всегда только и разговоров было, что о Петре-наследнике да об Оле — девице на выданье. А я... Я бы и хотел себя проявить, да кто мне дал?

Он рассказывал это с такой болью, с таким сожалением, что я действительно начал сочувствовать своему предшественнику. Только была в его рассказе одна деталь, которая

наверняка и обосновала решение старших членов семьи.

Прежний Миша не проявлял инициативы. Ждал, когда ему велят, предложат или попросят. Провел годы в ожидании шанса и к своим почти восемнадцати годам так и остался ждуном. Быть может, выживи старший брат, на это бы никто не обратил внимания. Миша получил бы высшее образование, затем какую-нибудь скромную, но стабильную должность...

Но смерть старшего брата превратила этого слабовольного Мишу в наследника. А с учетом положения, в котором оказалась семья, это было равносильно медленному самоубийству всего рода.

Как странно, что я и сам сейчас мыслил совершенно иными категориями. Как наследник, хотя, казалось, до конца не был внутренне к этому готов. Но голова уже работала иначе. Видимо, Род все же знал обо мне что-то такое, чего я и сам о себе не представлял...

И все же помочь парню хотелось. Да, он был слаб. Да, явно не подходил для той участи, что внезапно оказалась ему уготована. Но он не сделал ничего, чтобы заслужить такое беспокойное и мерзкое существование.

— Я здесь оказался потому, что не могу как следует контролировать родовую силу. Значит, ты причина? — предположил я. Ведь просьбу к Роду я озвучил вполне четко.

Дух пожал белыми плечами.

— Я не знаю. Знаю только, что здесь я не на своем месте.

— Раз ты это знаешь, выходит, так оно и есть, — видя, что дух был одержим болью и скорбью и не пытался на меня напасть, я решил проявить дружелюбие. — Назад тебя вернуть не выйдет — я уже спрашивал. И мне никак не вернуться. Но я согласен, что ты оказался в ужасной ситуации, и хочу помочь тебе упокоиться. Как мы можем это сделать?

— Я... Я не знаю.

Возможно, это было проверкой. Или испытанием. Я не мог понять, почему Род это допустил — ведь прежний Миша действительно ничем не провинился перед семьей. А то что характером не вышел — так тут, извините, никогда не угадаешь. Может дело было в том, что сам процесс был неестественным? Ведь ритуал, который провели отец и бабушка, серьезно вмешивался в структуру Рода.

Насколько я понял, умершие члены семьи становились духами и отправлялись в Род, встраиваясь в его энергоинформационную структуру, добавляли свои знания в общий поток, становились единым целым и, быть может, даже получали собственный листик на том белом древе. Отчего-то мне думалось, что белое древо служило неким визуальным воплощением структуры Рода.

А тут, получалось, что Мишу насильно выпихнули из еще живого тела и заменили на мой дух. И, видимо, по соображениям старшей родни, дух прежнего Миши должен был безболезненно отделиться от тела и соединиться с Родом, чтобы потом, быть может, возродиться в одном из потомков или остаться в потоке навсегда.

Но что-то пошло не так...

Зато теперь я начал понимать, почему манипуляции с родом запретили на законодательном уровне. Не умеешь — не берись. А умельцев, судя по всему, осталось мало.

— Миша, — дух вздрогнул, когда я позвал его по имени. — Ты сказал, что отец и бабушка сделали что-то неправильное в ритуале. Получается, поэтому ты здесь застрял. Я могу что-нибудь исправить, чтобы ты отправился дальше?

— Я не знаю. У меня же память почти стерлась и угасает все сильнее. У меня

потихоньку отнимают память и отдают тебе... Не знаю, сколько времени прошло, но когда я пытаюсь что-нибудь вспомнить, получается все реже... Боюсь, я так совсем исчезну...

Вот как, оказывается, это работало. Действительно, очень жестоко. Похоже на пытку. Правда, отец-то наверняка думал, что возвращал мне память из общего родового потока. А на деле он пытал душу родного сына. Твою же мать.

— Может осталось какое-то воспоминание, которое никак не уходит? Или ты за что-то отчаянно держишься? — предположил я. — Должна же быть причина, по которой ты не можешь уйти отсюда.

— Я знаю, что ритуал не исправить, — тихо ответил дух. — Не знаю, откуда, просто... Просто знаю — и все. И я хочу обратно. Очень хочу. Я хочу к семье, к родным!

— Обратно никак не получится. Прости.

— Хорошо сказать — прости! — взвыл дух. — Не могу! Они меня обидели. Они меня изгнали! Почему? За что?

Прежний Миша сорвался почти на рыдания, и эта боль передалась мне. Отчаяние. Бесконечное одиночество. Тревога и печаль. Более того, дух казался мне младше, почти ребенком. Такая проекция в моей голове или он действительно ощущал себя мальчишкой?

— Потому что ты просто не подходил, — спокойно ответил я. — А сейчас нужно придумать, что с тобой делать.

Может причина как раз таилась в обиде? Этот неуспокоенный дух чем-то напоминал мне призрака из легенд. Невинно убиенный бродит по пустым залам древнего замка в поисках своих мучителей, гремит цепями и скрипит половицами, желая возмездия... С такими справлялись либо путем экзорцизма, либо путем исполнения воли привидений. Ну, по крайней мере, страшилки так гласили.

А что если я попробую упокоить этого духа? Но не экзорцизмом, разумеется, а при помощи того, что было мне доступно.

— Миш, — я протянул ему руку. — Ты сказал, что хочешь к родным. Возможно, я смогу это устроить. Хочешь увидеть маму и Петра? Если я скажу, что ты можешь с ними соединиться, это тебя утешит?

— Но они же умерли...

— Так и ты уже не особо и живой, — отозвался я. — Точнее, живой, но в другой форме. Нематериальной. Но ведь и твои умершие предки стали духами. И мама, и брат, и бабушка... И даже дядя Андрей, правда, с ним вы не сможете повидаться. Его отсекали от рода. Ты ведь скучаешь по ним?

— Да, конечно, — смущенно ответил неуспокоенный. — Но как мы...

— Если я пообещаю поискать их вместе с тобой и провожу тебя к ним, ты сможешь перестать думать о возвращении в свое физическое тело? Ведь обратно в тело пути нет, а там, с Родом, ты больше никогда не будешь одинок. Встретишься с родными, соединишься с силой, станешь ее частью... Ты просто станешь другим, примешь иную форму. Но ты будешь с родными — со всеми, кого любил. Ты и сам станешь той силой, что будет помогать потомкам. Оберегать и охранять. Тебя станут почитать, и ты обретешь еще больше силы — пусть и в другой форме. Но это хороший исход, — уговаривал, словно баюкал я. — И мало кому доступен, но наш Род силен и древен. Будет здорово, если ты укрепишь его.

Дух глядел на меня с недоверием.

— Откуда ты все это знаешь?

— Что-то рассказали, что-то понял сам, соприкоснувшись с Родом.

Во что-то из этого мне просто хотелось поверить, но и обманывать несчастного неуспокоенного мне не хотелось. Кажется, я все же нащупал. Тело отзывалось на присутствие старого хозяина — он покинул оболочку, но связь осталась. И эта связь создавала помехи мне каждый раз, когда я пытался использовать родовую силу. Прямо как в паззле: один элемент поставили неправильно — и все, мозаика не складывается.

И тут возникал еще один вопрос: если старшие родичи накосячили с ритуалом, то насколько серьезно это могло повредить родовую структуру? И повредило ли? Не нарушили ли они и другие процессы? Но вряд ли сейчас я мог это понять — уровень взаимодействия с родовой структурой был еще совсем не тот.

Я протянул руку духу.

— Ну что, пойдём искать родню?

Прежний Миша колебался.

— А вдруг ты меня обманешь? Папа с бабушкой тоже говорили мне, что я просто ударился и нужно выпить ту настойку, чтобы крепче спалось...

— Мне незачем тебя обманывать. Я помочь хочу. Не только тебе, но и всему Роду. И исправить то, что сделали наши родичи.

Да уж. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Виктор Степаныч, как же ты был прав...

— Ладно, — белая, слегка прозрачная, рука легла в мою ладонь. — А ты знаешь, что нужно делать?

— Понятия не имею. Но на правах сильного духа попробую сымпровизировать. Меня ведь не зря выбрал Род на твоё место. Осмелюсь предположить, что он у меня на быстром наборе.

— Что? — не понял дух.

— Шутка такая. Неудачная. В мире, откуда я пришел, можно было в старых сотовых настроить вызов конкретного номера по одной клавише. Это называлось быстрым набором номера. Я просто провел аналогию с тем, что смогу легче связаться с Родом, раз я у него хожу в любимчиках.

Понять бы еще точно, почему...

— Как странно, — улыбнулся дух. — Кажется, со мной никто целую вечность не разговаривал о таких пустяках. Так приятно.

— Одинокий ты бедняга. Ничего, сейчас попробуем вытащить тебя куда следует.

— А зачем ты мне помогаешь? — внезапно отстранился дух. — Мы ведь тебе чужие.

— Не чужие. Раз меня поместили в твоё тело, значит, я тоже принадлежу к этому Роду. А если так, значит, мы все — родня, пусть и в разных мирах. Я слишком рано понял, что нет ничего дороже семьи, Миш. В своём старом мире она развалилась. Почти полностью угасла. И я не хочу, чтобы и твоих постигло то же самое. И раз я теперь занимаю твоё место в том мире, то и ты тоже моя семья, а я буду о тебе заботиться. Уж как могу. Ты-то точно ни в чем не виноват.

Дух опустил голову.

— Спасибо, — прошептал он. — Теперь я понимаю, почему меня сместили и взяли тебя. Я бы так не смог.

— Чего не смог?

— Пойти неведомо куда ради кого-то, кого даже не знаю. Я трус, понимаешь? Всегда им был. Боялся лишний шаг сделать, чтобы не разгневать отца и деда. А ты смог. Потому,

наверное, Род тебя и выбрал. Ты не боишься. И ты добрый. Может и правда, что Род не ошибается...

— Ладно, отставить сопли, — шутливо скомандовал я и взял духа за плечо.

Забавно, что, несмотря на контакт, у меня не было никаких физических ощущений. То есть я осознавал, что вел его, но не чувствовал самого прикосновения. Скорее, просто знал. Хотя при этом оттенки переживаний и интонации голоса прекрасно улавливались. Какое же странное все-таки место.

А может все это и вовсе было лишь проекцией в моей голове, чтобы придать происходящему хоть сколько-нибудь понятный вид. Как бы то ни было, я встал рядом с духом, закрыл то, что можно было сейчас назвать глазами, и воззвал.

— Род, явись! Дерево, воплотись! Дух мятежный, в Род вернись!

Не знаю, сколько я повторял эти воззвания. Раз за разом, одно за другим. И каждый раз я мысленно тянулся к шару света, который, как мне казалось, являлся сосредоточием родовой силы.

— Гляди, — наконец Миша указал на клубы бледно-серого тумана. — Там что-то происходит...

Туман образовывался непонятно из чего, словно возникал сам по себе. И приближался. Клубился, вихрился, обретал множество форм... Бледный-бледный, почти белый. Но все же он был чем-то новым для этого места.

— Что это? — испуганно спросил дух и, словно ребенок, крепче схватил меня за руку.

— Чтоб я знал.

Туман подошел почти вплотную, охватил нас. А затем рассеялся на клочки. Мы увидели, как из белого небытия и опметков тумана начало вырастать белое дерево. То самое, с множеством ветвей и необъятным стволом.

— Вот оно, — шепнул я. — Дерево, на которое тебе придется залезть. Ты ведь умеешь, я видел в твоих воспоминаниях. Ты хорошо лазал.

Дух Миши замороженно пялился на разраставшееся прямо у нас на глазах дерево.

— Какое красивое...

— Теперь оно будет твоим домом, если я все правильно понимаю.

Клубы тумана снова обрели форму, и я узнал полупрозрачные силуэты духов. Те самые, через толпу которых я проходил в прошлый раз, когда сам лез по дереву к шару света. Духи столпились перед деревом — и я сбился со счета, пытаюсь понять, сколько их было.

Я осторожно выпустил Миши духа из своих пальцев.

— Видишь их? — указал я на духов.

— Да. Кто они?

— Наша родня, которая уже покинула мир живых. Тебе нужно присоединиться к ним. Войти в Род.

— Как?

— Лезь на дерево, — улыбнулся я. — И слушай духов.

Одна полупрозрачная фигура отделилась от толпы и направилась к нам.

— Ну все, с богом. Иди, — поторопил я. — Они укажут тебе, что делать.

Прежний Миша сделал несколько робких шагов и обернулся.

— Спасибо.

А потом он не пошел — поплыл, как и я в прошлый раз. Приблизился к фигуре — сейчас я понял, что у нее были скорее женские очертания. Надеюсь, мама. Надеюсь, я сделал

все правильно.

Я поднял глаза вверх, к невыносимо яркому шару света.

— Скажи, что я не ошибся. Скажи, что я все исправил.

Мне никто не ответил. Но, опустив глаза, я увидел, как дух прежнего Миши принялся карабкаться по стволу дерева, цеплялся за ветки, и чем выше поднимался, тем сильнее походил на воздушный шарик — словно его притягивало к шару света. А затем, когда он оттолкнулся, вспорхнул в верхушки громадной кроны и полетел прямо к шару света, я улыбнулся.

Все шло так же, как и было со мной. Наверное, это было правильно.

Надеюсь.

— Род, прими отчаянную душу и даруй ему упокоение, — прошептал я и закрыл глаза.

Пора было возвращаться к тем, кто сотворил все это с Мишей.

У меня был к ним серьезный разговор.

Когда я открыл глаза, уже смеркалось. Руки, казалось, намертво приросли к дубу, я окоченел и с трудом оторвал задеревеневшие пальцы от коры. Хорошо хоть, пальто накинул, хотя сейчас зубы отстукивали чечетку от холода.

— Вернулся, мон шерн.

Бабушка сидела на корнях дерева, трость лежала рядом. И отчего-то кивернития — так по византийской моде называли старших женщин рода — не казалась ни уставшей, ни замерзшей. Наоборот, в сумерках мне показалось, что у нее даже цвет лица улучшился. Подпиталась от рода, пока я разруливал их косяки?

— Есть успехи? — спросила бабушка.

И на меня мгновенно накатили воспоминания о разговоре с духом прежнего Миши. Словно мне передалась вся его обида, вся ярость и щемящая в груди тоска от предательства родных.

Я молча повернулся к бабушке, и, увидев мое выражение лица, она схватилась за трость, чтобы приподняться.

— Мишенька, мон шерн, что с тобой? Что случилось?

— Он мне все рассказал, — низко прорычал я. — Как вы могли с ним так поступить?

Бабушка удивленно захлопала глазами.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, душа моя. Кого ты видел? С кем говорил?

— С предыдущим владельцем этого тела, — ответил я, надвигаясь на нее. Я был выше бабушки на добрую голову, и ей пришлось встать повыше, чтобы не задирать подбородок. — С Мишей, твоим внуком. Он рассказал мне, что вы сделали.

— Ты и так это знал, — пожалала плечами бабушка.

— А вы сами-то в курсе, что провели ритуал неправильно? Что вы ошиблись и обрекли его на вечное существование в пустоте?

— О чем ты говоришь? — возмутилась бабушка. — Его дух вернулся в родовой поток.

— Не вернулся. Он застрял между этим телом и потоком. Потому что вы изволили недостаточно подготовиться.

Бабушка глядела на меня с недоверием.

— Тебе было видение об этом?

— Не просто видение. Я говорил с ним.

Кивернития охнула.

— Так он все это время...

— Да, — кивнул я. — Дух создавал помехи в использовании родовой силы, что, как мне думается, логично. Ему очень больно, и он считает, что вы его предали. Но, к счастью, у меня, кажется, получилось отправить его в поток.

Ноги бабушки подкосились, трость не выдержала и соскользнула, и мне пришлось подхватить кивернитию.

— Господи помилуй... Но я же все учла...

— Не все, как видишь. И не знаю, почему Корф оказался в усадьбе так быстро в тот вечер, но, быть может, ошибка тоже могла выдать ваш ритуал.

— Подожди, мон шерн. Не может... Не может такого быть.

— Зачем мне лгать? Откуда у нашей семьи вообще остались знания о родовой магии?

Ведь это запрещено, а в Аудиториуме никто не учился.

Бабушка обмякла в моих руках, и я усадил ее на корни. Она приложила руку к груди, дышала тяжело. И резко побледнела.

Твою мать, этого еще не хватало.

— Ба, ты как? — я опустился рядом с ней. — Тебе плохо?

— Дышать... Дышать больно. Сердце прихватило.

— Идем в дом.

— Да все хорошо, Мишенька. Сейчас отпустит. Новости ты принес шокирующие... Как же так вышло? Мишенька, миленький...

Еще бы. Я и сам был, мягко говоря, удивлен услышанным от духа. Бабушка стремительно бледнела и точно не симулировала — мне уже приходилось наблюдать приступы у людей с большим сердцем.

— Даже если самой пройдет, мы отправляемся домой, — велел я и оглянулся. Идти было далеко. Ба и так передвигалась очень медленно, а в таком состоянии я точно не хотел ее гонять. Бежать за слугами и оставлять ее одну? Тоже не вариант.

— Да что ты заладил... — прохрипела кивернития. — Сейчас все пройдет.

Я активировал “Берегиню” — сияние охватило меня, затем быстро перераспределил силу на руки и ноги, чтобы идти быстрее и стать выносливее.

— Ну, бабуль, скажи, как давно тебя носили на руках? — криво усмехнулся я и подхватил ее. Легкая, как пушинка. Матильда была тяжелее. А может просто я уже поднаторел в заклинаниях.

— Так еще дед твой, как обвенчались и он меня в усадьбу привез — единственный раз тогда и был.

— Часто у тебя такая беда с сердцем?

— Мишенька, мне восемьдесят. У всех в моем возрасте либо сердечко шалит, либо еще какая неприятная оказия вылезает... — она прерывисто вздохнула. — А одаренные не бессмертны, увы. Мне еще везет, что я живу рядом с родовым деревом — оно меня подпитывает. Так бы наверняка уже отдала богу душу.

— Лекарства-то есть? Или лекаря позвать, — я задумался, перепрыгивая через булыжник. — Хотя могу и сам подлечить попробовать, у меня получалось.

— Мишенька, не трать силу... Просто отведи меня домой. Оленька знает, что мне нужно давать в таких случаях.

Вот и славно. Я ускорился, вкладывая больше силы в скорость. Земля и грязь комьями вылетали из-под подошв ботинок, и я летел так быстро, как только мог.

Еще не хватало, чтобы ба словила инфаркт из-за угрызений совести. Так-то справедливо, но многовато смертей для одной семьи за столь краткий период. Кроме того, бабушка была моим единственным источником знаний о родовой магии. Пусть даже и с косячными ритуалами. Лучше, чем ничего. Я должен выяснить, как использовать силу, что мне досталось.

— Ба, не смей помирать, — сказал я, перепрыгнув через корягу в живописном лесочке. Пер напролом, прямо через рощицу, чтобы сэкономить время.

И когда особняк показался, я мысленно обратился к Оле. Впервые проворачивал это не с Ирэн. Хотя и понимал, что сестра не сможет ответить.

“Оль, бабушке плохо. Сердце, — мысленно сказал я, достучавшись до ее образа. — Приготовь лекарства. Сейчас будем”.

Ответа не последовало, но я точно понял, что она меня услышала. Ирэн еще во время обучения обращала мое внимание на ощущения, которые позволяли понять, дошло “сообщение” до адресата или нет. Всего на секунду голову охватило приятное тепло — так у меня проявлялись признаки успешного контакта.

Бабушка закрыла глаза и захрипела. Ага. Само пройдет. Как же.

Я остановился и, удерживая ее на руках, все же провел ладонью над грудью, ища очаг боли. Делал все на чистой интуиции — не знал, как в этой ситуации применять “Живую” или “Мертвую” воду. Поэтому просто взял немного силы из источника и, приложив ладонь к области сердца бабушки, передал ей.

— Давай... Заводись, моторчик.

Она стала дышать чуть ровнее. Уже хорошо. Снова бросив силы в “Берегиню”, я побежал дальше.

Нас уже ждали. Оля, умничка. Двое лакеев подхватили бабушку и тут же понесли на кушетку в гостиной.

— Что случилось? — коротко спросила сестра.

— Распереживалась. Нервы. Сказала, сердце. Я посмотрел силой — вроде оно. Может все же лекаря?

— Уже вызвали, сейчас будет.

Оля кивнула и принялась отдавать распоряжения с манерами прирожденной сестры милосердия. Аптечка уже была подготовлена, слуги беспрекословно подчинялись — и делали все умело. Значит, уже не в первый раз...

Матильда вышла и направилась напрямиком ко мне.

— Решил вопрос?

Я рассеянно кивнул.

— Да. Но, боюсь, дорогой ценой.

Сейчас я даже не знал, хорошо или плохо было, что отец сегодня отсутствовал в усадьбе. С одной стороны, хотелось припереть его к стенке и выяснить все про порядок проведения ритуала. Понять, в чем они ошиблись, чтобы впредь подобного не допускать. Но внезапный приступ бабушки снизил мою злость.

Сколько раз я бегал со своей родной Ба — возил по поликлиникам, таскал передачи в больницу, когда ей меняли клапан на сердце... Словом, время для разборок еще будет.

Надеюсь.

— Миш, — Оля устало прислонилась к дверному косяку. — Бабушка тебя зовет.

Я отставил чашку с остывшим чаем в сторону.

— Ей лучше?

— Да. Доктор только что ушел. Иди к ней.

Я переглянулся с наставницей. Матильда коротко мне кивнула — к ней вернулась привычная сдержанность, словно и не было никакой безумной баронессы. Биполярочка, не иначе.

— Ступай, Михаил, — сказала наставница. — Потом, если все будет хорошо, поедem в город. У меня планы на вечер.

Я торопливо выбрался из-за стола и направился в малую гостиную, где разместили бабушку. Наверх в ее спальню поднимать не стали — из соображений оперативности.

Стараясь не шуметь, я осторожно открыл дверь и пробрался внутрь. Малая гостиная имела еще и функцию библиотеки — наш особняк был не очень большим, и отдельного помещения под читальный зал не предусматривалось. Отец и дед любили проводить здесь вечера. Да и я нашел пару приятных воспоминаний об этом месте, покопавшись в памяти прежнего Миши. Занятно, что сейчас стало гораздо легче вспоминать чужую жизнь. Видимо, возвращение духа в Род и правда прошло удачно.

— Мишенька, это ты? — я подошел на слабый голос бабушки. Она лежала на кушетке, накрытая узорчатым шерстяным одеялом. И казалась слабой и тонкой.

— Ты меня звала.

— Да. Раздвинь, пожалуйста, шторы, мон шер. Люблю глядеть на луну.

Я быстро выполнил просьбу и вернулся к кушетке.

— Как ты, Ба?

— Присядь, Мишенька.

Я расположился в кресле рядом с кивернитией.

— Сейчас уже получше?

— Конечно. У нас хороший лекарь, пусть и рангом слабоват. Но дело свое знает, — она улыbnулась. — Вы еще не скоро повезете меня в лазарет для одаренных.

Что ж, тем лучше.

— Так о чем ты хотела поговорить?

Бабушка устроилась на подушках поудобнее и протянула мне руку.

— Я позволила себе небольшую вольность, когда ты общался с Родом. Еще когда ты только приехал. Я увидела, что твоя душа мечется и не знает покоя. Прости, что сделал это без спроса.

— Что ты сделала?

— Немного залезла тебе в душу. Не в голову, в душу. Я же не менталист... Поэтому воспользовалась силой Рода. И образы, которые мне показал поток, очень меня обеспокоили, мон шер.

— Мне неприятно, что ты сделала это без спроса, — резче, чем собирался, сказал я. — Это недопустимо. Больше так не делай.

— Я беспокоилась о тебе.

Ага, о прежнем Мише вы тоже пеклись. И вот чем это закончилось.

— Дай слово дворянки, что более себе подобного не позволишь. Я почитаю тебя как старшую женщину рода и уважаю твой бесценный опыт. Но лезть внутрь себя больше не позволю.

— Прошу прощения, — поджала губы бабушка.

Она явно не ожидала от меня настойчивого отпора. Что ж, вы сами хотели призвать сильного духа — получайте. Я всегда был добрым парнем, но добро у меня с кулаками.

— Итак? — поторопил ее я.

— Слово дворянки, что больше не стану читать тебя без твоего согласия, Михаил.

Я кивнул.

— Благодарю. Но раз уж случилось то, что случилось, что именно тебя насторожило?

— Ты ищешь. Тянешься к знаниям, что должны быть под замком во благо всех нас. Но ты продолжаешь искать.

Я хмыкнул. Неужели поток показал ей мои потуги в расследовании? Казалось бы, она одна из первых должна быть заинтересована в моем успехе и поимке таинственного

Радаманта. Все же дядя Андрей был ей сыном, хотя тепла между ними я не помнил. И тем не менее.

Сухая морщинистая рука накрыла мою ладонь.

— Прекрати поиски, Мишенька, — прошептала бабушка. — Ради всего святого не лезь в это. Ничем хорошим не закончится — ни для тебя, ни для нас, ни для всех остальных. Пусть то, что должно быть сокрыто, останется тайным.

Я напряженно уставился в ее усталые слезящиеся глаза. Она выдержала мой взгляд и отлично держала лицо. Голос ее дрожал от усталости и перенесенной боли, но лицо оставалось непроницаемой маской. Сразу видно, кого воспитывали дворянином с самого детства.

— Эту тайну хочу раскрыть не я один. И, думаю, у того, кто едва не разнес наше кладбище, получится сделать это куда быстрее.

Бабушка мотнула головой.

— Все это — дела давно минувших лет, мон шер. Не стоит ворошить прошлое. Нам, — она обвела рукой пространство вокруг себя, — особенно. Иначе тебя просто убьют. И убьют не те, от кого ты этого ожидаешь.

— Что ты имеешь в виду? — Я подался вперед, но бабушка отвернулась.

— Я все сказала. Между строк читать ты умеешь, а говорить об этом открыто и вслух опасно. Даже здесь — опасно. Теперь ступай и делай все, что велят тебе Корф и эта несчастная мадемуазель.

Она перевернулась на другой бок, давая мне понять, что аудиенция была закончена.

— Во что вы вляпались? — я вскочил с кресла и навис над ней. — Хоть ты скажи! Мы так не договаривались, когда вы затащили меня сюда.

Она не ответила. Пару мгновений спустя комнату наполнили звуки храпа.

Ну ё моё.

— Мы не закончили, — я направился к двери и обернулся. — Я докопаюсь.

Только осталось дождаться повода, который развяжет мне руки перед Корфом.

Черный немецкий монстр медленно катился по загруженному Вознесенскому. Нас с Матильдой угораздило въехать в город в самый час пик, поэтому мы добрых полтора часа толкались по городу. Леня недовольно урчал, жрал бензин в исполинских масштабах, а я все прокручивал в голове предостережения бабушки.

Все, кроме Радаманта, настойчиво намекали на то, что мне не стоило ворошить прошлое. Из всех одаренных и посвященных в связь нападений лишь человек с кривым лицом подначивал меня влезть в это дело еще глубже. Вербовал, зараза.

А я лавировал где-то посередине, не желая примыкать ни к тем, ни к другим. Но любопытство брало верх. И что-то подсказывало мне, что когда я наконец-то докопаюсь до истины, и если докопаюсь, то одну из сторон мне все же придется занять.

Выбор все равно придется сделать. Но прямо сейчас я предпочитал играть за себя, не вредя при этом другим. Интересно, долго ли у меня получится так выплясывать?

— Аллилуйя! — Матильда припарковалась на именном месте во дворе особняка. — Не выношу пробок.

— Согласен. Бессмысленная трата времени, — рассеянно ответил я.

— Михаил, ты чего?

Я поднял на нее глаза.

— В смысле?

— Чего раскис?

— Все нормально, ваше благородие. Просто задумался.

— Ты мне главное скажи — с силой стало понятнее?

Я пожал плечами.

— Не рискнул попробовать что-то мощное в Ириновке, а то опять людей Корфа сорвем с места. Как вернемся в ваше Лебяжье, там на Полигоне и проверим. Но, думаю, все встало на свои места.

— Расскажешь, что там было?

Я покачал головой.

— Прошу прощения, но не могу. Семейная тайна.

Матильда отнеслась к этому с уважением.

— Понимаю. Но хотелось спросить. Я мало что знаю о родовой магии, углубленный курс не брала.

— Думаю, и не стоит, — мрачно отозвался я.

Но если поступлю в Аудиториум, то займусь этой специализацией вплотную. А то после встречи с этим духом Мишей почти что мальчики кровавые в глазах...

Мы выбрались и зашли в особняк с дворового хода. Слуги, переполошившиеся от нашего внезапного появления, торопливо поклонились. Невозмутимый Василий подобающе поприветствовал нас, а затем наклонился к уху Матильды и что-то шепнул.

Наставница насторожилась.

— Он еще здесь?

Василий кивнул.

— Ждет вас в гостиной.

— Хорошо, подайте туда кофе, — баронесса обернулась ко мне. — Идем, Михаил.

В гостиной нас дождался один из людей Корфа. Я запомнил этого молодого парня — он оформлял мои документы, когда меня замели вместе с Андрюшиным. Только его фамилия напрочь вылетела у меня из головы. А вот Матильда его, как выяснилось, знала.

— Здравствуй, Кеша.

“Ищейка” поднялся в знак приветствия.

— Матильда Карловна. Михаил Николаевич...

— Что стряслось? — Сразу перешла к делу наставница. — Я всегда рада видеть бывших сослуживцев, но, прости за откровенность, что-то вы зачастили.

— У меня есть вести от его превосходительства. Вальтер Макарович сказал, что это может вас коснуться. Не напрямую, так косвенно. Поэтому решил передать лично — все равно мне по дороге. — Иннокентий неловко улыбнулся. — Да и от вашего пуэрториканского кофе грех отказываться...

— Что за новости, Иннокентий...

— Гурьевич.

В гостиную внесли дымящиеся чашки, и наставница дождалась, пока слуги уйдут.

— Кеша, не томи, — поторопила она.

— Сегодня снова был инцидент, — понизив голос, сказал “ищейка”. — Нападение.

Матильда нахмурилась.

— Кто на этот раз?

— Берут все выше. Шуваловы.

— О господи. Что с их сиятельствами? Есть жертвы?

Иннокентий кивнул.

— На этот раз наш таинственный друг изменил тактику. Мертвы все.

Если я ничего не путал, то Шуваловы были именитым и влиятельным графским родом. Родовое имение старшей ветви обширного семейства располагалась к северу от города, в сторону Выборга. Я еще по прошлому миру помнил живописный парк с прудами и тихой речкой. Только в моей прошлой жизни все это дышало ветхостью и запущенностью.

И теперь все, кто находится в Шуваловской усадьбе в этот злополучный день, погибли. Радамант действительно стал метить выше. И окончательно пересек черту.

Но почему он тогда оставил в живых остальных?

Матильда прерывисто вздохнула и опустила в кресло. Дрожащими пальцами потянулась за курительными принадлежностями.

Иннокентий скорбно склонил голову.

— Знаю, вы были близки с некоторыми членами графской фамилии. Примите мои соболезнования, Матильда Карловна.

Наставница рассеянно кивнула.

— А что же Аркадий Павлович? — сдавленно спросила она. — И Екатерина Константиновна? Они тоже...

— К сожалению, да. Род Шуваловых обезглавлен.

Матильда достала длинную коричневую сигариллу и подчеркнуто аккуратно, словно выполняла важнейшее дело в жизни, вставила ее в мундштук, а затем прикурила от малюсенькой “Жар-птицы”. Получилось не с первого раза.

Все краски спали с ее лица в один миг. Никогда не видел ее такой... даже не расстроенной — потерянной. Видимо, Шуваловы и правда были ей близкими друзьями. Судя по расположению имений, они вполне могли часто видаться со Штоффами — у обеих семей родовые владения находились на севере. Могли дружить семьями и даже вести совместные дела.

— А что дети? — выдохнув тонкую струйку дыма, наконец спросила Матильда. — У них же три девочки...

Иннокентий отвел глаза.

— В живых не осталось никого. Простите, что принес столь ужасные вести.

Матильда тихо всхлипнула, но быстро вытерла навернувшиеся слезы тыльной стороной ладони и дерзко вскинула подбородок.

— Как это произошло? Как их убили?

— Я не уполномочен рассказывать подробности...

— Кеша!

“Ищейка” тяжело вздохнул.

— Ладно. Но, прошу, ни одно слово не должно выйти за пределы этой комнаты. Иначе меня ожидают большие неприятности.

— Слово дворянина, — мгновенно отозвался я. — Мы вас не подставим, Иннокентий Гурьевич. Молю, расскажите хоть что-нибудь.

Молодой человек прихлебнул немного кофе и тоже достал сигарету. Да блин, их что, Минздрав не предупреждал? Я поспешил открыть окно.

— Господский дом сгорел до основания. Красивая была усадьба. Старинная... Тела еще на экспертизе, но я слышал от специалистов, что ранения имеют и огнестрельный характер,

и магический.

Я кивнул. У нас могло быть так же. И вроде так же было с остальными. И правда похоже на почерк Радаманта.

— Но почему у Шуваловых устроили смертную бойню, а нас и других пощадили? — спросил я. — Ну, относительно. Жертвы были, но скорее случайные.

Иннокентий пожал плечами.

— Этого мы еще не выяснили. Но непременно пойдем, обещаю.

— Не давай обещаний, которые не сможешь выполнить, — тихо отозвалась Матильда. — Никогда не давай, Кеша.

— Вести дошли до императора, — ответил “ищейка”. — Случай вопиющий, и все Отделение уже взгрели. Так что тут не отвертимся. Виновного найдут и уничтожат.

— Но это будет непросто, — отозвался я. — Раз до сих пор даже не смогли предотвратить новые случаи после нас. И ставки террористы все время повышают.

— Справимся, ваше сиятельство.

Наставница молча покачала головой.

— Хуже всего то, что в свете началась паника, — продолжил Иннокентий. — Когда напали на Соколовых, инцидент удалось замять. Статья Андриюшина прошла почти незамеченной. Ну и мы со своей стороны постарались, чтобы никто не распускал слухи. С Лисницкими было сложнее — это всплыло наружу, однако Корф поднял все связи, чтобы успокоить панику. Но после случившегося с Шуваловыми...

— Потому что это катастрофа! — на грани истерики воскликнула Матильда. — Конечно, что свет паникует. Вместо того, чтобы защищать людей вы все только заминали!

“Ищейка” выдержал поток эмоций наставницы.

— Увы, это не я решаю, Матильда Карловна, — спокойно ответил он, но вид имел виноватый. — Вы прекрасно знаете, что права голоса у меня нет. Однако уже известно, что Его Величество повелел отменить все мероприятия и балы, закрыть салоны. Дворяне в спешке покидают Петрополь.

— Их это не спасет, — возразил я. — Ведь и на Лисницких, и на нас, и на Шуваловых напали загородом.

— Согласен. Кто-то решил временно перебраться в Москву, а то и дальше. Так террористам будет сложнее до них добраться.

Так себе идея. Если Радамант захочет кого-то укокошить, то достанет из-под земли. И под какой-нибудь Рязанью или Торжком будет куда проще организовать нападение незаметно. Я сильно сомневался, что даже тайное отделение располагало настолько гигантскими ресурсами и армией, чтобы приставить к каждому роду охрану.

Так что Радамант, пожелай он угробить еще кого-нибудь с особым цинизмом, своего добьется. Отчего-то я и сам уже начинал в это верить. И панику посеять ему удалось. Несколько спланированных акций устрашения — и вот, даже одаренные Благодатью аристократы уже побежали, поджав хвосты. Может не все. Но женщин и детей точно отправят как можно дальше.

— И отдельная новость для вас, Михаил Николаевич, — Иннокентий перевел взгляд на меня. — В данный момент решается вопрос между правительством и Аудиториумом относительно переноса вступительных испытаний. Не все родители готовы рисковать, особенно после того, что там случилось во время Смотра.

Что ж, тоже логично. Но что мне теперь, застрять у Матильды в Лебяжьем? Готовиться-

то надо...

— Это точно? — спросил я.

— Пока нет, ваше сиятельство. Говорю же — вопрос обсуждается. Аудиториум — школа старой закалки, переговоров с террористами ректор вести не хочет и не готов идти на уступки. Возможно, администрации сторгуются на усилении мер безопасности.

Я кивнул.

— Благодарю за информацию.

Матильда поднялась с кресла, подошла к серванту и достала пузатую бутылку. Налила себе, молча взглянула на Иннокентия. Тот мотнул головой.

— Не могу, ваше благородие. За рулем.

Выпив жидкость залпом, наставница поморщилась.

— Я забираю воспитанников и увожу в Лебяжье. Завтра же утром.

“Ищейка” кивнул.

— Мы можем прислать вам дополнительную охрану.

— Спасибо, сами справимся. Да и, честно говоря, не остановит она, если Радамант решит обрушить на нас свой гнев. У Шуваловых была великолепная охрана. Настоящая маленькая армия. А толку?

— Справедливо, — пожал плечами гость.

Я подошел к Иннокентию и наклонился над его ухом.

— Вы обыскивали Андрюшина?

— Разумеется, ваше сиятельство.

— Видели список фамилий из Сената?

“Ищейка” нахмурился, вспоминая.

— Вроде было в описи. Да, что-то точно было... В тетради.

— Обратите внимание на этот список. Все фамилии жертв нападения — оттуда. Возможно, журналист и правда что-то накопал.

Иннокентий с недоумением на меня уставился.

— Откуда вы об этом знаете, ваше сиятельство?

Пришлось быстро вспоминать, что я там наплел в объяснительной.

— Я ведь подошел к Андрюшину в библиотеке, — приняв невинный вид, пожал плечами я. — Пока разговаривали, обратил внимание на книгу и то, что он в ней искал. Там перечень участников Особой комиссии по вопросам ограничения применения Благодати Сената. Мне еще бросилось в глаза, что фамилии были знакомые. Ведь среди них фигурировала и моя.

Разумеется, свою копию списка я ему не отдал. Еще небось самому пригодится. Пусть “ищейки” выполняют свою работу. Зря что ли налог идет в казну?

Иннокентий задумчиво кивнул.

— Благодарю, ваше сиятельство. Попрошу коллег обратить на это внимание, если они еще этого не сделали. Я ведь не занимаюсь непосредственным ведением расследования. Так, на подхвате... А теперь, — он залпом допил остывший кофе и поднялся. — Мне нужно идти. Боюсь, ночью могут вызвать, а хотелось бы успеть поесть переодеться. Благодарю за гостеприимство, Матильда Карловна.

Он слегка поклонился нам с баронессой.

— Еще раз приношу соболезнования. Жаль, что встретиться пришлось по такому поводу.

Иннокентий вышел. Матильда молча прикрыла глаза и снова взялась за бутылку виски. Плеснула в стакан на два пальца и устало опустилась в кресло.

— Кем они вам приходились? — осторожно спросил я. — Шуваловы. Вы очень расстроились, узнав об их гибели.

— Старые друзья семьи. Одна из девиц Шуваловых была моей теткой. Так что, можно сказать, родня, пусть и не самая близкая. — К моему удивлению, Матильда перекрестилась и опустошила стакан. — Упокой Господи души рабов твоих.

Я старался не обращать внимание на это богохульство. Каждый справляется с горем как может.

— Михаил, оставь меня, пожалуйста, одну, — попросила наставница. — Мне нужно немного времени... чтобы примириться.

Было больно глядеть на женщину, которую я всегда видел лучащейся силой, энергией и обаянием. Сейчас же она сжалась, казалась хрупкой, потерянной. Для своих тридцати с хвостиком она обычно выглядела ослепительно, но горе проложило на лице Матильды скорбные морщинки.

— Конечно, — кивнул я. — Мы можем что-нибудь для вас сделать?

Она наградила меня слабой улыбкой.

— Спасибо, Михаил. Но, боюсь, никто не может. Есть вещи, с которыми мы должны справляться один на один. Ступай, проведай ребят. Только не говори им пока что о Шуваловых — я сама расскажу. Не хочу, чтобы девочки прорыдали всю ночь. Пусть хотя бы еще вечер отдохнут.

— Как пожелаете, ваше благородие.

Я вышел и, плотно закрыв дверь, привалился к стене. Кулаки сжались сами по себе. От гнева, от бессилия. Что я мог сделать, чтобы остановить это безумие?

Ни хрена я не мог. И от этого было еще больнее.

Вроде и Матильда, и Ирэн, и даже моя, с позволения сказать, родня на самом деле были мне чужими людьми. Вроде я не должен был чувствовать к ним привязанности. Однако вот беда — чувствовал. Видимо, мне настолько хотелось наконец-то обрести верных друзей и близких, что я ухватился за них как тонущий за соломинку. Даже стерва Ирэн успела занять место у меня в душе, а ведь сначала хотелось оттаскать наглую девицу за волосы.

Горе пришло в Петрополь. Видимо, самым модным цветом этого сезона станет черный.

Ритуал Скрепления клятвы проходил несколько торжественнее, чем я предполагал.

На следующее утро после новостей о гибели Шуваловых мы вернулись в Лебяжье. Здесь, в просторной усадьбе, и правда было спокойнее. Над Петрополем нависла пелена тревоги — напряжение чувствовалось даже в колючем балтийском воздухе. До области паника еще не добралась.

В Лебяжьем было холодно, промозгло, но безопаснее. Матильда так и не согласилась на предложение Тайного отделения приставить охрану, но вместо этого усилила собственную. Я все еще сомневался, что это поможет, да и наставница прекрасно все понимала. Но, видимо, имитация бурной деятельности ее успокаивала. Давала иллюзию контроля над ситуацией.

Ирэн и Сперанские приняли новости близко к сердцу, особенно моя белокурая подруга. В машине она ревела у меня на плече всю дорогу, а Поля просто замкнулась в себе так, что

почти перестала разговаривать. Лишь братьям отвечала, да и то односложно.

Так прошло два дня — в трауре, молчании и страхе. Даже слуг проняли новости о чудовищном массовом убийстве.

Но баронесса быстрее всех пришла в себя. Чтобы хоть как-то отвлечь племянницу от горя, Матильда напомнила Ирэн о необходимости принести клятву, дабы скрепить долг жизни. Ритуал, как мне рассказали, обещал быть простым, но, как говаривал Василий Иванович в известном анекдоте, был нюанс.

И теперь я стоял перед закрытыми дверями в самой старой части особняка, дрожал от холода и ждал полуночи. А вместе с ней — ту, что должна была принести мне клятву.

Ирэн появилась первой. Шла по длинному каменному коридору со свечой в руке. Облаченная лишь в простую белую рубаху и шерстяную шаль, с распущенными длинными золотыми волосами. И шла босиком. Меня пробил озноб только от одного взгляда на ее голые ступни. Но девчонка стойко терпела.

Следом за ней шли свидетели приносимой клятвы. По правилам, их должно было быть не меньше пяти. Матильда, трое Сперанских и — внезапно — Василий. Каждый тоже нес по свече. И хотя бы они были одеты тепло.

Приблизившись ко мне, Ирэн поклонилась. Не исполнила привычный реверанс, а именно поклонилась. До земли.

Матильда загремела связкой старых ключей и, выбрав нужный, отперла массивный, похожий на амбарный, замок. Наставница распахнула двери, и мне в нос ударил запах сырости и спертого воздуха. Еще здесь пахло чем-то вроде благовоний — тяжелый сладковатый аромат, которого я не знал.

— Прошу входить, — шепнула баронесса. — Будьте осторожны. Это самое сердце нашей усадьбы.

Здесь не было ни единого окна, да и само помещение оказалось совсем небольшим. Круглый зал без отделки — стены голые, из темного камня. Никакой мебели, никаких украшений или убранств. В центре зала располагался каменный столик, на котором на мраморной подставке сверкало и переливалось всполохами разных цветов что-то маленькое.

— Осколок, — выдохнул я, догадавшись.

Матильда кивнула.

— Это наша родовая реликвия. Клятва будет принесена над Осколком, ибо это — величайшая ценность нашей семьи. Он скрепит клятву своей силой.

Пятеро свидетелей встали у круглой стены на равном расстоянии друг от друга. Света, как ни странно, хватало. По крайней мере я мог различать контуры, да и свечные огоньки придавали этому действию больше мистицизма и торжественности.

— Ирэн, ты готова? — спросила баронесса.

Девушка кивнула.

— Да.

— Тогда начинайте.

Ирэн поставила свою свечу на столик возле Осколка так, чтобы оплывающий воск не попал на реликвию. Затем опустилась предо мной на колени, а одну руку положила на реликвию.

— Я, Ирина из рода Штоффов, носительница Благодати, в присутствии пятерых свидетелей из одаренных и неодаренных, клянусь своей жизнью и целостностью Осколка своей семьи, что беру на себя долг жизни перед тобой, Михаил из рода Соколовых. Клянусь

выполнить любую твою волю и освобожусь от клятвы лишь тогда, когда исполню твое веление.

Ее голос отзывался тихим эхом и тонул где-то под сводами старого зала. Я положил одну руку на Осколок, а второй взял свободную ладонь Ирэн — так требовал обычай. Осколок оказался холодным, обжигающе ледяным. Девушка подняла на меня глаза и доверчиво улыбнулась.

— Я, Михаил из рода Соколовых, принимаю твою клятву.

— Да свяжет эту клятву Благодать Осколка Штоффов, — ответила Ирэн. — Да расколется он на десять частей, если я ее нарушу. Да покинет жизнь мое тело, если ослушаюсь. Подчиняюсь тебе, Михаил из рода Соколовых, и молю о доброй воле.

Да уж. Ничего себе клятва. Признаться, я до последнего не верил, что все будет настолько серьезно. Однако теперь эта девица и правда от меня зависела.

— Да будет так, — отозвался я.

И в этот момент Осколок вспыхнул. Сверкнул всеми цветами радуги, осенив стены зала ярким, почти дневным светом. Сияние охватило нас с Ирэн и погасло через пару мгновений. Только на долю секунды я заметил, как тонкая светящаяся нить обвилась вокруг шеи девушки. Словно петля затянулась.

— Клятва принесена, — Матильда подошла к нам, взяла свечу и передала мне. — Помни о моей просьбе, Михаил.

“Михаил, спустись, пожалуйста”.

Ментальный зов Матильды застал меня врасплох. От неожиданности я едва не выронил зубную щетку — как раз заканчивал утренние банные процедуры после тренировки.

“Что-то срочное?” — сосредоточившись, ответил я. Ментальное общение все еще давалось мне с трудом.

“Пришли кое-какие вести из Аудиториума. Думаю, тебе будет интересно. Ждем тебя в столовой”.

“Пять минут”, — ответил я и торопливо дочистил зубы.

Новости из Аудиториума — это всегда интересно. И важно. Особенно сейчас, когда все стало еще сложнее и совершенно неопределенно.

Напялив привычную форму без опознавательных знаков — хвала добрым горничным, что ежедневно чистили подарок Корфа, я обулся, кое-как причесал недосушенные волосы и выбежал в коридор.

И едва не сбил с ног Ефросинью.

— Ой, господи! — пискнула стилистка, нагруженная пакетами с чем-то нетяжелым, но объемным. — Доброе утро, ваше сиятельство. Почему вы так торопитесь?

— Доброе, — поздоровался я и взглянул на ее ношу. — Прошу прощения. Помочь донести?

— Что вы, ваше сиятельство... Я сама.

— Не обсуждается.

Я буквально насильно отобрал у нее пакеты. К слову, те оказались тяжелее, чем выглядели. Под шуршащей бумажной оберткой обнаружились отрезки черной ткани.

— Нижайше благодарю, Михаил Николаевич, — Фрося семенила за мной, глухо стуча каблучками по ковру. — Но это было излишне. Негоже вам так утруждаться ради меня.

— Негоже женщинам таскать тяжести, — отрезал я. — Вы мастерица, а не грузчик. А если бы руки перетрудили? Как вам тогда работать?

Девушка зарделась и смущенно отвела глаза. Ну приятно же, чего отпираться? Всегда приятно, когда помогают. Да и поддерживать дружбу с ней было полезно. Тем более что меня это совсем не обременяло.

Когда мы подошли к двери ее кабинета, Фрося торопливо отперла замок и распахнула дверь.

— Просто положите на стол, пожалуйста. Дальше я сама разберусь.

Из пакета высунулся краешек ткани. Явно очень дорогой, с интересным блеском.

— Готовите траурный гардероб?

Стилистка грустно кивнула.

— Да, ваше сиятельство. Их благородий пригласили на церемонию прощания с семейством Шуваловых. Все пройдет в родовом имении почивших. Я уже почти все подготовила к завтрашнему, но кое-чего не хватает. Буду срочно дорабатывать. Вот, взяла несколько отрезков про запас...

Логично, что Матильда и Ирка должны были быть в списке приглашенных, но мне ничего об этом не говорили. Впрочем, и не мое это дело. Хотя после того, что случилось на похоронах Петра, мне было боязно отпускать Штоффов прощаться.

Параноя снова разыгралась. Шуваловы были очень знаменитым семейством. Влиятельным, с множеством связей и обширными владениями. И на их похороны должны были съехаться многие важные персоны. Вдруг Радамант попробует снова напасть на них в это время? Вдруг опять воспользуется человеческим горем?

Нужно поделиться опасениями с Матильдой. Хотя мне казалось, что наставница и сама должна была оценить риски.

На ее месте я бы не ехал. Как бы ни было горько и больно, но остаться в Лебяжьем было

безопаснее.

— А на какую дату запланировано прощание?

Ефросинья тяжело вздохнула.

— Завтра в полдень. Чувствую, у кого-то снова будет бессонная ночь. И этот кто-то — я...

— Что-то вы зачастили бодрствовать по ночам, — мягко улыбнулся я. — Может вам подумать о поиске помощницы?

— Давно уж думаю. Но не уверена, что сейчас подходящее время. Вы же знаете, что в столице творится. Праздники и балы отменили, свет разъехался. Тут бы свое место сохранить.

— Конечно, сохраните. Куда же их благородиям без вас?

Фрося смущенно улыбнулась.

— Спасибо за теплые слова, ваше сиятельство. Вы очень любезны. И добры.

— Стараюсь, — пожал плечами я.

— Надеюсь, скоро этих страшных убийц поймают и город вздохнет спокойно. Если честно, я ужасно переживаю за их благородий. — На глаза Фроси навернулись слезы, а голос сел. — Матильда Карловна была очень дружна с Аркадием Павловичем и Екатериной Константиновной. И, скажу по секрету, они даже обсуждали возможность породниться еще ближе...

Хм. Интересно.

— Насколько мне известно, у Шуваловых было только три дочери. А у Штоффов нет наследников мужского пола...

— У Аркадия Павловича был младший брат. Павел Павлович. А у того — сын племянник Аркадия Павловича. Семен Павлович. Хороший юноша. Сейчас он учится в Швейцарии. И до меня дошли толки, что Семен Павлович очень заинтересовался нашей Ирэн...

Вот как. Впрочем, сложно было его за это винить. Ирка — девица видная во всех отношениях. Неглупа, красавица, одаренная, с титулом и деньгами. Чего еще желать?

— Так, значит, Ирэн помолвлена? — удивился я.

В таком случае очень странно, что Матильда мне ничего не сказала. Если так, то это здорово все осложняет. И то, что Ирэн оказалась под воздействием Радаманта и воспылала ко мне чувствами, могло стать большущей головной болью для всех замешанных.

— Не думаю, — отозвалась Фрося. — Я бы знала. Полагаю, это были просто разговоры. Никаких официальных объявлений, как бывает в таких случаях, не делали. Да и некоторое родство уже есть, а это означает, что пришлось бы просить разрешения у Синода... Словом, не все так просто. Кроме того, сейчас Семен Павлович станет наследником Шуваловых, а это значит, что он сможет подыскать себе и более родовитую невесту... С его-то наследством можно претендовать даже на руку княжны.

— В любом случае — это не мое дело, — я попытался съехать с темы. Фрося действительно была полезным источником сведений о дворянской жизни, но матримониальные планы Шуваловых меня не интересовали. Да и вести из Аудиториума были важнее. — И, боюсь, мне нужно идти. Ее благородие меня ждет.

Стилистка понимающе кивнула.

— Еще раз благодарю, ваше сиятельство. Удачи!

Я вышел и взглянул на часы. Как обычно, у Фроси невозможно было пробыть недолго.

Вечно застрянешь и заслушаешься.

“Михаил, где ты?” — раздраженно прозвучало у меня в голове. — “Все собрались, только тебя ждем”.

“Бегу, бегу!”

Значит, новости не только для меня, а для всех. Еще интереснее.

Проскочив коротким путем, я спустился по боковой лестнице, по дороге поздоровался со всеми слугами и наконец-то подошел к столовой.

В зале был аншлаг, и дело явно было не только в завтраке. По воскресеньям Штоффы в церковь не ездили, но распорядок дня все же немного меняли. Просыпались на час позже, завтракали — тоже. И еда была похожа на праздничную. А обстановка царила более домашняя — Матильда отпускала большую часть слуг, а мы сами обслуживали себя за столом. Лишь неизменный Василий — негибаемый и вечный, словно скала, чопорно поклонился в знак приветствия и отодвинул стул, приглашая меня сесть рядом с Ирэн.

Девушка улыбнулась и под столом взяла меня за руку.

— Доброе утро, Миша! — стройным хором приветствовали меня братья Сперанские. Поля так и не оторвалась от блинчиков. Как обычно.

Матильда, сидевшая во главе стола, кивнула.

— Ты припозднился.

— Прощу прощения. Так что за новости?

Баронесса помахала в воздухе большим конвертом. Довольно пухлым, как мне показалось.

— Эти сведения стоили мне примерно четверть Лени, — сказала она, поймав наши заинтересованные взгляды. — Но источник внушает доверие. Надеюсь, средства потрачены не зря.

— Ну что там? — теряя терпение, ерзала на стуле Ирэн.

— Списки команд, в которые вас распределили, — победно улыбнулась Матильда. — Я еще не распечатывала пакет.

Сперанские уронили челюсти.

— Ого!

— Ничего себе...

Ирэн нервно сглотнула. А я завис над кофейником, так и не успев налить себе полную чашку.

— Как вы умудрились их добыть? — спросил я. — Ведь Аудиториум надежно хранит информацию.

Баронесса приняла загадочный вид.

— Из Аудиториума я бы не смогла ее вытащить. Однако администрация учебного заведения передала эти списки органам правопорядка. Ввиду особого положения в городе государевы структуры были проинформированы. И вот тут я подключила свои связи. И деньги. Так что сейчас мы узнаем, кто вам достался. Но, разумеется, все должны молчать.

Сперанские переглянулись и одновременно кивнули.

— Мы — могила.

Ирэн нахмурилась.

— У тебя не будет из-за этого проблем, тетушка? Все же это незаконно...

Матильда точным движением ножа вскрыла конверт.

— Отчаянным временам — отчаянные меры, моя дорогая. Если есть возможность

перестраховаться, почему бы ею не воспользоваться? К слову, первый этап испытаний назначен на послезавтра. К девяти утра все вы должны быть на загородном Полигоне Аудиториума под Дудергофом.

Ирэн под столом сильнее сжала мои пальцы.

— Послезавтра... — шепнула она. — Боже, так скоро...

Но я, если честно, был только этому рад. Когда ждешь неизбежного, обычно наступает момент, когда настолько устаешь от ожидания, что хочешь только одного — чтобы все это поскорее наступило. Чтобы все закончилось. И нередко уже даже плевать на результат. Примерно это же я чувствовал и сейчас. Все эти пляски вокруг Аудиториума мне уже надоели. Каким бы ни был итог, я получу ясность и смогу думать, что делать дальше.

Матильда вытащила стопку листов из конверта и пробежалась глазами по первому.

— Меры безопасности будут усилены, — прочитав, сказала она. — Никаких родственников и ассистентов... На полигон будут допущены только абитуриенты. Разумно... Так, — она перелистнула страницу, — Что у нас дальше... О, нашла. Боря, Поля, вы в команде с Викторией Самойловой, Михаилом Урусовым и Христофором фон Талем.

— А я? — удивился Коля.

— Тебя в этой команде нет, — еще раз перечитав, ответила баронесса. — Что в целом неудивительно. Ты немного посильнее будешь. Наверняка тебя вписали в более сильную группу.

— Как странно. Мы же всегда вместе...

— Когда-нибудь пришлось бы разделиться, — ответила Матильда. — Мне жаль.

Коля кивнул и, насупившись, принялся лениво ковыряться в блинчиках. Обиделся что ли? Но на что?

— Самойлову я знаю, — задумчиво сказал Боря. — Милая девушка.

— И будущая менталистка, — отозвалась Поля.

— Значит, нам повезло.

— Зависит от того, что она умеет... Урусовы всегда отличались на военной службе. Скорее всего их отпрыск — боевой.

Матильда кивнула.

— Похоже на то. А вот Христофор фон Таль... Род прусский, но в Петрополе практически не представлен. Тем не менее ранг у него достойный. Я не знаю, какая у него специализация. Попробую выяснить.

— Лишь бы не артефактор, — ответила Поля. — Одной меня в команде достаточно. Я и так бесполезная.

— Не говори так, Апполиария, — внезапно проявила дружелюбие Ирэн. — У тебя редкий и очень полезный дар. Подумаешь, не боевая. Ну и что.

Иногда мне начинало казаться, что Ирэн стоило остаться под заклятьем. Не знаю, что с ней сотворил Радамант, но характер у бывшей стервы заметно улучшился. Не девица стала — золото. Всегда бы так.

Полина удивленно хлопнула рыжими ресницами.

— Эээ... Спасибо, Ирэн.

— А куда все же я попал? — взмахнул рукой Коря, привлекая к себе внимание.

— Погоди, ищу, — шелестела бумагами Матильда. — Вас здесь много. Но меньше, чем обычно. Видимо, некоторые семьи отозвали заявки в этом году. Скорее всего предпочли переждать бурю и попробовать поступить в следующем.

— А почему мы так не можем? — спросила Ирэн. — Мне, конечно, не хотелось бы терять год. Но если все так опасно...

Матильда удивленно уставилась на племянницу.

— Почему ты только сейчас об этом говоришь? Мне казалось, ты сама хотела поступить как можно быстрее, и я ради тебя пошла на риск...

Ирэн пожала плечами.

— Не знаю... Как-то в голову не приходило раньше. Просто тут ведь есть и свои плюсы: меньше претендентов в этом году, меньше конкурс. Больше шансов поступить. У меня и так были неплохие показатели, а сейчас, думаю, все может даже пройти легче.

Баронесса покачала головой.

— Уже поздновато забирать документы, но это возможно. Одно дело Сперанские — у них жизнь по годам расписана. Да и у Михаила есть определенные причины торопиться. Но если не хочешь, чтобы на нас посмотрели косо, решай быстрее, Ирина. Если передумаешь, я должна оповестить Аудиториум завтра.

— Наверное, не передумаю. Думала, тебе так будет спокойнее.

— Несомненно будет.

Я ошарашенно слушал Ирэн. Она ведь до этого ни словом не обмолвилась, что согласна пропустить год. А сейчас внезапно начала задумываться о том, чтобы дать заднюю? Да Ирэн из всех нас была самой замотивированной на поступление — Матильда ведь готовила ее много лет. Странно это все.

Матильда остановилась на одном из листов.

— Так... Николай, Михаил, мои поздравления. Вы вместе.

Коля отложил приборы, метнул на меня довольный взгляд и украдкой показал большой палец.

— Отлично!

— А кто с нами?

— Команда сильная, — изучив список, сказала Матильда. — Вы, ребята, попали в высокую лигу. Все — четвертый и пятый ранги.

Значит, и противники будут не ниже. Иначе какой смысл биться с другими абитуриентами?

— Георгий Афанасьев, — прочитала наставница. — Знаю их. Москвич. Георгий — средний сын графа Афанасьева. Старший, кстати, тоже учился в Аудиториуме, выпустился в прошлом году. И сразу же получил должность в московском Тайном отделении. Старший — менталист. Младший наверняка тоже что-то может.

— Менталист нам бы тоже пригодился, — кивнул я.

— Кто еще?

— Ана Грасс. О... — закатила глаза Матильда. — Соболезную.

— В чем дело?

— Грассы — род артефакторов. Причем весьма талантливых. Награждены, и не раз, самим императором.

— Значит, огневой мощи у нее маловато? — уточнил я. — Не беда, выкрутимся.

— Дело не в этом. Грассы — очень высокомерны. Общаться будет трудно. Я предупредила. Особенно ты, Михаил, имей в виду. Эта девица точно припомнит тебе историю твоей семьи.

Я фыркнул.

— Не в первый раз, прорвемся.

— Эта фурия в несколько раз несноснее меня, — шепнула мне на ухо Ирэн. — Мы с ней друг друга не выносим.

— Удивительно, — съязвил я. — Небось еще и красивая.

— Ну...

Хе-хе. Значит, точно красивая.

— И последний... — Матильда удивленно округлила глаза. — Виктор Рахманинов. Странно...

— Почему странно?

— Рахманиновы — род слабый. Подразбавили кровь союзами с богатыми, но малоодаренными семьями. Удивительно, что Виктор оказался вместе с вами. Они ведь обычно болтались на шестом-седьмом ранге...

— Может все решили деньги? — предположила Ирэн.

Баронесса покачала головой.

— Вряд ли. Может и правда самородок. Вроде нашего Михаила.

— А чем славятся Рахманиновы?

— В том-то и дело, что не блистают талантами. Осколок они, конечно, получили, но вот пользоваться им во благо родины не торопились. Род относительно старый, но не особенно влиятельный. Из-под Костромы. Живут там же. Ни в Сенате, ни на высоких военных постах не были замечены. Разве что Рахманиновы часто становились предводителями костромского дворянства. Оттого и удивительно, что они вообще полезли в Аудиториум.

Это и правда было странно. Я бы подумал, что у Рахманиновых был крепкий род. Но ведь Матильда сказала, что они разбавляли кровь, а в таком случае родовая сила вряд ли бы пробудилась. Интересный, значит, персонаж. Нужно будет к нему присмотреться.

Почему-то это меня обеспокоило, но я не мог понять, с чем это было связано. Странно — да, но ничего криминального. Всякое бывает. В конце концов и я немало удивил петропольское дворянство. И все же интуиция не давала мне покоя. Поискать что ли сведения об этих Рахманиновых?

— Осталась я, — улыбнулась Ирэн. — Тетушка, не томи, пожалуйста.

Матильда углубилась в поиски, тихо бормоча что-то себе под нос. Из стопки вылетело несколько листов, и я сорвался с места, чтобы их поднять и вернуть наставнице.

— Да где же ты, — ворчала баронесса.

Я поднял листы и невольно зацепился взглядом за имена.

О, Анна Лопухина — самоотверженная темновласка, помогавшая с ранеными. Наверняка она тоже получила письмо от императора. С ней в одной команде был Юрий Горькушин — кажется, я слышал, как его вызывали. Судя по всему, тоже крепкая команда. Лопухина показалась мне способной.

А затем я наткнулся на имя Ирэн.

В другой команде.

Рядом с именем его мерзейшего сиятельства Константина Денисова, обещавшего мне незабываемое сражение на Полигоне...

Увидев мою реакцию, Коля приподнялся.

— Миша, что там?

— На тебе лица нет, — удивилась Ирэн. — Что ты там увидел?

Я встретился глазами с девушкой и открыл было рот, чтобы сообщить ей новости, но Матильда успела взять бумаги из моих рук.

— Так-так... — она углубилась в изучение и округлила глаза. — Ничего себе...

— Да что там такое? — потеряв терпение, Ирэн вскочила с места и подбежала к наставнице. — Ой...

— Именно.

Теперь уже Сперанские сгорали от нетерпения. Матильда вздохнула, отложила списки и пригубила кофе.

— Ирина, поздравляю, — сказала она. — С такой командой у тебя есть все шансы пройти дальше. Ольга Мартенс, Афанасий Львов, Николай Кочубей и сам Костя Денисов... Все — пятый ранг. И все — выходцы из семей, где с Благодатью работают давно и плотно.

Ирэн вернулась на место и ошарашенно уставилась на тетку.

— Но ведь я шестого ранга. Почему же оказалась в одной команде с ними?

— Хороший вопрос. Вероятно, потому что ты — единственная менталистка в этой группе. Там трое боевых и один лекарь. Видимо, при распределении посчитали, что твои навыки подходят команде.

— Все равно как-то это странно...

— Не сказала бы. Вся команда — потомки родов, крепко связанных службой государству, — пояснила Матильда. — Ольга Мартенс — потомственная боевая заклинательница. Причем занятно, что в ее роду самые сильные обладатели Благодати — именно женщины. А все потому, что осколок был пожалован Агнессе Мартенс — блистательной шпионке, работавшей во времена Екатерины Алексеевны. Именно Агнесса Мартенс в свое время сделала очень многое для союза с австрийским императором Иосифом, что позволило реализовать проект по возвращению Константинополя. Когда планы осуществились, Мартенсы стали одними из первых, кто получил Осколок из рук самой императрицы...

— Недурно, — кивнул я. — А говорят, женщинам в те времена скучно жилось...

Матильда хмыкнула.

— Жилось по-разному. Но авантюрные натуры всегда находили способ раскрыть потенциал. А женщины Мартенсов унаследовали характер своей прародительницы. Так что лучше иметь эту Ольгу в союзниках. Ты поняла меня, Ирэн?

Девушка кивнула.

— Учту. Благодарю, тетушка.

— Так, кто дальше... Львовы. Судя по всему, те самые Львовы. Род знахарей из Архангельска. Суровые северные люди. Говорят меньше, чем знают, а знания хранят еще со времен Рюриковичей. Скорее всего этот Афанасий Львов пошел по стопам всего рода. А это значит, что в вопросах целительства он со временем сможет творить чудеса.

Вот уж кому и правда повезло с командой, так это Ирке. И плевать на Денисова, когда рядом потомки шпионов и архангелогородцы с замашками чудотворцев.

— А Кочубей? — спросил Боря. — Вроде же полководцы у них в роду были...

Матильда кивнула.

— Да. Тоже древний и уважаемый княжеский род. Николай, судя по всему, из его младшей ветви. И ты прав, Борис, они знамениты верной службой на военном поприще.

— Соответственно, он тоже боевой? — предположила Ирэн.

— Скорее всего. Я не слышала, чтобы из Кочубеев получались выдающиеся менталисты или лекари. Вроде была парочка артефакторов, но в основном боевые.

— Выходит, у нас и правда очень сильная команда.

— Только Денисов — трус, — ответил я. — Когда обрушилась крыша на Смотре, он одним из первых попытался удрать. Это не делает ему чести.

Матильда пожала плечами.

— С одной стороны, ты прав, Михаил. Но с другой — несовершеннолетний наследник должен думать о своей безопасности. К слову, у тебя как раз есть сложности с проявлением излишнего героизма. Ты должен помнить о роли, которая уготована тебе в будущем. Помнить и вести себя осмотрительно.

Она была права, и я при всем желании не мог не согласиться с наставницей. Будущий глава рода должен был беречься. Но несмотря на то, что я принял свою новую миссию, старые привычки то и дело вылезали. А в прошлой жизни я бывал тем еще сорвиголовой.

— И все равно он с душком, этот Денисов, — пробурчал я.

Матильда улыбнулась.

— Только ему в глаза это не говори.

— Поздно, — вздохнула Ирэн. — Они, кажется, уже сцепились. И когда только успели...

Баронесса смерила меня пристальным взглядом.

— Постарайся, чтобы ваши юношеские разборки не помешали главной цели. Если оба пройдете в Аудиториум, у вас будет время распушить хвосты и выяснить, кто сильнее. Целых четыре года.

— Я помню о своей задаче, — сухо ответил я. — Это не мешает.

Но если Денисов ползет, убежать, сверкая пятками, не стану. Одна беда — ползть он получит право только в том случае, если столкнутся наши команды. А раз так, мне придется воевать и против Ирки.

Черт. В голове не укладывалось. И пока я не мог придумать, как при таком раскладе выйти из ситуации так, чтобы никто, кроме гордости Денисова, не пострадал...

Судя по всему, Ирэн думала о том же — смотрела на меня мрачно-мрачно, как туча. Да и Сперанские что-то уж слишком внимательно уткнулись в тарелки — тоже все поняли. Над столом повисла неловкая тишина.

— Ладно, новости не самые плохие, — Матильда сложила листы стопкой и, отложив пакет, налила себе еще кофе. — Теперь мы хотя бы можем предположить, как расставят команды. И это позволит продумать возможные тактики сражения.

— Что-то мне подсказывает, что ты не единственная, кому в руки попали эти документы, — поделилась подозрениями Ирэн.

Баронесса криво усмехнулась.

— Разумеется, не единственная. Если уж что-то и вышло за стены Аудиториума, поверь, покупатели на это непременно найдутся. И в избытке. Так что не расслабляйтесь, господа. В этом году вас меньше, но проще точно не будет.

Весь день прошел за анализом списков и планированием. Матильда, Сперанские и мы с Ирэн устроили настоящий мозговой штурм в библиотеке. Пришлось даже привлечь помощников баронессы — те в срочном порядке раскапывали информацию о заинтересовавших кандидатах.

В самом дальнем конце помещения за столом расположились Евгений и Татьяна — секретари наставницы. Их пальцы порхали над клавиатурами с такой скоростью, что я диву давался. Помощники рыскали, копали о малоизвестных родах все, что могло пригодиться. И я начал подозревать, что Матильда была готова на любую низость, лишь бы помочь Ирэн пройти.

Тем не менее наставница уделяла внимание не только Ирэн. Копали на всех, кто рангом мог составить нам конкуренцию.

Мы просидели почти до ночи, и Матильда буквально пинками отправила нас по кроватям.

На следующее утро Штоффы уехали на похороны, а мы со Сперанскими продолжили прикидывать варианты. Получалось шесть команд, включая мою, примерно моего уровня. И я в упор не мог понять, кто мне достанется.

— Может распределят по жребью? — предположил Боря и кивком поблагодарил служанку, пришедшую унести пустые чашки.

Поля, немного отошедшая от горя, пожалала худыми плечами.

— Либо так, либо все же они будут руководствоваться некой логикой, которая нам неизвестна. Я склоняюсь ко второму...

— Ребят, мы, кажется, ходим по кругу, — я откинулся на спинку кресла, потянулся и с наслаждением хрустнул шеей. Затекла, зараза, от всех этих сидений. — Смиритесь, что мы этого не узнаем до самых испытаний.

Коля хмуро кивнул.

— Согласен. Вместо этого лучше еще раз прикинуть тактику.

— Да чего там прикидывать? — отмахнулся его брат. — “Шлем” на голову, “Берегиню” на тело, “Покров” при необходимости... А дальше — по обстоятельствам.

Ну, в какой-то степени он был прав. Уровень подготовки у всех кандидатов был различный, поэтому на экзамене допускались лишь базовые заклинания — перечень повторял все то, что тренировала с нами Матильда. И мне было немного обидно, что придется на время отказаться от любимых “Колобков” — все же это заклинание считалось слишком сложным для молодняка. Ну и ладно, справимся “Косами” и “Жар-птицами”.

— Хорошая все-таки у Ирки команда, — вздохнул Боря. — Завидую.

Поля покачала головой.

— Люди там сильные, но какая из них получится команда — большой вопрос. Там каждый — яркий индивидуалист. Может так получиться, что каждый станет тянуть одеяло на себя, и все их преимущества окажутся бесполезны.

А ведь Поля была права. Если каждый возомнит себя достойнейшим, ничего путного не выйдет. Но поживем-увидим.

— Но Миша говорит здраво, — сказал Коля. — Мы слишком заиклились. Все, что можно было отточить, мы уже отточили. Тренировки прошли. Подготовились как могли. Лучше уже не будет. Осталось просто дожидаться завтрашнего дня.

— Чувствую себя как перед казнью, — призналась Поля и трянула рыжими

кудряшками. — Скорее бы уже все закончилось.

— Боишься? — понимающе улыбнулся я.

— Конечно.

— Все боятся или переживают, — отозвался я. — Нет в этом ничего постыдного.

— Это да...

От раздумий нас отвлек шум колес. Я подошел к окну и отодвинул штору. Леня притормозил перед парадным входом.

— Вернулись? — спросил Боря.

— Ага, — я глянул на часы. — Точнехонько к ужину.

На самом деле в этот момент у меня словно камень с души упал. Весь день я скакал как на иголках, переживая за Матильду и Ирку. Но автомобиль они обе покинули вполне живые и здоровые, из чего я сделал вывод, что Радамант решил не повторяться.

Уже хорошо.

Ужин прошел в напряженном молчании. Казалось, мы даже вздохнуть лишней раз боялись — до того сильной у всех была тревога перед завтрашним. И лишь когда я направился в свою комнату, уже у лестницы, меня перехватила Ирэн.

— Есть планы на вечер? — Без вступлений огорошила она.

— Конечно. Собирался трястись под одеялом от страха перед возмездием Денисова до тех пор, пока не засну.

Ирэн слабо улыбнулась.

— У меня есть предложение получше. Хочешь прогуляться?

Я выплянул в окно. Давно стемнело, даже немного подморозило. Но хотя бы дождя и ветра не было.

— А, знаешь, неплохая идея, — неожиданно для самого себя отозвался я. — Всяко лучше немного подышать свежим воздухом перед сном, чем ворочаться до середины ночи.

Девушка просияла.

— Тогда обязательно оденься потеплее. Там прохладно.

Прохладно? Да там был дубак собачий!

Ирэн оставила меня одеваться в гардеробной, а сама куда-то исчезла. Через минут десять вернулась с небольшой корзинкой.

— Это еще что? — удивился я.

Она хитро подмигнула.

— Увидишь. Идем.

— Какая-то ты сегодня загадочная.

— И таинственная, — улыбка Ирэн стала еще шире. — Ты не пожалеешь.

Уж я надеялся.

Мы вышли из парадных дверей, и я даже не успел поставить ногу на ступеньку, когда Ирэн обхватила меня за плечи сзади и позвенела чем-то возле уха.

Я покосился на источник звука.

— Ключи от машины? Ты как их добыла?

— Удивишься, но всего-навсего попросила. Тетя позволила. Но мы все равно далеко не поедем. Мне не разрешают уезжать дальше границ территории без сопровождения, — она помахала ключами перед моим носом. — Но в пределах наших владений я могу кататься сколько пожелаю. Идем же!

Она повела меня к длинной боковой пристройке на заднем дворе. Там располагался

автопарк Матильды. К счастью, баронесса сохраняла здоровый взгляд на вещи, поэтому из всех автомобилей Ирэн дозволялись кататься на стареньком, но стильном «Руссо-Балте». Симпатичный седан явно серийного производства напомнил мне знаменитые старые американские «Мустанги». Автомобиль тускло блестел хромированными деталями в неярком свете фонарей.

— Это моя первая машина, — с гордостью представила Ирэн. — И пока что единственная. Но больше мне и не нужно.

— Как назвала? — спросил я, припомнив традицию Матильды давать своим железным коням прозвища.

— Только не смейся.

— После Лени меня уже ничего не удивит.

— Хорошо. — Ирэн напустила предельно серьезный вид. — Македонский, это Михаил. Михаил, это Македонский.

Я не удержался и прыснул.

— Македонский? Серьезно? Боюсь спросить, почему.

— Долгая история. Автомобиль не новый, Матильда его с рук покупала. Учила меня на нем водить. Знаешь, часто богобоязненные люди всякие иконки на торпеду вешают, кресты там, даже ладанки... А когда мы впервые увидели эту тачку, на торпедке красовался чеканный профиль знаменитого полководца. С тех пор так и зовем Македонским.

Я усмехнулся.

— Мило. Ну здравствуйте, Александр Филиппович.

Теперь уже прыснула Ирэн.

— Так к нему ещё никто не обращался. Думаю, вы друг другу понравитесь. Садись, Миш. И обязательно пристегнись. Вожу я неплохо, но тетя убьет меня, если что-то случится.

Я забрался, утонул в мягком кресле, вдохнул запах старой кожи и хвойного освежителя — прямо как в детстве. Ирэн тем временем поставила корзинку на заднее сидение, завела двигатель и аккуратно, но уверенно вывела автомобиль из гаража.

Тачка оказалась куда проще, чем то, на чем обычно разъезжала Матильда, но будь у меня такая первая машина, я был бы на седьмом небе от счастья. Стильная все-таки. Как и все в доме Штоффов.

— Так куда мы едем? — спросил я, когда Ирэн вырулила на грунтовку.

— Хочу показать тебе одно место. Ты еще там не был.

— Разве туда не дойти пешком? У вас, конечно, обширные владения, но не настолько же...

— Долго, — отмахнулась девица. — Больше часа идти по холоду. Не лучшая идея. Еще не хватало завтра на испытании быть по пояс в соплях.

— Справедливо.

Мы обогнули Полигон и поехали дальше, оставив за спиной руины церкви и живописные развалины. Ирэн действительно вела уверенно, хотя здесь, честно говоря, справился бы кто угодно: дорога относительно ровная, встречного движения не было. И все равно она явно собой очень гордилась.

— Так что за место ты хочешь показать?

— Увидишь! Это сюрприз.

Я улыбнулся. Ладно. Хочет удивить — пусть. Лишь бы сюрприз оказался приятным, а не как обычно. Ибо меня, как правило, поджидали только неприятные неожиданности.

Наконец, добравшись почти до самого края северной части, Ирэн съехала на небольшой пяточок и заглушила мотор.

— Выходим.

Она залезла на заднее сидение и забрала корзинку, а затем зажгла небольшую “Жарптицу”, уменьшив жар и перебросив энергию в яркость. Небольшая поляна перед редким лесочком осветилась уютным желтым светом, и я смог разглядеть тропинку, уходившую в лес.

— Нам туда?

— Ага. Только предупреждаю — мы ненадолго. Хотя я подготовилась. Все равно быстро околеем.

Я не спорил. Из наших ртов вылетали облачка пара, а жухлая трава покрылась кристалликами изморози. Заморозки... Осень в этом году теплом не баловала.

Ирэн пустила светящийся всполох в пяти шагах перед нами, и мы пошли по тропе. Двигались совсем недолго — и вскоре я увидел впереди какой-то водоем. Рядом с водой выросли руины какого-то здания, не похожего на жилую постройку.

— Что здесь было?

— Старая мельница. Здесь течет речка, которая потом впадает в пруды у усадьбы. Здесь вообще много водоемов. И это — мое любимое место. Хотела показать тебе, пока ты не уехал. Жаль только, что сейчас не лето. Когда все цветет, здесь гораздо красивее.

Мы подошли ближе. Мельница оказалась старой, но не настолько разрушенной, как я предполагал. Ирэн повела меня в домик — я поразился тому, что даже деревянная дверь не успела прогнить.

— Я часто здесь пряталась в детстве, — пояснила она и распахнула дверь.

Внутри, разумеется, оказалось так же холодно, как и на улице. Стекол в маленьких окошках уже давно не было. Зато в центре постройки обнаружилось место, выделенное под костер — вытоптанная земля, окруженная камнями. На ней остатки углей.

Ирэн поставила корзинку и принялась копаться в запасах. Вручила мне в руки плед.

— Брось на лавку. Так сидеть приятнее.

— Ага.

Затем она достала пару поленьев — явно стащила из камина в библиотеке, а может и из своей комнаты прихватила. Положила на кострище, зажгла закливанием, и сухое дерево быстр занялось.

— Иии... Гвоздь вечера. Глинтвейн! — Она выудила из недр корзинки термос.

— Ты же за рулем...

— Он безалкогольный, расслабься. Я-то ярче всех помню, насколько завтра ответственный день.

Мы разместились на широкой лавке. Такой здоровенной, что на ней можно было спокойно поместиться и лежа. Ирэн налила немного дымящегося горячего напитка в крышку-чашку и протянула мне. Я осторожно взял сосуд в руки и сделал глоток, стараясь не обжечься.

— Вкусно. Виноградный сок и фрукты?

— И пряности. — Ирэн взяла чашку из моих рук. — Ну как тебе местечко?

— Крутой шалаш.

— Шалаш я тоже строила. На дереве. Но зодчий из меня так себе — он быстро развалился, а я рухнула с высоты нескольких метров. Так у меня впервые и проснулся дар —

“Берегиня” активировалась сама по себе.

Вот как. Значит, не только у меня пробудившаяся сила вставала на защиту... Ну хоть иногда мои способности ведут себя нормально.

— Ир.

— М?

— Почему ты меня сюда привела?

Она пожала плечами.

— Я ведь не знаю, чем завтра все закончится. Если закончится. Может ведь так стать, что мы нескоро увидимся. А я хочу, чтобы у тебя остались особенные воспоминания о времени, проведенном здесь.

— Здесь все время — особенное, — улыбнулся я. — Но мне приятно, что ты решила показать мне то, что важно именно тебе. Я это очень ценю.

Она забрала пустую чашку из моих рук, отставила в сторону и прильнула ко мне в поцелуе. Я ответил. Что уж — и сам начинал верить в то, что между нами и правда что-то промелькнуло. Да и шанс нужно было ловить. Завтра мы вполне могли стать врагами.

— А еще сегодняшней вечер — последний, когда мы можем побыть наедине, — сказала она и принялась расстегивать пуговицы на моей рубашке.

Мое тело отреагировало на присутствие красивой девушки. Моментально и предательски. Но, к счастью, здравый смысл все-таки остался.

— Ир... — я мягко отстранился. — Не нужно.

Девушка удивленно моргнула.

— Не понимаю... Мне казалось, — хрипло сказала она, — что мы вроде нравимся друг другу. И очень даже нравимся...

— Именно поэтому не стоит, — я обвел рукой пространство вокруг себя. — То, что ты предлагаешь — слишком ценно и важно. Не нужно отдавать это вот так. Не здесь. И не сейчас.

Я старался говорить как можно мягче. Кто знал, что именно подкрутил у нее в голове Радамант? Могла и в слезы удариться, и за горящее полено схватиться. Да и даже без заклятья обижать девчонку не хотелось. Не ее вина, что она оказалась игрушкой в руках этого поехавшего на мести колдуна.

Ирэн застыла, не сводя с меня влажных карих глаз.

— Но ведь завтра... Ты ведь понимаешь, что завтра все может измениться? Это наша последняя возможность побыть вместе. И я, — она шумно сглотнула слюну и опустила взгляд, — я правда хотела бы провести это время с тобой. В своем любимом месте. Чтобы хоть что-то принадлежало именно мне. Не роду, не семье, не людям, которые вечно все за меня решают и говорят, как поступать. А именно мне. Понимаешь?

Я кивнул и бережно взял ее за руку.

— Понимаю. Но у этого решения могут быть разрушительные последствия. Если кто-нибудь узнает о том, что мы сделали, головы не сносить ни мне, ни тебе. Да и рановато нам брать на себя серьезные обязательства...

— Брось. Какие обязательства? Двадцать первый век на дворе! Уже давно никто не требует демонстрировать простыни после первой брачной ночи.

— И все же, — настаивал я. — Мы с тобой пока что не ровня в глазах света. Сперва мне нужно восстановить честное имя и статус моей семьи. И я не хочу, чтобы тень деяний моего прадеда упала и на тебя. Понимаешь? Лучше уж пусть судьба распорядится. Если нам суждено сохранить отношения в будущем, то это стоит ожидания. Согласись, так будет лучше.

Она высвободила руку, прикоснулась к моему паху и заговорщически улыбнулась.

— Миш, меня не обманешь. Ты ведь хочешь этого. И если сейчас не воспользуешься шансом, потом будешь жалеть. Всю жизнь...

Блин! Да как ей сказать, что если я сейчас воспользуюсь шансом, жалеть будет именно она? Насколько же идиотская ситуация. Обычно в прошлой жизни я соблазнял девчонок, а здесь все получилось наоборот. Ситуация столь же пикантная и интригующая, сколь и опасная.

— Нет, — я собрал волю в кулак и тряхнул головой, стараясь не глядеть на ее расстегнутую рубашку. И когда она успела разоблачиться? — Не могу. Не сейчас. Прости, Ирэн.

Она рассмеялась.

— Ты что, воспитан в старых традициях? Ни-ни до свадьбы, как в старых книжках?

Приличия, конечно, соблюдают для видимости, но если бы ты знал, что творится в тех же закрытых школах... Или все дело в том, что я не настолько тебе и нравлюсь?

Ну началось...

— Нет, Ирин. Ты правда мне очень нравишься. Настолько, что я бы с удовольствием... Ну, ты поняла. Но это неправильно. Так все происходить не должно. Считаю меня старомодным. Других объяснений от меня не добьешься.

На ее лице сменялись выражения печали, разочарования и, наконец, появилась тень злости. Еще бы. Хуже ярости отвергнутой женщины может быть только ярость отвергнутой красивой и одаренной аристократки, не привыкшей к отказам.

Но я решил держаться. Ибо так было правильно. Ага, “таков путь”.

— Это... немного унизительно, — взяв себя в руки, сказала Ирэн. — Ты выставляешь меня душой. Мне ведь казалось, что у нас все стало серьезно.

Ну и сукин же ты сын, Радамант. Как, впрочем, и я. Тоже хорош — доигрался в кавалера. Не думал, что все успеет зайти настолько далеко. И не ожидал от Ирэн некоторой распушенности. А ведь Матильда, казалось, давала ей правильное воспитание... Но вместе с этим наставница научила племянницу и манипулированию.

Я вновь взял ее руки девушки в свои и уставился прямо ей в глаза.

— Если мы оба пройдем в Аудиториум... Если после всего, что будет дальше, ты захочешь, тогда что-нибудь придумаем. Но сделаем все по-человечески и как, чтобы об этом никто не пожалел.

Я говорил ей это скорее для того, чтобы успокоить, ибо нутром чувствовал — это был последний вечер, когда мы оставались друзьями. А завтра превратимся в конкурентов. Интуиция подсказывала, что ровно в тот момент, когда мы ступим на Полигон, все эти нежности перестанут иметь значение. Ведь Ирэн шла к этому моменту всю осознанную жизнь. Не мог Радамант настолько запудрить ей мозги, чтобы она отказалась от мечты ради минутного удовольствия. Еще и весьма сомнительного, если она была девицей.

Или мог?

А может просто я сам пытался зацепиться за эту мысль, чтобы не сдаться под напором девицы. Сейчас и правда было совершенно неподходящее время для того, чтобы усложнять все еще сильнее. Но часть меня безумно хотела ей поддаться. Все еще.

— Ну так что, договорились? — шепнул я.

Ирэн не ответила. Лишь молча мне улыбнулась. Хитро прищурила глаза и плавно, грациозно, словно кошка, подползла ко мне.

— Эй...

— Я так решила, — ее горячее дыхание обожгло мне шею. В нос снова ударил пьянящий запах цветочных духов. Голова слегка закружилась, а в штанах стало невероятно тесно.

И в этот момент я ощутил прикосновение к своему разуму. Легкое, словно перышко, но настойчивое.

“Поддайся мне”, — промурлыкала она в моей голове. — “Мы ведь оба этого хотим”.

Она повалила меня на спину и принялась целовать с такой жадностью, что я на секунду растерялся. В голове начало мутнеть, перед глазами все поплыло. Даже холод перестал донимать — наоборот, от Ирэн исходил такой жар, что хотелось прижать ее к себе еще сильнее. Где-то вдалеке послышалась дивной красоты песня...

Твою мать!

Ну девка! Ну дает. Втащить мне ментальным заклинанием, чтобы добиться своего?

— Совсем с глузду поехала? — рывкнул я, резко оттолкнув ее от себя.

С моих пальцев сорвался небольшой “Колобок” и угодил ей прямоком в лоб.

Ирэн взвизгнула от неожиданности и едва не свалилась с лавки — вспыхнула янтарным светом “Берегиня”, удерживая хозяйку от удара. Но девушка зацепилась за край стены и удержала равновесие.

— “Алконост”? — прошипел я. — Охренела мне в башку лезть?

Она молча глядела на меня. Тяжело дышала — норовившая вывалиться из лифчика грудь вздымалась при каждом вдохе. На всякий случай я тут же нацепил “Шлем”.

— Ирин, это уже не смешно, — предупредил я, поднимаясь с лавки. — Вот ни разу.

— Я... — она оглянулась по сторонам. — Я не знаю, что на меня нашло.

Ирэн выглядела растерянной. Даже потерянной. Изумленно хлопала ресницами. А затем скорчилась, словно в спазме, и приложила ладони ко лбу.

— Ааааа!

— Что с тобой?

Неужели я настолько мощно зарядил ей “Колобком”? Она девица крепкая — без защиты и не такое переживала на тренировках...

Я метнулся к ней.

— Где болит?

— Голова... Головаааа раскааааальвается...

— Ну-ка присядь.

Я схватил ее и потащил к лавке. Она даже не сопротивлялась — плелась, не отрывая рук от головы.

— Покажи.

С трудом я оторвал ее ладони, щелкнул пальцами, вызывая “Жар-птицу” — огонек завис рядом с нами, служа дополнительным источником света.

— Мда, — я цокнул языком, увидев масштаб бедствия. На лбу Ирэн красовался идеально круглый ожог. — Прости, пожалуйста. Я сам не ожидал.

— Болит не кожа, — простонала он. — Внутри... Внутри черепа болит...

Она повалилась набок, и я едва успел придержать ее за плечи. Ирэн закрыла глаза и, кажется, потеряла сознание.

Вот же дерьмо! “Колобки” так не вырубают. Обжигают, жалят, но не настолько же сильно. Да и не старался я, когда случайно шмальнул. Само вырвалось...

Сосредоточившись, я потянулся к родовому источнику. Закрыв глаза, вошел в древо и очутился среди потоков различной силы — мне было проще визуализировать их. Нашел нужный — целительский, протянул руку и зачерпнул горсточку, прося у духов права воспользоваться.

“Спасти подругу”, — объяснил я. — “На благое дело”.

Род не препятствовал. Занятно, что чем больше я контактировал с ним, тем больше начинал видеть, лучше понимал, тоньше чувствовал вибрации силы. Еще недавно вся родовая сила была для меня одинакова. Но после нескольких медитаций перед сном, когда я погружался в пространство Рода, исследовал его, бродил и изучал все, что попадалось на глаза, слушал шепот духов, мне открылось гораздо больше. И это был не предел.

Например, я научился отличать различные типы силы. Они распределялись по потокам, и я мог потянуться к нужному, чтобы заклинание сработало эффективнее. Вот и сейчас я полез за целительской силой, чтобы попробовать помочь Ирэн.

А еще Роду нравилось, когда я просил у него разрешения на использование силы. Когда любезничал и относился с почтением.

“Спасибо”, — шепнул я духам и вернулся в реальность.

В руках вибрировала чистая сила, готовая излиться на раненую девушку. Но сперва я решил провести диагностику. Провел руками над ее головой в нескольких сантиметрах от кожи — все так же с закрытыми глазами. Так было проще сосредоточиться.

И чуть выше лба, там, где проходила линия роста волос, ощутил что-то странное. Словно обруч обвил ее голову. Холодный, даже ледяной. Сперва мне показалось, что это было следствие принесенной клятвы, но узел обещания оставался на шее Ирэн.

Может это было заклинание Радаманта?

Я осторожно дотронулся силой до “обруча”. Тот завибрировал, почти загудел у меня в ушах, а Ирэн тихонько застонала.

Не открывая глаз, я снова обратился к Роду.

“Помоги мне снять этот обруч”, — попросил я. — “Помоги разбить ментальные оковы. Дай силу для этого”.

Перед глазами возник нужный поток. Все они были белыми, но отливали разными оттенками. Лекарский поток сиял бледно-зелеными искрами, а ментальный — сиреневыми. Я зачерпнул немного ментальной силы и вернулся к Ирэн.

Приложив ладони к ее голове, я нащупал “обруч”. Тот снова отозвался гулкой вибрацией, соприкоснувшись с моей силой. Откуда-то я знал, что это заклинание не ставила ни сама Ирэн, ни Матильда. Отпечаток силы у Штоффов был другим, а этот имел иную, отличную, природу.

Радамант?

Я помедлил. А если Радамант все же наложил какой-то разрушительный предохранитель на ментальную работу?

— Давит... — лицо Ирэн скорчилось в гримасе мучительной боли. — Как же давит...

— Голову?

— Да... Сними его! Сними его, пожалуйста!

— Не могу. Ты можешь пострадать.

— Я сейчас умру...

Бежать до Матильды времени не было. Да и не позволит она притрагиваться к Ирине никому, даже Корфу — это она ясно дала понять. Но если мне удалось скovyрнуть ментальное воздействие Радаманта, то как это вообще возможно? Я ведь не был менталистом. Вообще не понятно, какая у меня была специализация. И брать на себя ответственность за жизнь Ирэн...

— Пожалуйста, — хныкая от боли, взмолилась девушка. — Прошу тебя... Сними! Я знаю, ты можешь. Чувствую...

Блин. Блин! Блин!!!

Ладно, Мих. Спокойно. Вдохнули-выдохнули.

И погнали.

— Матильда с меня башку снимет, — прошептал я и приложил руки ко лбу Ирэн. — Что бы ни случилось дальше, я заранее прошу прощения, ваше благородие.

Я нащупал обруч и ухватился за него, сосредоточив всю ментальную силу, что взял из источника. Мало. Потянулся к Роду снова, взял больше.

Мало.

Да что ж такое? Сколько силы он вкатил в это заклинание?

Род недовольно заурчал в ушах, обвиняя меня в растрате. Но позволил.

Схватив столько, сколько могло вынести мое тело, я перенаправил всю силу в “обруч”. Заклинание затрещало, курочаясь и ломаясь. Ирэн истошно завопила, ее тело свело судорогой, а спина выгнулась. Я крепче схватил ее голову, продолжая вливать ментальную силу в слом “обруча”.

— Ааааа!

— Прости. Прости, — словно литанию, шептал я. — Потерпи, моя хорошая. Так нужно.

И наконец обруч треснул. Развалился у меня прямо под пальцами, и я едва успел остановить ментальный поток, чтобы не погубить Ирэн. Такая мощь могла просто разнести разум в клочья. Да и сам едва удержал его, направив обратно в Род.

Ирэн затряслась, застучала зубами, как в эпилептическом припадке. Я тут же перекатил ее набок и крепко обхватил за плечи, как учили на курсах первой помощи.

Настал черед целебного потока. Лечебная сила соскользнула с моих пальцев и потекла в Ирэн. Девушка перестала биться в конвульсиях и затихла. Слава богу, дышала. Я направил больше, заставляя живительную силу разлиться по всему ее телу, особенно задержался у головы. Ожог от “Колобка” на глазах затягивался, и всего через минуту Ирэн могла похвастаться гладким чистым лбом.

А затем она распахнула глаза.

— Жива?

Девушка моргнула раз, другой. Уставилась невидящими глазами в потолок нашей тайной лачуги, а затем сфокусировала взгляд на мне.

Я с облегчением выдохнул и улыбнулся.

— Живая, хвала небесам. Как ты?

В следующий миг мою щеку обожгло резкой болью.

Я взвыл и вскочил от неожиданности, чуть не потерял равновесие и едва успел ухватиться за стену.

— Сукин сын! — рявкнула девушка, приняла угрожающую позу и вызвала “Косу”. — Ах ты сучий потрох!

“Коса” полетела в меня. Я едва успел увернуться и активировал “Берегиню”. Заодно и “Шлем” подновил.

— Сволочь! — еще одно заклинание шарахнуло в мою защиту, слегка ее повредив.

— Успокойся!

— Воспользоваться мною задумал? Ах ты тварь!

— Тихо, мать твою! — я поднырнул под “Косой” и очутился возле Ирэн, заломив ей руки. — Хватит! На тебя наложили ментальное воздействие. Я его снял. Кажется...

Она сверлила меня яростным взглядом, ноздри расширились при каждом вдохе.

— Что ты помнишь? — не отрывая рук, спросил я.

— Все! Ты... ты мной воспользовался!

— Отнюдь. Радаманта помнишь?

— Кого?

— Мужика с кривым лицом. Вечером, за оградой усадьбы... Не помнишь?

— Нет.

Понятно. Значит, эти воспоминания он стер намертво. А вот все, что делала под воздействием заклинания, Ирэн помнила.

— Все закончилось, — я чувствовал себя переговорщиком, которому требовалось уговорить террористов отпустить заложников. — Все теперь в порядке. Ты цела. Память работает. Я тебя не трогал. Успокойся, Ирин. Пожалуйста. Я тебе не враг.

Я осторожно отпустил ее руки и сделал шаг назад.

Она смотрела на меня как на незнакомца. Пугливо, затравленно. Куда-то исчезла ярость, но появился страх. Даже ужас.

— Господи... — она спрятала лицо в ладонях. — Господи, какой позор...

— До позора не дошло. Ты должна помнить.

— Я опозорилась! — всхлипнула она. — Позволить взять себя под контроль...

— Ты бы не смогла ему сопротивляться. У того, кто это сделал, второй ранг. Или даже выше...

Она затряслась в рыданиях, а я застыл как истукан, не понимая, что теперь делать. Потушил остатки костра, усилил свет огонька “Жар-птицы” и сел рядом. Едва моя задница коснулась лавки, Ирэн шарахнулась в сторону.

— Не трогай меня! Не смей!

— Так, дорогая моя, — вздохнул я. — Давай-ка кое-что проясним.

— Ублюдок!

— Вообще-то я законнорожденный. И все еще выше тебя по титулу и рангу Благодати, — я похлопал по пледу, приглашая Ирэн сесть. — Иди сюда. Не бойся, не укушу. И целоваться тоже не полезу. Но нам и правда нужно кое-что обсудить.

— Ну уж нет! — она активировала “Берегиню” и попятилась к выходу. — Не смей ко мне прикасаться. И подходить не вздумай! Иначе, клянусь... Уб... Уб...

Она хотела сказать “убью”, но схватилась за горло — невидимая петля клятвы затянулась, напоминая о том, что она была обязана мне жизнью. И убить, разумеется, не могла — сила ее родового Осколка этому препятствовала.

— Ирин, успокойся, — я поднялся и направился к ней, но девушка юркнула на улицу.

Я услышал ее топот, звон ключей и звук заводившегося двигателя.

Через несколько секунд мотор взревел, и моя единственная надежда вернуться в особняк до полуночи испарилась вместе с обиженной девицей.

Мда. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

Я плотнее запахнул пальто и затянул шарф — еще не хватало простудиться накануне ответственного мероприятия. Затем собрал брошенные вещи в корзинку, убедился в том, что огонь в кострище полностью потух — и вышел на улицу.

От воды тянуло промозглой сыростью. Холодный воздух забирался даже под рубашку и неприятно морозил спину. Оглянувшись, я кое-как сориентировался, нашел тропинку и вышел на пятачок, где мы с Ирэн оставили машину. Ни Македонского, ни Ирэн, разумеется, здесь уже не было.

Ну и ладно. Не впервые топтать домой среди ночи. И не такое бывало.

Пустив перед собой огонек “Жар-птицы”, я направился на юг, в сторону особняка. На часах было начало двенадцатого. Походу кто-то не выспится.

Не успел я пройти и пару сотен шагов, как впереди показались два ярких огонька фар. Автомобиль стремительно приближался. Я отошел в сторону и приложил ладонь к глазам — слишком яркий свет меня ослепил.

Тачка остановилась возле меня, и я узнал Македонского. Стекло с водительской стороны опустилось, и я удивленно уставился на Ирэн. Щеки девушки были мокрыми от слез, глаза опухли, губы плотно сжаты. Понятно. Сейчас начнется.

— Залезай в машину, — скомандовала она. — Надо поговорить.

Я бросил корзину на заднее сидение и сел на переднее пассажирское место. Меня тут же окатила волна жаркого воздуха из печки.

Ирэн повернулась ко мне и уставилась немигающим взглядом.

— Почему ты раньше не сказал, что являешься менталистом?

— Потому что я и не менталист вовсе, — пожал плечами я.

Мой ответ, казалось, поставил Ирэн в тупик, и она проглотила заготовленную было тираду.

— Тогда как ты снял то заклинание? Ведь это был не “Алконост” или “Сирин”, а тонкая работа с мыслями.

Разговор перешел в конструктивное русло. Уже лучше.

— Обратился к родовой силе, — ответил я. — Честно говоря, не думал, что получится. Действовал наугад. Не полезь ты мне в голову, я бы и не стал пытаться. Но, видимо, когда я врезал тебе в лоб “Колобком”, заклинание то ли повредилось, то ли предохранитель сработал...

— Предохранитель?

— Защита на заклинании. Мне проще называть это так. Словом, если бы ты не начала помирать, я бы не вмешался. И ты сама просила сделать что-нибудь, так что...

— Это я помню. Смутно, но помню, — Ирэн уставилась в темноту ночи. — Выходит, я должна тебя поблагодарить. И извиниться.

— В бутылку лезть не буду. Извинения принимаются. Ситуация и правда весьма необычная. Но главное, что все закончилось.

Ирэн развернула Македонского и медленно поехала в сторону особняка. Машина подпрыгивала на ухабах — в этой части владений Штоффов дорога была так себе.

— Ты говорил о некоем человеке, которого я должна была помнить, — после долгого

молчания спросила девушка. — Кто он?

— Тот, кто оказал на тебя ментальное воздействие. Тот, кто организовал нападение на дворянские семьи. Убил моего дядю и Шуваловых. И устроил теракт во время Смотра.

Ирэн ударила по тормозам.

— Что за бред ты несешь? Да как ты можешь...

— Это не бред, — перебил ее я. — Радамант — реальная личность. И он успел много всего натворить. Можешь спросить у Матильды, она в курсе.

Ирэн долго всматривалась мне в глаза и, видимо, убедившись, что я не лгал, закрыла лицо руками.

— Так ты знал обо всем этом... Все это время? — глухо спросила она.

То ли последствия ментальной работы так повлияли, то ли банальная усталость, но девчонка вопреки моим ожиданиям не расплакалась, не закатила новую истерику. Просто скорбно сгорбилась, глядя в одну точку.

— Да, знал.

— Но мне почему не сказал?

— А смысл? Что бы ты сделала, особенно находясь под воздействием Радаманта? Мы с Матильдой и так боялись, как бы ты не выкинула чего-нибудь на почве измененного сознания. Кроме того, он ставил ловушки на свою работу. Когда Корф попытался снять ментальный блок с одного из приспешников этого сумасшедшего колдуна, беднягу мехом внутрь вывернуло. Помер в муках. Потому Матильда и не хотела, чтобы кто-то пытался снять с тебя воздействие. И я не собирался. Просто старался быть рядом и присматривал за тобой.

— Радамант... Ты ведь у меня уже о нем спрашивал. Я рассказывала тебе миф.

— Ага.

— Значит. Все это время... Ох, боже мой.

Ирэн несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, пригладила волосы.

— Сперанские знают?

— Нет. Только мы с Матильдой.

Она кивнула.

— Хорошо. Пусть так будет и впредь.

— Поехали домой, — устало сказал я. — Завтра важный день.

Она покосилась на меня с недоверием.

— Понять не могу, Миш. Почему ты так спокоен после всего этого?

— Я не спокоен. Я задолбался, Ир! Задолбался ждать вступительных, задолбался готовиться, задолбался бояться за близких и ожидать очередного нападения от этого урода-менталиста! И выносить перепады твоего настроения тоже задолбался. Я все понимаю — ты много чего проделала не по своей воле. Но, черт бы тебя побрал, соберись, Ир, и расставь уже приоритеты! Захочешь поговорить о Радаманте — расскажу что дозволено. Но потом. Дай сперва пройти испытание. Если я не поступлю в Аудиториум, мне хана. Моей семье хана. И возможностей прижучить этого криворожего колдуна тоже станет меньше. Поняла?

Я и сам не заметил, как перешел на ор. Все раздражение, вся злость, что копилась, излилась на Ирку. Девчонка слушала меня, распахнув глаза и приоткрыв рот от изумления.

— Поняла, — на удивление спокойно ответила она. — Ты выиграл в проблемном бинго. У тебя и правда полная жопа.

Она тронулась, и дальше мы поехали молча. Я сопел, пытаюсь справиться с остатками гнева, а Ирэн, подозрительно притихшая, безмолвно вела машину. Лишь когда мы подъехали

к гаражу, она обернулась.

— Прости, что психанула там, на мельнице. Я испугалась. Мне начало казаться, что я схожу с ума. Со мной никогда такого не делали, и я действительно сперва подумала на тебя. В конце концов ты сильнее меня, и... Сам понимаешь, мы не сразу поладили. Подумала, что ты решил надо мной поиздеваться.

— Делать мне больше нечего, — огрызнулся я.

— Ну сейчас-то я это поняла. Короче, прими мои извинения.

— Рад, что ты пришла в себя.

Я вышел из машины и направился к дому.

— Миш, — окликнула меня девица.

Я обернулся.

— Чего?

— Насчет завтрашнего...

— Завтра будет завтра, Ирин. Жребий все решит. Но если нам суждено драться друг с другом, пощады не жди.

— Хотела сказать тебе то же самое, — печально улыбнулась она.

— Ага. Выше нос. И блузку застегни, — ухмыльнулся я. — Иначе до испытаний не доживем — Матильда прибьет нас раньше.

Место, которое я помнил как Дудергофский парк с памятниками войны, в этом мире оказалось закрытой территорией Полигона Аудиториума. Владения вуза были обнесены высоким крепким забором, причем явно зачарованным. Отсюда я не мог разглядеть ничего, кроме двух возвышавшихся гор — в моем мире они носили названия Ореховая и Воронья. Вдали высились башенки какого-то здания — вероятно, административного корпуса.

Я заметил и университетских охранников, и полицейские патрули. Видимо, Аудиториум учел прошлый печальный опыт. Лишь бы в этот раз не повторилось.

Парковка перед воротами была заставлена по большей части автомобилями высокого класса, хотя встречались серийные модели куда проще. Видимо, не все абитуриенты происходили из самых богатых семей. Мое внимание привлек мотоцикл — роскошный круизер был единственным на всей парковке. Интересно, кто это так выпендривался?

— Выходим, господа ученики, — скомандовала Матильда.

Мы с Ирэн вышли. Из следовавшей за нами машины вывалились трое Сперанских — нервные, дерганые, на бледных лицах еще ярче выделялись веснушки.

— Документы с собой? — в пятый раз за поездку переспросила Матильда. — Все проверили?

Я кивнул.

— Тогда всем удачи.

Баронесса поманила всех нас к себе и обняла.

— Не посрамите мое имя, иначе гнев мой будет страшен, — она взглянула на нас с Ирэн. — Особенно вы, вундеркинды. А теперь вперед. Я буду ждать вас здесь.

Я улыбнулся на прощание.

— Спасибо, ваше благородие. Вы — замечательная наставница.

— Благодарить будешь, когда пройдешь, — проворчала она. — Если пройдешь.

Рядом с закрытыми воротами располагалась будка проходного пункта. Возле открытой

двери выстроилась небольшая очередь из абитуриентов. Все с документами в руках. Мы встали в конец очереди, впрочем, продвигались довольно быстро.

Ирэн пошла первой. Когда дело дошло до нее, к ней обратилась высокая женщина в мундире, какой я видел на сотрудниках вуза. На поясе у нее висела большая сумка с множеством подписанных карманов.

— Ваши документы, пожалуйста, — протянула руку сотрудница.

Ирэн раскрыла паспорт. Женщина сверилась со списками, поставила галочку о явке, затем вытащила из одного из карманов сумки значок и протянула Ирэн.

— Благодарю. Прикрепите на видное место, ваше благородие, и проходите внутрь. Вас проводят к вашей команде, и вы сможете подготовиться.

Ирэн кивнула, оглянулась на нас со Сперанскими и шагнула на территорию Полигона.

Следом пошел я и сразу протянул раскрытый паспорт. Дама проделала ту же процедуру и вручила мне значок. Я рассмотрел на латунной поверхности символы “45-В”.

— Прошу, ваше сиятельство, — женщина подбодрила меня улыбкой. Видимо, я выглядел совсем уж угрюмым. — Удачи на испытаниях.

— Благодарю.

Я тут же прикрепил значок на грудь. И едва прошел через КПП, как на выходе меня тут же поймал другой сотрудник.

— Добрый день, — поприветствовал он и взглянул на мою латунную брошку. — Группа “45-В”. Прошу за мной.

Он выглядел совсем юным, всего на пару лет старше меня. Наверняка был студентом Аудиториума. Видимо, во всех мирах учащихся припахивали на дополнительные работы.

Студент повел меня сквозь обширный внутренний двор. Ничего волшебного здесь не было: обычная закатанная асфальтом площадка, окруженная невысокими двухэтажными зданиями. Во дворе царил столпотворение — люди в мундирах Аудиториума сновали туда-сюда, выкрикивали фамилии абитуриентов. Возле туалета столпилась классическая очередь. Ветер откуда-то принес запах сдобы. Видимо, работала кухня, чтобы дать перекус малахольным вчерашним школярам.

Я хотел было попросить студента подождать Колю, но вовремя прикусил язык: нельзя, чтобы кто-то из них пронюхал о том, что мы узнали состав групп. Поэтому торопливо проследовал за сопровождающим.

Мы обогнули здание в форме буквы “П”, и я увидел другой корпус. Длинное здание, растянувшееся на добрую сотню метров. Туда мы и направились.

Сопровождающий сориентировался и подвел меня к двери, на которой висела бумажка с символами “45-В”.

— Прошу, — он распахнул передо мной дверь. — Располагайтесь, знакомьтесь со своей командой. Скоро к вам придет инструктор и напомнит правила поведения во время испытаний.

— Спасибо.

Студент кивнул и ринулся обратно к КПП. Бедняга сегодня явно не один десяток тысяч шагов находит... Я же остался возле входа — решил подождать Колю.

Сперанский появился буквально через пару минут. Увидев меня, вздохнул с облегчением.

— Фух. Значит, списки не наврали, — улыбнулся он.

— Тихо! — шикнул я. — Не болтай, лекарь.

— Да понял я, понял. Идем?

Я распахнул дверь и вошел первым. Помещение оказалось совсем небольшим и пустоватым — из мебели только вешалка, две парты и шесть стульев. Первым на нас поднял глаза худой парень с торчащими ушами и жиденьким светлым пушком над верхней губой. Я заглянул ему в глаза и отпрянул. Почти бесцветная радужка выглядела жутко.

— Привет! — улыбнулся он. — Вы кем будете?

— Николай Сперанский, — представился мой спутник. — Лекарь.

Улыбка юноши стала еще шире.

— Отлично! Я Георгий Афанасьев. Менталист, — он пожал Коле руку и протянул мне. — А ты?

— Михаил Соколов... Видимо, универсал. Но больше все же боевой.

Сидевшая в самом конце комнатки девица вышла на свет, и мы со Сперанским синхронно вытаращились на нее.

— Уж постарайтесь стать сегодня боевым на все сто процентов, ваше сиятельство, — сказала она и надула здоровенный пузырь жвачки. — Анна Грасс. Артефактор.

Все бы ничего, но, кажется, я теперь понял, кому принадлежал тот мотоцикл. После слов Матильды о Грассах я ожидал увидеть кого угодно, но не... хрестоматийную байкершу. Черные как смоль волосы были подстрижены под каре, глаза ярко подведены черным. Одета артефакторша была в обтягивающие кожаные брюки с длинным рядом булавок, косуху с клепками и высокие байкерские ботинки. На ее груди болталась толстая стальная цепь с какими-то железными подвесками.

Я бы ни за что в жизни не признал в ней аристократку. Даже с учетом того, что она носила серебряный герб рода на куртке.

— Ну и ну, — отозвался я. — Твой байк припаркован перед входом?

Девица не ответила и уселась на парту.

— Значит, ждем еще одного? — лениво потянувшись, спросила она и взглянула на наручные часы. — Ему бы поторопиться. В час начнется инструктаж.

— А ты откуда знаешь? — спросил менталист.

— Второй год поступаю. Вряд ли что-то сильно изменилось.

— А на чем в прошлый раз зарезалась?

— На третьем этапе, конечно же. Жаль, воспоминания блокируют. Но в этот раз я подготовилась гораздо лучше. И вы, мальчики, приведете меня к победе. Если, конечно, вы не полные ничтожества.

Кажется, я начал понимать, о чем говорила Матильда. Ирэн, конечно, порой бывала той еще стервой, но даже в первые дни общения она не разговаривала со мной с такой надменностью, с какой сейчас Грасс произносила каждое слово.

— Нужен еще один боевой, — рассуждала девушка. — Я тоже кое-что могу, да и менталист, надеюсь, не зря в гимназии геморрой зарабатывал. Но нужно больше огневой мощи.

В дверь постучали.

— Вот и огневая мощь пожаловала, — улыбнулся Сперанский. И все мы уставились на дверь.

В проем едва протиснулся здоровенный, нет, просто огромный детина. Настолько огромный, что задел макушкой притолоку. Мы с ребятами переглянулись, и, казалось, даже Грасс впечатлилась.

— Ну привет, малыш, — ухмыльнулась она. — Ты Рахманинов, да?

— Ага, — детина разинул рот в добродушной улыбке. — Виктор Рахманинов. Для друзей просто Витя.

Он вошел внутрь и занял, по моим прикидкам, половину помещения. Анна Грасс присвистнула.

— Молю, скажи, что у тебя боевая специализация.

— Ну какая же еще? — осклабился Рахманинов. — Боевая. Во всех смыслах.

— Какая досада, что физический контакт на испытаниях запрещен, — съязвил Коля и наклонился к моему уху. — Это ж на каких харчах такое вырастает?

— У меня в семье все великаны, — услышав Сперанского, ответил он. — Фермерские продукты, вот в чем секрет! Одна беда — мундир придется шить на заказ...

— Так, мальчики, хорош болтать! — Грасс хлопнула в ладоши. — Всем слушать сюда. Кроме меня есть кто-нибудь, кто второй год пробуетея?

Мы с парнями замотали головами.

— Понятно, — кивнула байкерша. — Тогда внимайте.

Она отсоединила от штанов несколько булавок и протянула каждому из нас.

— Это что? — спросил менталист Афанасьев.

— Мой подарочек в знак доброй дружбы. Я артефактор или кто?

— Артефакты запрещены. Кроме тех, что создаются непосредственно на Полигоне, — напомнил Сперанский.

— А то я не знаю, умник. Булавки спрячьте. Лучше всего приколите ко внутренней стороне курток. Нас будут проверять на предмет запрещенных вещей. Булавки не засветятся — прямо сейчас они чисты. Но мне будет проще работать с собственными вещами. Они очищены и пригодны к зачарованию. Всем ясно?

— Да, — кивнул я. — Что ты сможешь сделать на Полигоне? На что сможешь зачаровать предметы?

— Лекарю брошу связку на уменьшение емкости заклинаний. Бьют там больно, поэтому Коленьке придется как следует поработать. — Она подумала, отцепила от штанов еще одну булавку и протянула Сперанскому. — Вторую повешу на усиление защитных заклинаний. Лекаря постараются обезвредить первым. Надеюсь, не нужно, объяснять, почему?

— Не нужно, — ответил менталист. — Полагаю, мы здесь все готовились.

— Похвально, — процедила Анна. — Теперь боевые товарищи. Малыш, ты в чем хорош?

— “Косы” у меня отличные. Как бритвы. С “Жар-птицами” похуже будет. Жаль, кулаками поработать нельзя.

Грасс кивнула.

— Значит, заряду тебе на скорость бросания “Кос”. На, возьми вторую булавку, — она протянула здоровяку еще одну. — Если успею, повешу тебе усилок на “Берегиню” или “Шлем”.

— Лучше на “Шлем”, — прогудел Рахманинов. — А то кто знает этих менталистов...

— Принято. — Она обернулась ко мне. — Ну а ты, красавчик? Чем порадуешь?

Я пожал плечами.

— Можешь просто зачаровать две штуки на усиление боевых и защитных? Без привязки к конкретным заклинаниям.

Байкерша смерила меня недоверчивым взглядом.

— Что, прямо во всем хорош?

— У меня свои хитрости.

— Ну смотри у меня, сиятельство. Обгадишься — голову откручу.

— Ну у вас и манеры, мадемуазель, — не выдержал Сперанский. — И где таким учат?

— Я и тебя плохому научу, солнышко, — осклабилась Грасс. — Ладно, теперь о тактике...

Договорить она не успела. Дверь распахнулась, и в проеме показалась уже знакомая мне высокая дама в мундире.

— Добрый день, господа, — поприветствовала она. — Информирую, что противник для вас уже назначен. Место соревнований — Западный Полигон. Ваши команды пойдут первыми.

— Разрешите представиться: Воронцова Регина Сергеевна, — высокая дама шагнула в комнату. — Старший преподаватель Аудиториума Магико. Рада приветствовать вашу команду на вступительных испытаниях. С этого момента и до итога вашего пребывания здесь я буду вашим куратором. Ко мне следует обращаться согласно моему статусу — “ваше превосходительство”.

Ого. Серьезный человек нам попался.

Мы вразнобой поприветствовали женщину, и я заметил, что здоровяк Рахманинов с трудом удерживался от того, чтобы не пялиться на куратора: видать, питал слабость к большим женщинам.

Но Регина Сергеевна и правда была по-своему хороша: смотрелась в строгом темно-синем мундире как современная валькирия. Светлые волосы зализаны в тугий пучок, глаза сверкали льдом, накрашенные тонкие губы казались кровавой нитью. На груди она носила герб Воронцовых, а административный статус подчеркивали эполеты и шевроны. Солидно.

— Прошу задержаться на перекличку, — потребовала кураторша.

Она сверилась с бумагами, по очереди нас вызвала, метнула неодобрительный взгляд на Анну Грасс.

— Надеюсь, в этот раз вам повезет больше, ваше благородие, — сказала она байкерше.

Та лишь усмехнулась.

— Поглядим, ваше превосходительство. Поглядим...

— Инструктаж проведем на Западном Полигоне. Но сперва, — Воронцова взмахнула рукой, и ладонь охватило зеленое сияние, — небольшая процедура проверки на запрещенные артефакты.

Она по очереди обыскала нас, сверяясь с небольшим оком, что висело у нее на поясе мундира. Байкерша оказалась права — булавки никак не проявили себя, и вскоре кураторша удовлетворенно кивнула.

— Теперь все формальности улажены. Прошу за мной, господа.

Компания у нас, конечно, получилась колоритная. Рыжий тощий Сперанский, жуткий менталист Афанасьев — бледный, еще с этими прозрачными глазами — ну точно призрак. Байкерша-хулиганка Грасс и огромный Витя-боевик. На их фоне я смотрелся неуместно нормальным.

Главное, чтобы родовая сила оставалась под контролем. Потому что именно сейчас, когда момент истины приближался, у меня по позвоночнику начинали бегать искры напряжения, с которым было трудно совладать.

Воронцова вышла, и мы гуськом последовали за ней. Я догнал артефакторшу, жестом попросил ее чуть отстать.

— Чего тебе? — раздраженно прошипела Грасс.

— Ты забыла дать булавки Афанасьеву.

— Знаю.

Она ускорила шаг, дернула менталиста за рукав. Тот обернулся, и Грасс жестом поманила его к себе. Я видел, как она исподтишка отцепила две булавки от кожаных штанов, незаметно передала Афанасьеву, шепнула что-то ему на ухо. Менталист кивнул и поспешил занять свое место в нашей цепочке.

Ну, как могли, подготовились. Вроде бы.

Территория загородного Полигона оказалась унылой. Невзрачные корпуса из красного кирпича, асфальтированные дорожки, редкая зелень и клумбы с давно отцветшими бархатцами. Даже пялиться по сторонам было не на что.

Честно говоря, от расхваленного Аудиториума я ожидал чего-то более грандиозного. Но, видимо, руководство вуза решило оставить весь пафос на Каменном острове в Петрополе.

Мы шли довольно долго, изредка я видел, как вели другие группы — очевидно, на остальные Полигоны. Наконец мы вышли к еще одному забору, в центре которого под навесом располагались две двери. Там же дежурили двое охранников с опознавательными знаками Аудиториума.

Воронцова остановилась перед левой дверью.

— Группа “45-В” прибыла, — сказала она, и служители распахнули перед нами дверь.

Мы оказались в небольшом коридорчике, причем за стенкой я отчетливо слышал хор голосов. Другая команда?

Территория, что раскинулась впереди, походила на футбольное поле. Только от него за версту фонило Благодатью. Здесь вообще отовсюду несло чужеродной силой, и в этом, впрочем, не было ничего удивительного.

Само же поле представляло собой подобие полосы препятствий. Руины, насыпи, укрытия, лестницы — словно Полигон был рассчитан на игроков в пейнтбол, а не на юных колдунов.

— Прошу внимания, — кураторша развернулась к нам.

Она достала из поясной сумки пять странных цилиндров и вручила каждому по одному.

— Каждому из вас дан флаг, который требуется повесить на флагшток в конце Полигона. Он находится на вышке, и вы сразу его увидите. Ваш цвет — зеленый. У ваших противников — красный. Это понятно?

Мы кивнули.

— Побеждает та команда, которая первой повесит флаг. При этом допускается физическое уничтожение флагов противника. Главное, чтобы у вашей команды остался хотя бы один. Если кто-то из вас доберется до вышки, но флаг не повесит, это не будет засчитано за победу.

— А если я повешу, но его уничтожит противник? — спросил Сперанский.

Воронцова позволила себе легкую улыбку.

— Не уничтожит, ваше сиятельство. Как только флаг окажется прикреплен и поднят, он станет неуязвим для заклинаний противника. За этим строго следят.

Коля кивнул.

— Благодарю.

Анна Грасс нахмурилась.

— В прошлом году было пять флагов, и требовалось повесить все...

— Правила изменились, ваше благородие. Поэтому советую слушать внимательно.

Байкерша что-то прошипела себе под нос, но угомонилась.

— Флаги невозможно превратить в артефакты, — добавила кураторша. — Они неуязвимы для зачарования, поэтому рекомендую не тратить на это время. Однако артефакторы могут использовать подручные предметы и одежду для зачарования. Допускаются улучшения боевых, защитных и ментальных навыков, а также улучшения,

направленные на усиление заклинаний из разрешенного списка. Также вы можете применять любые заклинания из данного перечня для атаки и защиты. Это ясно, госпожа Грасс?

Анна кивнула.

— Да, благодарю.

Воронцова перевела взгляд на Афанасьева.

— Менталистам запрещено использовать “Сирин” и любые другие заклинания, сулящие риск для разума противника. Наведение иллюзий, отведение глаз и любые формы “Алконоста” разрешены. Иными словами, из соображений безопасности менталисты не могут проникать в глубинные слои сознания и оказывать на них влияние. Есть вопросы?

Григорий Афанасьев покачал головой.

— Нет вопросов, ваше превосходительство.

— Чудно. Далее. Лекарям разрешены любые формы целительного воздействия. Также лекари вправе применять любые боевые и защитные заклинания из списка разрешенных.

Сперанский улыбнулся.

— Вопросов не имею!

— И, наконец, боевые товарищи. Вам разрешены “Косы”, “Жар-птица” и “Колобки” не мощнее четвертого ранга. Для защиты вы можете использовать “Шлем”, “Берегиню” и “Покров”.

Я удивленно хмыкнул. Значит, “Колобки” все же разрешены... Но ведь Матильда говорила, что их изучали только на третьем курсе...

И это явно удивило не только меня.

— Прошу прощения, — вмешалась Грасс. — Почему “Колобки” вошли в перечень разрешенных? Это недоступное для многих заклинание.

— Распоряжением его высокопревосходительства ректора с этого года “Колобки” внесены в реестр разрешенных боевых заклинаний, — отчеканила канцеляритом Воронцова. — Многие аристократы учат им своих отпрысков еще со школы. В любом случае данный вопрос лучше адресовать не мне.

— Это нечестно...

Я пнул Грасс по ботинку и наклонился к ней.

— Угомонись. Все в порядке. Я умею их делать.

Она резко обернулась, внимательно на меня посмотрела. Затем нехотя кивнула.

— Ладно.

— Также хочу напомнить, что физический контакт запрещен. Никакого рукоприкладства, господа! Только Благодать. Нарушение правил приведет к дисквалификации всей команды. Это ясно?

— Да, ваше превосходительство, — хором отозвались мы.

— В таком случае прошу пройти на поле к полосе старта, — распорядилась Воронцова. — Желаю удачи, господа.

Мы прошли до конца коридора и остановились перед ярко-красной полосой, отмечавшей границу Полигона. Справа от нас раздавались голоса участников соседней команды — глухие из-за бетонной перегородки.

Значит, мы узнаем своих противников только когда подадут сигнал. Я оглянулся на Колю. Тот растерял свою жизнерадостность и шептал что-то прикрыв глаза. Наверняка молился, чтобы не встретиться с братом и сестрой. Или с Ирэн.

— Команды, приготовиться! — зычно прозвучало со стороны поля.

Мгновением позже раздался звук свистка. Первый. Знак выходить на Полигон.

Ну, с богом.

Я оттолкнул Колю влево, чтобы лекарь держался подальше от предполагаемого врага.

Грасс попыталась было выйти вперед, но я шикнул на нее:

— Держись поодаль. У тебя еще есть работа.

Она не стала спорить. Поэтому первыми пошли мы с Малышом.

Время словно замедлилось. Каждый шаг давался с невероятным трудом. Я шел, глядя направо, стараясь заметить наших противников.

И, наконец, увидел их.

— Дерьмо, — раздалось у меня за спиной. — Это еще хуже, чем Штофф.

И я понял, о чем говорил наш менталист. Афанасьев был прав. Нам досталась самая сильная команда из нашей категории.

Красавец граф Юрий Горькушин — боевик четвертого ранга. Темновласка княжна Анна Лопухина — целительница, с которой мы столкнулись на Смотре — пятый ранг. Княжна Екатерина Алексеева — боевик четвертого ранга, шла на второе образование и была старше всех нас. Граф Алексей Ермолов — тоже боевик, но пятого ранга. Впрочем, не менее опасен. И вишенка на торте — княжич Федор Муравьев, менталист пятого ранга. Внешне ботаник ботаником, но безобидное впечатление было обманчивым.

Элита. Худший сценарий из возможных.

Сперанский шумно выдохнул, явно от облегчения.

— Рано радуешься, — отозвался я, пристально разглядывая врагов.

— Нам конец, — прошипела Грасс. — Две боевых “четверки”. Не вывезем.

Я сплюнул под ноги.

— Посмотрим.

Прозвучал второй сигнал — знак готовиться.

— Анна, работай. Гриша, держись рядом. Всем поставить защиту. “Шлемы” и “Берегини”. Быстро!

На удивление, ребята меня послушались. Я-то боялся, что каждый станет тянуть одеяло на себя, и получится как в басне про лебедя, рака и щуку. Но почему-то даже Грасс решила не выделываться.

— Гриш, держись ближе к Анне и Коле, — попросил я. — Им нужна дополнительная защита.

— Так и собирался.

— Отлично, — я хлопнул по плечу Рахманинова. Пришлось подпрыгнуть. — Витя, расчехляй “Косы”.

За пару секунд я поставил надежный “Шлем” — по моим прикидкам, он должен был сдержать любое воздействие шестого ранга. Насчет пятого — нужно было следить, могло что-то и пройти. Мое тело охватило сияние “Берегини” — на этот раз я не выпендривался и огорошил противника проявлением родовой силы. Издалека бледное сияние родового источника можно было ошибочно принять за слабый ранг, и мне это было на руку.

— Это чего у тебя такое? — удивился Малыш, ткнув в меня пальцем. — Белое...

— Потом расскажу. Правил это не нарушает.

Противники тоже подготовились и повесили защиты. Сердце стучало у меня в ушах, и каждый удар отдавался словно грохот. Дыхание стало тяжелым. Крови прилила к ногам, а

руки зудели от сконцентрировавшейся на пальцах силы.

Третий свист резанул по ушам, и мы сорвались с места.

Первую треть пути мы просто пробежали, но затем начались препятствия. Не сразу я заметил, что дорогу обеим командам преграждал широкий ров. Глубину не прикинуть, а деревянный мост был шириной всего метр и явно сколочен наспех.

Первыми добрались конкуренты. Красавец Горькушин взлетел на мост и протянул руку Лопухиной, чтобы помочь ей взобраться.

— Все жечь мост! — ментально рявкнул я. Да так, что мои сопартийцы повздрагивали. — “Жар-птицы” в мост, быстро!

Дважды просить не пришлось. Сопровождая заклинания воинственными кличами, ребята принялись метать “Жар-птицы”. Наша артефакторша отвлеклась от настройки булавок и тоже сотворила огненный всполох. Горькушин не сразу понял, что именно мы собирались сделать, и выставил барьер, чтобы защитить людей от обстрела. Но огоньки полетели в опоры моста.

— Черт! — взвизгнула Лопухина.

Но было поздно.

Я зачерпнула побольше силы, створил “Колобка” и метнул его ровнехонько в опору. Та треснула, мост начал заваливаться, и вскоре половина команды врага оказалась в воде.

“Бегом, вброд!” — раздался у меня в голове голос Афанасьева.

Пока враги барахтались и пытались переплыть, мы залезли в воду — с той стороны, где не было обломков моста. Рахманинов пер как баржа. Невысокая Грасс провалилась по грудь и с отборной руганью плыла вперед. Я оттолкнулся от вязкого дна перераспределил в “Берегине” силу на скорость и добрался до противоположного берега.

— Давай, вылезай, — я вытащил Сперанского. — Цел?

— Да.

Мальш подхватил байкершу и менталиста, и тут я заметил, как за их спинами характерное сияние вражеских “Кос”.

— Витя, “Покров”! — рявкнул я.

Мы со Сперанским выставили перед ними “Барьер” одновременно. Да только я не учел, что прилетело и в меня. “Коса” чиркнула по плечу, но я успел закрыть собой Сперанского. Мальш, увидев это, взревел, и сотворил гигантский серп — кроваво-алый, сияющий, тот пролетел и впечатался в выставленный противниками “Покров”. Барьер дрогнул, и Афанасьев, барахтая ногами в воде, отправил в сторону врагов сразу два “Колобка”. Отлично, значит, не я один тут умел чуть больше.

— Быстро вылезайте. Коля, помощи.

Пока мы со Сперанским помогали нашим выбраться, я обратился к их разумам:

“Вскипятим воду. Нужно, чтобы они остались во рву. Это отвлечет их, и можно попытаться отправить одного из наших на вышку”.

— Мне нравится, — злобно отозвалась вымокшая байкерша. — Кого отправим?

— Миша быстро бегаёт, — предложил Коля и запустил во врагов еще три “Косы”. Судя по крикам, кто-то вовремя не успел поставить барьер.

— Нет, пусть Грасс бежит, — решил я. — Она знает Полигон лучше всех.

Байкерша кивнула.

— Прикройте.

Мы с парнями перегруппировались, закрывая спинами артефакторшу. Крепче схватив

свой флаг, девушка скользнула за груды камней, оттуда принялась двигаться мелкими перебежками.

Но ее заметили.

“Колобок” авторства Алексеевой полетел напрямик в Грасс. Байкерша едва увернулась — заклинание прошло по касательной и все-таки ее зацепило. Она выругалась и попыталась на бегу обновить защиту.

Мы продолжили обстрел, стараясь не выпускать врагов из воды. Малыш шарахал здоровенными алыми “Косами”, но начинал понемногу выдыхаться — видимо, с резервом у него еще были проблемы. Афанасьев и Сперанский обстреливали “Жар-птицами”. Я прицельно метал “Колобки” в Алексееву, пытавшуюся не дать Грасс уйти далеко.

Байкерша была ранена — я видел, как один из мощных шаров Алексеевой попал ей в ногу, разбив остатки “Берегини”. Грасс прихрамывала и здорово потеряла в скорости.

Не дойдет.

“Вперед, за ней!” — обратился я к парням. — “Прикроем Анну”.

Я первым сорвался в сторону Грасс, на ходу вкладывая почти весь потенциал в “Берегиню”. Афанасьев попытался отвлечь врага “Алконостом”, но чертыхнулся.

— Не могу пробить менталкой. Не выходит.

“Тогда брось. Бей боевыми”.

Рахманинов отстреливался из последних сил — “Косы” становились тоньше и слабее.

И в этот момент Грасс рухнула как подкошенная, схватившись руками за голову.

— Черт!

Я бросился к ней, с трудом уворачиваясь от ковровой бомбардировки “Колобками”.

— Миш, беги! — взвыл Коля. — Давай! Мы задержим...

Его голос утонул в грохоте — вражеская команда разметала на щепки очередное укрытие, к которому подбежали наши.

Я бежал так, как не бегал даже по лесу от Матильды. Перед глазами стояло Древо Рода, и я просил у источника больше силы. Добежать. Добраться. Только сейчас понял, что потерял свой флаг. Значит, нужно забрать у Грасс.

Она лежала неподвижно в нескольких шагах от высокой груды камней, сваленных в причудливое подобие альпийской горки. Оброненный цилиндр с флагом валялся возле ее руки.

Я поднял флаг, крепко его сжал вспотевшими ладонями и прикоснулся к шее байкерши, пытаясь нащупать пульс.

А затем поднял глаза вверх и осел на земле от ужаса.

На груды камней, закинув ногу на ногу, сидел человек с парализованным лицом. Я потрянул головой, пытаясь согнать наваждение. Не проходило. Проверил “Шлем” — все работало.

— Здравствуй, Михаил, — поприветствовал Радамант. — Вижу, дела у вас не очень?

Я инстинктивно отполз. Но иллюзия не рассеивалась. Да и откуда бы ей взяться, если правилами было запрещено касаться глубинных слоев сознания и памяти?

— Я настоящий, — угадав мои мысли, сказал Радамант и поднялся.

— Что... Что ты здесь забыл?

— О, я здесь не ради тебя. Список у меня длинный. Хотя и для тебя тоже есть испытание. — Радамант кивнул в сторону вышки с флагштоком и криво улыбнулся. — У тебя два варианта: успеть добежать, чтобы повесить флаг и выиграть соревнование, или

попытаться помешать мне совершить задуманное.

Может это все-таки были шуточки вражеского менталиста? Может смог каким-то образом обойти запрет? Не полез в глубины сознания, а вытащил мысль с поверхности разума? Ведь я часто вспоминал о Радаманте — мне не давали покоя игры, что он затеял.

— Настоящий я, настоящий, — прочитав мои мысли, сказал косоликий колдун. — Просто меня видишь только ты. Сейчас докажу. Гляди туда.

Он сделал почти незаметный жест, и с его пальцев сорвался крепенький “Колобок” — и втемяшился ровнехонько в незащищенный затылок Горькушина. Боевик взвыл, обернулся ко мне и показал неприличный жест. Но им тут же занялся ревевший от гнева Малыш Рахманинов.

— Ну?

— Ладно. Верю, — я поднялся, отряхнулся и старался держаться максимально спокойно. — Я тебе зачем понадобился?

— Не поздороваться было бы невежливо.

Почему-то именно в такие абсурдные моменты в голову приходят еще более циничные и безумные мысли. Я же глядел на парализованное и невозмутимое лицо Радаманта и думал только об одном: какого хрена он устраивал свои игрища почти каждый раз, когда где-то рядом находился я?

— Тебе просто не везет, — ответил Радамант, явно прочитав мои мысли. — И ты постоянно соприкасаешься со сферой моих интересов. Что само по себе любопытно.

Лежавшая на земле артефакторша застонала. Попробовала пошевелиться, но, едва приподнявшись, снова рухнула на землю.

Я склонился над ней.

— Цела?

— Почти... Соколов... — прохрипела она. — Повесь флаг...

И отключилась. Что-то мне подсказывало, что без вмешательства косоликого не обошлось.

Я оглянулся — в середине поля, шагах в тридцати от нас с Радамантом, развернулось настоящее побоище. И наши проигрывали.

Здоровяк Рахманинов исчерпал почти весь ресурс, самоотверженно сражаясь сразу с двумя боевиками противников. С каждой секундой зрелище становилось все более жалким. Афанасьев боролся в ментальном поединке с Муравьевым, пытаясь не дать менталисту навредить остальным членам команды.

Обоим целителям досталось — что Лопухина, что Сперанский прятались за укрытиями, баюкали раненые конечности и изредка шмаляли “Косами” и “Жар-птицами” в противников. От их защит остались лишь лохмотья, да и ресурсы были на исходе.

— Если намерен спасти задницы своих ребят, тебе нужно поторопиться, — напомнил Радамант. — Вышка уже близко.

— Да что за игру ты затеял? — рявкнул я. — И от меня-то тебе что нужно? Чего ты ко мне прицепился?

— Шшш... — косоликий приставил палец к губам. — Тише, Михаил. Иначе тебя примут за сумасшедшего. Остальные-то меня не видят. Точнее, не замечают.

Он что, умудрился одновременно отвести глаза всему Полигону? Впрочем, это меня бы

уже не удивило. После всего, что он устроил это казалось и правда легким.

— За кем ты пришел?

— Скоро узнаешь. Мой совет — воспользуйся шансом и лезь на вышку. Я ведь даже немного тебе помог.

А этот момент получивший ментального леща Горькушин скорчился, схватившись за голову — ему по лбу резануло “Косой”.

Радамант помахал мне рукой. Насвистывая какую-то веселую мелодию, он направился прогулочным шагом прямо через поле. Сорвал какую-то жухлую травинку и вставил в рот, словно отдыхал на курорте, а не находился на охраняемой территории Аудиториума.

Да как это вообще было возможно? Неужели аудиториумские артефакты слежения — а они наверняка здесь были — ничего не засекли?

“Советую обойти слева, там лестница удобнее”, — раздался его голос в моей голове. — “Сам когда-то по ней лез”.

“За кем ты пришел?”

“Радуйся, что не за тобой. Ты вызвал у меня интерес, юноша. Даже ментальное воздействие с девицы снял. Далеко пойдешь, если выберешь правильную сторону. Но сперва тебе придется выбрать. И выбрать сейчас”.

Я стоял среди поля, переводя взгляд с вышки на спину Радаманта. Твою же мать! Испытания Аудиториума проверяли мою силу, а этот криволицый псих поставил меня перед моральной дилеммой: добиться своей цели ценой человеческой жизни или пожертвовать поступлением ради спасения... Чьего?

Сила внутри меня заворочалась, загудела, проявляя недовольство. Род противился героизму. Вернее, героическому спасению человека, имени которого я даже не знал”.

Но что если я попробую предупредить жертву? Я ведь мог попробовать обратиться ментально. Предупредить... Думай, Мих. Думай, за кем он мог прийти!

Малыш Рахманинов рухнул на землю с жалобным стоном, и в меня тут же полетели “Колобки”.

Времени думать больше не было, и я сделал выбор, ненавидя себя за жестокость.

— Да вашу Машу! — я побежал к вышке, пустив весь поток силы на “Берегиню”.

Я уже даже не уворачивался — не было ни времени, ни возможности. Перед возвышением, на котором располагалась деревянная вышка, почти не осталось укрытий. Поэтому я просто вздрагивал или выл от боли, когда заклинания вонзались мне в спину. Держал защиту, на ходу подновляя слои “Берегини”.

“Правильный выбор, ваше сиятельство”, — усмехнулся в моей голове Радамант. — “Быть может, ты еще не только приведешь свою команду к победе, но и успеешь поглядеть на представление, которое устроят остальные команды. Уверяю, там будет на что посмотреть”.

“О чем ты?”

Отчего-то у меня по позвоночнику пробежал холодок. Было что-то угрожающее в интонациях Радаманта. Словно он не просто заинтриговывал, а обещал. Намеркал на некий замысел. Что он решил устроить на этот раз?

“Приятно было прогуляться по родным местам. До встречи, Михаил”.

Я ощутил, что ментальная связь разорвалась. Оглянулся — и больше не увидел его. Видимо, попал под отвод глаз. Но раз я сделал выбор, нужно было бежать дальше.

За мной гнались боевики противника. Я взвыл от очередного удара “Косой” в спину,

перепрыгнул через остатки низкого забора, разнесенного заклинаниями Ермолова и пришедшего в себя Горькушина. Вышка была всего в нескольких шагах. Раз... Два... Три...

Что-то резануло по руке, и я выронил цилиндр с флагом. Тыльная сторона ладони вспыхнула мучительной болью.

— Резвый граф, — хохотнула за моей спиной Алексеева.

Зараза такая, обошла с фланга. Притаилась в тени забора.

Ну сучка... Держись.

Я взревел, всего на миг закрыл глаза и зачерпнул столько родовой силы, что тело едва выдержало. Благо Род одобрил мое решение и распахнул двери источника настезь. Я направил все на Алексееву. Бил ковром “Колобков” как картечью — выпустил сразу больше десятка, и все кучно вошли в тело противницы, разметав ее “Берегиню”.

— На, дрянь! — Обезумев от боли, усталости, но в то же время и от переполнявшей меня силы заорал я. — Жри-не подавись!

Не останавливаясь, я зарядил в нее шквалом огня. Оставшаяся без защиты девушка истошно закричала, и я увидел, что ее одежда загорелась. Но спешить на помощь времени не было. Как и желания.

Я подхватил цилиндр, зажал его в зубах и принялся забираться по лестнице, стиснув зубы от боли. Раненая рука горела так, словно ее облили кислотой.

В меня вошла еще одна “Коса”, я дернулся, но удержался. Теперь горел еще и бок. Горел так, словно мне всыпали плетью.

Вышка качнулась, рядом со мной пролетело несколько “Жар-птиц” — но все попали не в меня, а в вышку. Деревянную...

Ввалившись наверх, я перекатился и пополз к флагштоку. Вышка закачалась, застонала — и я понял, что кто-то бил по ней чем-то мощным. Горькушин и Ермолов поливали мой насест таким шквалом огня, что, казалось, пламя стало жидким. Потянуло гарью. Эти идиоты что, решили спалить меня “Жар-птицами” вместе с вышкой?

Я выплюнул цилиндр, потянул за колечко и размотал флаг. Выставил вокруг нас с флагштоком “Покров” на скорую руку, молясь о том, чтобы он смог поглотить хоть что-то. Снизу и сверху заволакивало дымом — эти придурки умудрились поджечь даже навес. Я закашлялся, но смог подползти к флагштоку и прицепить флаг. А затем потянул трос на себя, поднимая зеленый стяг.

Над облаком сизого дыма медленно поднимался флаг нашей команды.

— Выкусите, сиятельства хреновы! — хотел крикнуть я, но наглотался дыма и зашелся в кашле. Сбоку вырвался язык пламени, и только “Покров” меня уберег.

Но обрадоваться я не успел.

Вышка накренилась, жалобно застонало дерево, и мой насест рухнул, погребая меня под горящими обломками.

Я рухнул с высоты нескольких метров, подняв сноп искр.

И уже в полете меня осенило, кто мог стать целью Радаманта и почему он оказался именно на Западном Полигоне.

Кураторша. Воронцова — этот род был в комиссии при Сенате...

Я приземлился на обломки, но отпружинил как от батута — в полете увидел Сперанского, выставившего руки. Коля, спаситель мой, успел бросить для меня “Покров”. Я снова отпружинил, оттолкнулся от барьера и кубарем покатился по земле. Шарахнулся затылком — да так, что мозг култыхнулся.

Созерцая радужные круги и искры на фоне свинцово-сизого неба, я сконцентрировался и попытался достучаться до кураторши.

Но сколько ни тянулся к ней, нити ментальной связи уходили в молоко. Словно она выставила вокруг себя ментальный блок.

Проклятье...

Я попытался подняться, но от резкой смены положения меня замутило, и я успел только наклониться вбок, чтобы не замарать себя рвотой. Кажется, сотрясение.

— Сиди тихо! — Ко мне подбежал Сперанский и опустился подле меня. Его руки тут же принялись носиться над моим телом.

— Передом... Перелом... Сотрясение... Ожог... — он говорил все это с открытыми глазами, но они казались неестественно мутными. Так проявлялась его сила — он словно уходил в себя, чтобы диагностировать повреждения “пациентов”. — Ничего тяжелого. Смогу подлатать на месте.

Я дернулся, но мощные лапищи подоспевшего раскрасневшегося Малыша пригвоздили меня к земле.

— Сиди, герой, — добродушно ухнул он.

— Нет, — сопротивлялся я. — Надо к куратору. Быстро!

— Сейчас за нами придут, расслабься, — Афанасьев сжал мое плечо. — Жаль, я всего не видел, но даже то, что углядел, смотрелось круто. Ты молодец, Соколов. Мое уважение, ваше сиятельство.

Они обступили меня, не давая не то что выйти — даже подняться. Я снова трепыхнулся, попробовал воззвать к силе, но, кажется, Род решил, что свой лимит на этот день я исчерпал. Вместо того, чтобы подняться на ноги с помощью силы “Берегини”, я снова едва не завалился набок.

Малыш Рахманинов показал мне кулак.

— Сиди, говорю!

Дерьмо. Пока Сперанский сутился вокруг меня с целительными живой и мертвой водами, я поймал на себе гневные взгляды проигравших. Противники расположились в трех десятках шагов от нас и тоже зализывали раны. То и дело косились в нашу сторону, показывали на меня пальцем и о чем-то переговаривались.

Не навилось мне это. И, чуял мой филей, что я нажил себе недоброжелателей. С одной стороны, в свете считали дурным тоном обиду на соперников за проигрыши на вступительных. Но люди здесь были молодые, горячие, гордые... Еще и команда полностью состояла из высокой знати. Та же Лопухина или Муравьев... Не простят.

Я был готов поставить на кон сто рублей серебром, что мне еще придется столкнуться с последствиями.

— Что-то долго не идут, — к нам подтянулась разбитая и едва державшаяся на ногах Грасс. Афанасьев тут же сыграл в джентльмена, стащил куртку, бросил на землю и усадил пострадавшую байкершу. Досталось ей не меньше, чем мне, как сейчас выяснилось. Пока она бежала к вышке, в нее разрядили очень много Благодати.

Сперанский покачал головой, осматривая девушку.

— Ох, ваше благородие, чую, на вас весь мой резерв сегодня и закончится...

Менталист нетерпеливо ходил из стороны в сторону, поглядывая то на команду противников, то в сторону полосы старта.

— И правда — долго не идут. Должны же были увести нас сразу. Может что-то

случилось?

Я догадывался, что. Но сказать не мог — это бы навлекло на меня ненужные подозрения. Идиотская ситуация. Даже Корфу лучше не признаваться — за решетку как соучастника не посадят, но и по головке не погладит.

А еще я чувствовал, что начал черстветь. То ли слишком устал и вымотался, то ли Род начал блокировать сострадание, но я не чувствовал особой жалости к Воронцовой. Пытался вызвать в себе эмоции, но было трудно жалеть кого-то после того, что только что произошло.

Черствеешь, Мих. Озлобился. Это скверно.

Грасс тоже теряла терпение.

— Сперанский, просто подлатай мне ногу и голову по-быстренькому, остальное дома залечу, — она бросила тревожный взгляд в начало поля. — Кажется, там что-то происходит. Давайте уже сами дойдем. Только помогите кто-нибудь подняться.

Малыш без разговоров просто взял ее на руки.

— Так будет проще, — добродушно улыбнулся он. — Ты легкая.

— Ну, это, конечно, не мой байк, но тоже неплохой вид транспорта.

Увидев, что мы направились ко входу, противники тоже засобирались. Они молча следовали за нами, бросая нам в спины угрюмые взгляды. Я ковылял, оперевшись на Сперанского. Коле и самому досталось, но парень стойко терпел. Старался даже виду не показывать, что испытывал боль, хотя я заметил, что он тоже был ранен.

— Горжусь тобой, друг, — сказал я, — Отлично сработались. И ты прекрасно себя показал.

— Это нам тобой нужно гордиться, — вымученно улыбнулся Сперанский. — Если бы ты не добежал... Когда ты начал закидывать их “Колобками”, да еще так кучно... А когда вышка загорелась, я подумал, что все... Конец.

Мы не успели дойти до рва, когда над территорией Полигона раздался противный и тревожный вой сирены.

— Что-то точно случилось, — вздрогнул менталист.

Я молча кивнул.

— Сейчас узнаем. Лезем в воду.

Едва мы перебрались через ров, как перешли на бег — уж кто как мог. От грузного топота Малыша сотрясалась земля, а мы с тщедушными Афанасьевым и Колей переходили с шага на бег — дыхания уже не хватало, да и мокрая одежда не прибавляла прыти.

Но чем ближе мы подбирались к полосе старта, тем тревожнее всем нам становилось. Я ощутил уже хорошо знакомый холодок в солнечном сплетении.

А затем мы слышали крики. Вой сирены заглушал их, но я смог даже разобрать слова.

— Воронцова...

— Ее превосходительство...

— Нашли здесь...

Я отпустил руку Сперанского, обратился к Роду и почти насильно вырвал из источника еще немного силы. Вложил все в “Берегиню” — на скорость. Защита сейчас была ни к чему. Уже ни к чему — я знал, что мы опоздали.

Но я должен был увидеть своими глазами то, что случилось с человеком, которому я своим выбором подписал смертный приговор. Радамант всегда добивался цели. Почти всегда.

Коля и Малыш что-то кричали мне в спину, но я не разобрал из-за громкого звука сирены. Чертова тревога вопила без остановки. Я пролетел бетонный коридор и буквально натолкнулся на группу людей в мундирах Аудиториума. Едва успел затормозить и даже, кажется, врезался кому-то в спину.

Лысый человек в мундире вздрогнул и резко обернулся ко мне.

— Группа “45-В”, — представился я. — Соколов. Бой закончился. Мы ищем своего куратора.

Мужчина повернулся ко мне всем корпусом, явно пытаюсь что-то от меня заслонить. Но я уже знал, что увижу.

— Вам будет назначен другой куратор, — сухо сказал мужчина. — Подождите на поле, за вами придут и отведут в нужный кабинет для оформления бумаг. И погасите заклинание, пожалуйста. Вне Полигона его использование запрещено.

Я привстал на цыпочки и все же смог разглядеть край того, что он пытался от меня скрыть.

Воронцова лежала на земле. Лицо спокойное, умиротворенное, но глаза открыты и уставились в небо невидящим взглядом.

— Что с ней? — спросил я.

— Остановка сердца. Мы не успели. Прошу, идите на поле, — лысый мужчина замахал на меня руками, словно пытался разогнать стаю гусей. — Все обратно на поле, пожалуйста!

Но я замешкался, увидев бежавшего в нашу сторону студентика — тоже в мундире, только с шеvronами ученика. Только куртка быра расстегнута, а рубашка под ней — залита кровью.

— Ваше превосходительство! — Он летел, бледный от страха и таращил глаза от ужаса. — Северный Полигон! Там... Там...

— Что там еще? — В гневе обернулся сотрудник.

— Там все с ума посходили! Они... Они сейчас друг друга перебьют!

Лысый препода изменился в лице.

— В смысле перебьют? Кто, абитуриенты? А куда кураторы смотрят?

Студентик вытер окровавленную щеку тыльной стороной ладони и шагнул к преподавателю.

— Ваше превосходительство, — он взглянул на нас и понизил голос. — Там все на Полигоне с ума посходили. Вообще все. И абитуриенты, и кураторы, и охрана... Там побоище. И я не понимаю, что случилось. Пытался докричаться, но они словно меня не слышат. Вот, “Косой” прилетело. От преподавателя, от Виктории Федоровны!

— Тише! — Цыкнул на студента препода и потащил в сторону, подальше от нас.

Я сделал вид, что у меня развязался шнурок на ботинке и приблизился на пару шагов, поставил ногу на низкую оградку клумбы и, нарочито медленно завязывая узлы, превратился в одно большое ухо.

— Евгений Петрович, — на ходу тараторил студент, — нужно что-то делать, пока они не вырвались с Полигона! Здесь полно абитуриентов, и если они...

— Не нужно меня страшить, — резко прервал студента Лысый. — Сейчас соберем группу. Кто поднял тревогу?

— Я. Сперва до охраны добежал. И еще неизвестно, что на Восточном Полигоне. Я пытался связаться с их кураторами, но не смог. Блокировка...

Лысый по-отечески похлопал его по плечу.

— Молодец, Сеня. Свое дело ты сделал, теперь оставайся здесь. Дальше мы сами разберемся. Впрочем, лучше бы вам и отсюда убраться. Выведи группы служебной тропой, и старайтесь никому не попадаться на глаза. Если кто-то нападет, защищай детей. Я даю разрешение.

— Понял, ваше превосходительство.

Услышав достаточно, я вернулся к своей команде. Сперанский был бледен от ужаса.

— Там ведь... Там Поля и Боря, — шепнул он. — На одном из Полигонов. Им по рангу ведь положено сейчас там быть. На испытаниях...

Я кивнул.

— И Ирине. Надеюсь, они бьются не друг против друга.

— Да. — Коля крепко схватил меня за запястье. — Нужно им помочь. Вытащить как-нибудь. Мы должны!

— Мы не знаем, что с ними случилось, — тихо проговорила Грасс, потирая больную ногу. — В нашем состоянии идти на преподавателей просто самоубийственно. Мы не то что никого не отобьем, но и сами ляжем.

Она была права. Нашу команду потрепало сильнее, чем противников. Некоторые почти полностью исчерпали резерв Благодати. Да и будь он полон, что сделают салаги-абитуриенты против высококвалифицированных мастеров? Ну может еще бы что-то получилось у меня или у Алексеевой... Но и мы бы продержались недолго.

Коля думал иначе. Вернее, думалка у него в этот момент и вовсе отключилась.

— Там мои брат и сестра, — тихо, но решительно заявил он. — Я ни за что их не брошу. Заставлять вас помогать мне я не вправе. Отправляюсь за ними один.

— Лекарь, не кипятись, — шикнул на него Афанасьев. — И говори тише. Как бы нас

сейчас вообще не заперли... От греха подальше.

А я, кажется, начал догадываться, что имел в виду Радамант, когда сказал, что я еще могу успеть посмотреть представление, которое устроят остальные команды. Значит, он что-то сделал с их разумами. Насильно заставил биться друг с другом? Но, черт возьми, зачем?

Опять демонстрация могущества? Хочет показать, насколько опасны вышедшие из-под контроля одаренные? Но зачем именно?

А я ведь даже не мог рассказать о встрече с косоликим сотрудникам Аудиториума, не рискуя вызвать подозрений в причастности к инциденту. Как я им объясню? Моя осведомленность о его планах только подольет масла в огонь. И еще неизвестно, что хуже — попасть в лапы дознавателям Тайного отделения или в руки колдунам Аудиториума...

Лучше не попадаться никому.

И все же у меня оставались два человека, которые могли помочь.

“Матильда, вы меня слышите?” — я воззвал к наставнице, тщательно сосредоточившись на мысли. Фон Аудиториума и вой сирены ужасно мешали и сбивали концентрацию. — “Прошу, ответьте. Срочно!”

“Что стряслось, Михаил?”

Ее голос звучал глухо, отдаленно. Словно пробивался сквозь толщу воды.

“На Полигоне ЧП”.

“Что-что на Полигоне?”

“Чрезвычайное положение. Новый инцидент. Радамант был здесь, я видел его. Свяжитесь с Корфом. Немедленно. Он нужен”.

“Что именно случилось?”

“Один из преподавателей убит Радамантом. Убита. И, кажется, он каким-то образом внушил мысли всем испытуемым и преподавателям, заставляя сражаться друг с другом. Возможно, воздействие аналогично тому, что он сделал с Ирэн. Здесь побоище. Будет паника. Нужны менталисты, чтобы их усмирить, пока они друг друга не поубивали”.

“Поняла”, — отозвалась Матильда. — “Где Ирэн? Где Сперанские?”

“Не знаю. Мы сражались с другой командой. Возможно, они как раз там”.

Баронесса выдержала паузу.

“Проклятье. Ладно. Спрячьтесь и постарайтесь не попасть под удар. Я достану кого нужно”.

“Но...”.

“Никаких “но”! Прячьтесь и не вылезайте. Если возможно, постарайтесь вообще убраться с территории”.

Связь оборвалась. Я попробовал снова достучаться до баронессы, но наткнулся на едва уловимый блок. Возможно, она в этот момент уже связывалась с Пистолетычем. Впрочем, наверняка кто-то из его людей был сейчас здесь. Одна беда — я не знал сотрудников Тайного отделения в лицо. Да и вряд ли бы они стали со мной разговаривать.

Тем временем подросли другие сотрудники — судя по белым халатам, специалисты медицинской службы. Быстро уложили тело Воронцовой на носилки и мелкими перебежками, словно были под обстрелом, понесли жертву в сторону корпусов.

Лысый препод подвел к нам студентика.

— Арсений Игнатьевич, присмотрите, пожалуйста, за этими двумя группами., — приказал он. — Постарайтесь вывести их к выходу. И не угодите в давку. Мы разберемся.

— Слушаюсь, Евгений Петрович.

Его превосходительство кивнул.

— Благодарю.

Студент взглянул на нас и нервно сглотнул.

— Арсений Горчаков, студент третьего курса, — торопливо представился он. — Я должен вас эвакуировать.

— Я никуда не пойду! — огрызнулся Коля. — Там мои брат и сестра. Без них я...

— Нельзя! Вам нельзя туда! Вы не представляете, что там творится...

О, я, кажется, прекрасно представлял. Я хотел отвести Колю в сторону, попробовать вразумить или хотя бы успокоить. Он-то как раз совсем выдохся. Толку от него не будет — весь резерв потратил на раны Грасс. Но в этот момент от команды наших бывших противников отделилась темновласка Лопухина и подошла к Горчакову.

Встретившись со мной глазами, она едва заметно кивнула.

— Там моя старшая сестра, — сказала Темновласка. — Татьяна Лопухина. Она артефактор, шестой ранг. Третий год поступает...

Студент покачал головой.

— Не могу, господа. Не пущу. Своей шкурой за вас отвечаю. — Он перегородил нам дорогу, расставив руки в сторону. Его ладони охватило зеленое сияние. А студент-то был непрост. — Пожалуйста, не противьтесь приказу. О неповиновении я буду вынужден доложить, и у вас возникнут проблемы с дальнейшим прохождением испытаний.

Лопухина сжала кулаки.

— Ваше сиятельство, что мы можем сделать? Как можем помочь?

Коля рывнулся, чтобы обойти Горчакова, но я вовремя ухватил его за шиворот и оттащил назад.

— Сперанский, включи голову! — прошипел я. — Студент дело говорит.

— Поля... Она же совсем слабенькая... Она не сможет себя защитить.

— С ней Борис. Успокойся. Он не даст ее в обиду.

Коля уставился на меня горящими от гнева глазами.

— Ирину ты тоже бросишь на произвол судьбы?

— Она может за себя постоять.

Надеюсь.

В конце концов даже Матильда, одержимая безопасностью своей племянницы, велела нам не высовываться. А баронесса была рискованной дамой и кого угодно бы пустила на амбразуры ради спасения Ирки. И если даже она запретила нам лезть...

Студент оглянулся по сторонам, затем сделал несколько шагов в сторону корпусов и осторожно выглянул из-за угла.

— Пока чисто, — сказал он и махнул нам рукой. — Бегом за мной, я вас выведу. Пойдем служебным ходом. Держитесь кучно.

Темновласка Лопухина колебалась, но старшая Алексеева крепко взяла ее за руку и что-то прошептала. Целительница угрюмо кивнула.

— Идем. Быстрее! — Торопил нас Горчаков. — Не отставайте!

— Малыш, помоги Анне, — попросил я. — Она не сможет быстро идти.

Рахманинов коротко кивнул, подхватил Грасс на руки и понес.

— Гриша, побудь замыкающим.

Менталист Афанасьев пристально посмотрел на Колю.

— Побуду. Но ты следи за лекарем. У него беда на лбу написана.

— Ага.

Вражеская команда тоже организовалась. Не сговариваясь, мы выстроились в две колонны за спиной у Горчакова. Красавец Горькушин, показавшийся мне лидером их команды, протянул руку:

— Нас не представили. Юра. Хороший был бой.

— Миша, — я пожал протянутую ладонь. — Мир?

— Войны и не было. Нужно вывести как можно больше людей. Сначала девушек и раненых. Будем прикрывать друг друга.

— Согласен.

Арсений Горчаков вскинул руку вверх и помахал — знак идти. Мы тронулись, стараясь не топтать хлюпающими от воды ботинками. Мокрая одежда прилипла к телу, добавляла веса, да и вообще находиться в ней так долго на улице вне пыла боя было неприятно. Я активировал “Берегиню” — плевать, что вне Полигонов нельзя было применять заклинания. Своя шкура сейчас была дороже, плюс заклинание немного согревало. Остальные последовали моему примеру.

Я оставил немного силы в ладонях, готовясь в любой момент шархнуть либо “Колобком”, либо выставить “Покров”. Увидел, что Алексеева и Горькушин тоже приготовились. Даже Грасс, сидя на руках у Рахманинова, внимательно оглядывалась по сторонам, выслеживая опасность.

“А неплохая из нас вышла команда”, — раздался у меня в голове голос Афанасьева. — “Даже не ожидал, что сработаемся”.

“Давай потом побеседуем. Мне еще сложно одновременно говорить и концентрироваться”.

“А. Извини”.

Для менталиста Афанасьева это не было проблемой: та же Ирка могла изрекать длиннющие тирады, одновременно швыряясь “Косами”, да еще и на бегу. У меня так пока не получалось.

Мы свернули за угол. Студент убедился, что территория перед воротами Полигона была чиста, и жестом разрешил нам идти дальше. Я шел, стараясь не сводить глаз с поникшего Сперанского. Забавно мы поменялись местами: обычно я пытался бессмысленно геройствовать, а он меня одергивал. Честно говоря, даже не ожидал, что ему так сорвет резьбу. Но семья — дело святое. А ведь они еще и тройняшками были — где-то я читал, что между ними образовывалась особая связь.

— Слышите? — Лопухина на ходу подняла голову. — Сирена затихла.

И правда. Я уже настолько привык к ее вою, что даже перестал замечать.

— Интересно, хорошо это или плохо? — отозвался Горькушин.

Студент Горчаков обернулся.

— Проверять не будем. Стоп.

Мы уперлись в перекресток. Я взглянул на указатели: в нашу сторону указывала стрелка “Западный Полигон”, налево — “Северный”, прямо — “Восточный”. Выход был в южной стороне. Горчаков указал направо:

— Держимся правой стороны.

Мы быстро, почти в ногу, затопали на юг. Вымотанная Лопухина споткнулась, и наш менталист ее поддержал. Было приятно видеть, что команда противников вела себя достойно после проигрыша.

Не успели мы дойти до конца корпуса, как Коля оттолкнул меня и резко метнулся в сторону.

— Блин! Коля! — заорал я. — Вернись, дурак!

— Я должен их найти!

Дерьмо. Ну идиот!

Грасс перевесилась через мощную лапищу Мальша.

— Сможешь его догнать?

Я взглянул на свою больную ногу. Перевел глаза на кривую траекторию бега Сперанского — парень едва держался. Ну куда полез...

— Идите. Догоню.

Я устремился за ним, на ходу укрепляя “Берегиню” в ногах. Стало полегче.

Коля бежал к Северному Полигону — я еще не видел его ворот, просто ряд двухэтажных корпусов из красного кирпича.

— Коля, черт тебя дери! — рывкнул я. — Стой, идиот!

Он не останавливался — упрямо бежал, но я начал его догонять. Шаг, другой, третий... Почти, всего чуть-чуть...

Я оттолкнулся от асфальта обеими ногами, вытянул руки в прыжке и схватил его за шиворот. Мы оба упали на дорогу и покатались к тротуару. Он пытался отбиваться, выворачивался, словно уж, но я держал его крепко.

— Остановись, дубина! — я взял его в захват. — Ща врежу!

Он попытался укусить меня, но вцепился зубами в рукав куртки.

— Пуфти! Пуфти... Сф... сфолофь!

Я не выдержал. Отпустил его, развернул к себе и вlepил крепкую оплеуху. И, кажется, немного переборщил — забыл, что тело было усилено “Берегиней”.

Голова Коли мотнулась в сторону — почти как в кино в замедленной съемке — из носа вылетело несколько капель крови. Я успел его ухватить за плечи и встряхнул.

— Уходим. Иначе залезу тебе в башку и сделаю послушным теленочком. Я умею.

Но он смотрел не на меня. Куда-то за мое плечо. Глаза Сперанского расширились не то от удивления, не то от страха.

И только сейчас я услышал шум. Даже не шум — адскую бьющую по ушам мешанину криков, стонов, ударов и топота.

Я обернулся. Ворота Северного Полигона были распахнуты. Толпа — две группы абитуриентов, несколько человек в мундирах Аудиториума, охранники и даже дворники в спецовках с метлами наперевес надвигались на нас.

Как зомби. Только лица у них были искажены не тупой жадной мясы, а ненавистью.

— Пипец, — выдохнул Коля.

А затем взгляделся в толпу. Узнал вымазанные кровью точеное лицо и светлые волосы Ирки. И две рыжие головы Сперанских. Вместо одежды — лохмотья. Все в крови, ожогах и синяках.

И глаза... Горящие адским огнем нечеловеческой ярости. Радужные оболочки цветов ранга их Благодати.

— Воистину, — отозвался я, вскочил и рывком поднял лекаря на ноги. — Бежим.

— Поля... Там Поля...

— Это сейчас не Поля.

Я рванул его за собой. Коля не удержался на ногах, рухнул на асфальт, точно мешок.

— Вставай! — дернул я. — Вставай же.

В нас полетели первые “Косы” и “Колобки”. Я выставил “Покров” перед Колей, но барьер не мог продержаться долго. Зазомбированных было слишком много.

— Не могу... Иди. Иди, Миш...

— Да черт тебя дери!

Я развернулся и приготовился бежать. И едва не сбил с ног Лысого препода.

— Хватай мальчишку и тащи за наши спины, — приказал он.

За Лысым столпилось не меньше десятка других сотрудников. Все в форме, с нашивками разных рангов — от студентов-старшекурсников до высоких преподавательских чинов Аудиториума. Все сверкали всполохами “Берегинь” — янтарные, рубиновые, зеленые...

Я схватил Колю за шиворот и просто потащил по земле. Он уже не отбивался и не пытался ерзать — просто таранился на заколдованных брата и сестру глазами, полными ужаса.

— Сиди здесь, — я доволол его за спины преподавателей и оставил там.

А сам усилил “Берегиню” и перераспределил силу. Надо мной зависло несколько белоснежных колобков.

Лысый удивленно покосился на меня.

— Так, значит, о вас говорил его высокопревосходительство...

— Что нужно делать? Я помогу.

— Если грубо — вырубить и обездвигить. Затем менталисты приступят к своей части.

Я кивнул.

— Это можно.

И запустил первый “Колобок” прямо в лоб Ирэн. Прости, дорогая. В данном контексте бьет — значит, любит.

Девчонка молниеносно выставила “Покров”, и заклинание поглотило не только мой урон, но и несколько “Кос” студента-четверокурсника. Ирина улыбнулась — безумно, сладострастно. И ответила.

Я увернулся. Выпустил очередь “Кос”, чтобы взрезать ее “Покров”. Силовые лезвия пропороли защиту, барьер начал оседать, и сквозь дыры пробрались преподавательские “Колобки”. Несколько вошли в тело Ирэн, она выгнулась дугой в неестественной позе и рухнула на асфальт.

Но занятый Ирэн, я не уследил за Колей. Лекарь прополз за нашими спинами, обогнул шеренгу слева и, с трудом передвигаясь, пошел напрямик на брата с сестрой. Даже не повесил “Берегиню”.

— Не стрелять! — крикнул я, когда понял, что Коля вышел на линию магического огня. — Остановитесь!

Я бросил “Покров”, чтобы убереечь парня, но не успел. Несколько “Кос” рассекли спину Коле. Он дернулся, из распоротой рубашки потекло что-то темное.

— Стоять! — севшим голосом заревел я.

А в следующий миг обезумевшие Поля и Боря бросились на него.

— Коля!

Я поднырнул под линией огня, перекатился по раскаленному от заклинаний асфальту и выставил “Покров” между дурным Сперанским и его безумными братом и сестрой.

Вздохмаченная Поля разъяренно взвыла, наткнувшись на физический барьер. Ударилась о него раз, другой... Они с Борей вели себя, словно зомби — казалось, смекалочку у них отключило вместе с собственной волей. И движения их были грубыми, угловатыми, словно руки и ноги плохо гнулись в суставах. Будто не они сами шли, а что-то ими двигало.

Раз так, быть может, там внутри еще остались они, настоящие они?

Но выяснить это я не успел.

Коля испуганно таращился на родню, стараясь отползти подальше. Усилив свою “Берегиню”, я схватил его за руку и потащил обратно за спины студентов и преподавателей.

— Идиот! — не сдержавшись, я влепил ему затрещину. — Какого хрена ты полез? Не видишь — они не в себе?

Сперанский тряхнул головой.

— Я... Я не...

— Не думал, — прошипел я. — Ты чуть не сдох, понимаешь?

Пользуясь силой защитного заклинания, я подхватил Колю за плечи и поволок еще дальше от аудитории. Сражение становилось еще жарче — запахло раскаленным асфальтом, в оконных стеклах отражались мириады всполохов заклинаний. А Николай был ранен.

— Сиди и не рыпайся, — велел я, как можно осторожнее опуская парня на поребрик.

Не убавляя интенсивности “Берегини”, я обратился к родовому источнику и зачерпнул немного силы из целебного потока. Коля терял кровь, нужно было срочно его подлатать. “Косы” и “Колобки” прошли по нему слишком мощно.

— Да я при всем желании уже не убегу.

— Раньше надо было думать, — проворчал я и принялся исследовать раны.

Так... Пять неглубоких порезов, три ожога и одна тяжелая рана. Еще бы чуть-чуть — и минус одна почка.

Я снова обратился к источнику и на этот раз решил сыграть роль передатчика. Просто пропустил целебный поток через себя, приложил руки к ранам Николая и позволил живительной силе продлиться. Пусть течет столько, сколько нужно.

Источник недовольно зарокотал, пришлось мысленно объясняться, что спасаю друга. Друга, который до этого помогал мне.

“Долг платежом красен”, — объяснил я Роду, и тот согласился. Род, как я понял, вообще крайне щепетильно относился к вопросам долгов.

Коля прикрыл глаза, его голова завалилась, и мне пришлось подхватить его затылок свободной рукой. Не отнимая второй ладони от его ран, я уложил его навзничь. Кровь остановилась. Я направил чуть больше силы на усиление регенерации. Полностью не починю, но Коля хотя бы дотянет до лазарета и профессиональных врачей.

— Теперь спи.

Когда поток иссяк, я отнял ладони и поднялся на ноги. Бой перед Северным Полигоном не прекращался. Я снова взглянул на безмятежное лицо Сперанского, позавидовал его

бессознанке и усталился на побоище.

У меня словно открылось второе дыхание — сила пульсировала в ладонях, требуя выхода. И сила боевая.

А еще я очень хотел вытащить из этого ада Иркут. Убить она меня не смогла и не сможет — клятва резала смертоносность ее заклинаний вдвое. Пару раз она по мне шарахнула, но урон был гораздо меньше, чем я от нее ожидал.

Значит, попробуем вытащить оттуда и ее, и остальных Сперанских. Если получится.

Позади меня со стороны перекестка доносился шум — топот ног, короткие выкрики — приказы, стоны... Я обернулся. Из-за угла здания начали выходить люди: в мундирах, в белых лекарьских халатах, в спецовках, в обычной гражданской одежде. Кто-то в крови, кого-то несли на носилках. Я взглянул на указатель — “Восточный Полигон”. Значит, там случилось то же самое? И вот почему подмога припозднилась к Северному Полигону?

Я взмахнул рукой, привлекая внимание, а затем плюнул на это и просто подбежал к пожилой даме в белом халате.

— У меня раненый. Здесь, у тротуара, — я показал на лежавшего Колю. — Забрать сможете?

Дама неуверенно качнула головой.

— Прямо сейчас нет, у нас много пострадавших. Пришлем кого-нибудь через пять минут. Дотянет?

— Да.

Сотрудники торопливо понесли раненых в сторону выхода, туда же направилась скорбная потрепанная вереница людей с Восточного Полигона. Я побежал обратно к Северному, на ходу пытаюсь оценить происходящее.

Аудиториумским во главе с Лысым удалось прорядить массу безумцев. Я заметил рыжую голову Поли — девчонка лежала на земле в странной, неестественной позе. Словно ее серпом подкосило. Боря еще держался. Матерился такими словами, от которых уши свернулись бы в трубочку даже у рабочих с Путиловского. Причем бранился одновременно по-русски и по-гречески. Полиглот хренов.

Ловко уворачиваясь от “Кос” и “Колобков” Сперанский лавировал между людьми, прятался за спинами и исподтишка швырялся слабейшими “Жар-птицами”. В них он всегда был хорош, но резерв у него явно заканчивался. Пристроившись за спиной одного из старшекурсников, я улучил момент и запустил “Колобок” прямо в голову Боре.

И удача от него отвернулась. Заклинание прошло по касательной, но парня мотнуло в сторону, он отскочил от выставленного другим учеником “Покрова” и, не удержав равновесия, сел на задницу. Кто-то о него споткнулся, потянул какую-то девицу в красном пальто за собой... И в эту кучу малу сразу двое студентов зарядили очередью “Кос” и “Колобков”.

— Бей их! Давай! — крикнула дама в мундире. — Сбивай барьеры!

— Вырубайте их!

Дальше я наблюдать не стал — бросился влево, пытаюсь обойти шеренгу аудиториумских. Лысый препод бросил на меня косой взгляд.

— Не геройствуйте, ваше сиятельство, — приказал он.

Я рассеянно кивнул, пытаюсь высмотреть Ирэн. Стычка переместилась ближе к Северному Полигону, “наши” теснили безумцев к входу, стараясь обезопасить остальную территорию. Зато теперь обзору мешали кусты и деревья, высаженные по обочинам улицы. Я

внимательно разглядывал лежавших на земле, но не видел Ирки.

Что-то знакомое мелькнуло в листве. Белокурый хвост, розовый воротник куртки...

Она.

Девушка оказалась проворнее многих — использовала укрытие и метала заклинания из-за ограды. Я прикинул, что можно было скользнуть вдоль здания, при помощи “Берегини” перелезть... Но хорошо бы сперва ее отвлечь.

Пока я думал, Ирэн вскрикнула — скорее обиженно и гневно, а не от боли. Видимо, от кого-то все же прилетело. И еще она явно сэкономила силы: судя по силе и цвету ее “Кос”, энергии у девушки еще было достаточно.

Если моя гипотеза верна и убить меня она не сможет, значит, я мог до нее добраться и проделать с ее мозгами то же, что сделал тогда на старой мельнице. Снял заклинание Радаманта один раз — смогу и снова. Всяко лучше, чем изрешетить ее “Косами”.

Бочком, почти по-крабьи, я незаметно обогнул аудиториумских и уже почти подобрался к ограде, когда мне в бок прилетела мощная “Коса”. А мгновением позже передо мной вырос Денисов.

Твою мать, я и забыл, что он был в одной команде с Ирэн.

— Вот ты где, сученыш, — прошипел он, надвигаясь на меня. Еще и рукава закатывать начал. — Я обещал тебе драку...

Значит, эти зомбари все же сохраняли память и сознание...

Я осклабился. Знал бы Денисов, как я был рад встретиться с ним именно при таких обстоятельствах, когда правила Полигона нас не ограничивали.

Он бросился на меня и уперся в “Покров” — я выставил жесткую силовую стену. Не привычное “желе”, от которого можно было мягко отпружинить, а твердую физическую преграду.

Денисов зарычал.

— Сука графская!

— Сам такой.

Он вскинул руки и зарядил по моему “Покрову” таким мощным “Колобком”, что на долю секунды я аж залюбовался. Наверняка их с Ирккой команда выигрывала, если они вообще успели начать соревнования. По крайней мере в мощи Денисова сейчас сомнений у меня не оставалось. Крепкий парень.

Тем интереснее.

“Покров” загудел, пошел трещинами. Укреплять поврежденное заклинание смысла уже не было. Я воззвал к разрушающему потоку силы, хватанул со всей дури и с размаху зарядил в Денисова очередь белых шаров. Получай в упор, говнюк.

Денисов чудом увернулся от одного, второй прошел по касательной, а третий поглотила его “Берегиня”. Он прыжком преодолел расстояние между нами, пробил собой остатки “Покрова” и повалил меня на землю.

Рыча, пыхтя и скрепя зубами, мы покатались к стене. Он попытался вытянуть руки, чтобы взять меня в хват, но я вывернулся, пнул его локтем под дых. Денисов с хрипом выпустил воздух, но тут же вцепился в меня ногами, не давая встать. Попытка обхватить сзади. Я треснул ему в нос затылком — и его уже пострадавшее от столкновения с “Покровом” лицо залила кровь.

— Недомерок! — ревел он. — Позор дворянства!

Сколько страсти, с ума сойти. Эту бы энергию да в мирный атом...

Рыча от боли, он вцепился мне в шею, стараясь обездвигнуть. Но чуть просчитался — двигаться я мог. Я вцепился зубами ему в руку, прокусил кожу и, кажется, даже вырвал кусок мяса — резьбу у меня сорвало, и глаза застелила красная пелена ярости.

На какой-то миг мне показалось, что я сам попал под безумное влияние Радаманта. Но нет, просто Денисов и правда меня невероятно бесил своей спесивой рожей.

Он по-бабьи завопил. Я вырвался, перекатился на полметра и выплюнул кусок кожи. Денисов схватился за раненую руку.

— Надеюсь, не подцеплю от тебя заразу, — сказал я, поднимаясь на колени.

И обратился к Роду.

“Яви боевую мощь. Яви, дабы защититься и наказать врага”, — попросил я.

Я едва успел перенаправить поток, который едва не разорвал меня на части. Горшочек варил так, что меня самого едва не расщепило на атомы. Почему-то когда дело касалось разрушения, Род не экономил.

Я просто выставил руки — и с пальцев сорвались белые сияющие лучи. Денисов дернулся в мою сторону, но осел, едва они достигли его груди. Забился в конвульсиях, снова рухнул на асфальт, тряс руками и ногами, точно в припадке. Из его рта потекла пена, глаза закатились.

Так, все, хватит. Стоп.

С трудом я погасил поток и осторожно подполз к Денисову. Тот лежал, словно был мертв. Я приложил пальцы к его шее и нащупал слабый пульс. Живой. Подобных козлов просто так не убьешь. К мудакам даже смерть зачастую не торопится.

Но по крайней мере этот теперь не опасен.

Тем временем аудиториумские положили почти всех абитуриентов и студентов, сражение продолжалось между преподавателями. Несколько “наших” старшекурсников тоже пострадали. Не тяжело, но они были ранены. Трое баюкали раненые конечности и пытались наспех залатать повреждения “Живой” и “Мертвой” водами.

Еще один рухнул прямо на моих глазах — к моему удивлению, от руки Ирэн. Живучая барышня, как оказалось. Матильда не зря потратила на ее обучение столько времени.

Ну все, дорогая, пора с этим заканчивать.

Окружив себя “Берегиней”, я бросился напролом. Перелетел через низкую оградку, перераспределил силу на защиту от физического урона и прыгнул на Ирэн. Мне повезло — в этот момент она отвлеклась, чтобы отбить очередное заклинание преподавателя и сделала это изящно: не выставяла блок, а разрешила “Колобок” препода своей “Косой”.

И тут я прыгнул на нее, повалив на мокрую пахнущую прелой листвой землю. Затрещали ветки кустов, которые мы зацепили. Девушка сдавленно охнула, не успев понять, что произошло. И я воспользовался преимуществом.

Обхватив ее голову обеими руками, обратился к ментальному потоку и перенаправил на разум Ирэн. Тут же зачерпнул горсточку из целебного, стараясь обезболить процесс, насколько это было возможно.

— Аааааааа!

Она вопила так высоко, что у меня заложило уши. От страха, от боли, от... отчаяния.

— Пусти! Пустиииии!

Но я держал ее голову крепко. Она забилась в моих руках, ее тело затрясло, руки и ноги словно начали жить своей жизнью, а пальцы и мышцы лица скорчились в спазме. Это мы уже проходили. Сперва над ее мозгом надругался Радамонт, а я усугублял ситуацию, чтобы снять

морок.

— Н-неет, — голос Ирэн сорвался, и она перешла на хрип. Она вся горела, словно кожа раскалилась до предела человеческих возможностей. Казалось, ее кровь сейчас просто закипит. — Не могу... Отпусти... Пожалуйста...

— Прости. Ты должна бороться.

Она закатила глаза, и ее затрясло так сильно, что мне пришлось переместить голову девушки себе на колени. Кто-то подбежал ко мне, попытался что-то сказать, но я просто оттолкнул этого человека и выставил перед собой барьер.

— Не мешать! — рывкнул я, только сейчас осознав, что наорал на лысое превосходительство. — Работаю!

— Аааа....

Ирэн уже не кричала, не хрипела — просто жалобно стонала. А я наконец-то нащупал тот инородный элемент в ее сознании. Но перед тем, как вырвать его с корнем, решил сперва на него посмотреть. Я должен был понять, с чем сражаюсь.

Темный сгусток, похожий на то, как если в стакан воды капнуть чернила. Со рваными краями, неоднородный, но он проник в слои памяти Ирэн и работал на чувствах. Вытащил на поверхность все плохое — всю ненависть, зависть, страхи, боль, ярость... И превратил это в единственное, что она испытывала. Запер все остальное в дальних уголках сознания, оставив только ненависть и агрессию.

— Тихо, тихо девочка моя. Потерпи. Борись, — шептал я, зачерпывая из целебного потока больше и больше.

Слой за слоем я снимал эти эмоции, растворял их в целебном потоке и вытаскивал из ее головы. Действовать приходилось так тонко, что я ощущал себя каким-нибудь нейрохирургом. Одно неверное движение — и я навсегда изменю эту девушку.

И почему-то Род сейчас охотно делился силой. А ведь обычно не то что не допросишься, но приходилось объясняться и уговаривать. Словно источник знал что-то, чего еще не понимал я.

— Держись, Ир. Держись. Бери сколько можешь...

Я снял последний слой. “Чернила”, которые я видел, растворились, и я пустил чистый поток света, вымывая из ее разума остатки чужеродного вмешательства. Менталистка перестала биться в конвульсиях. Ее лоб резко похолодел, словно температура тела мгновенно упала градусов на пять. Лоб разгладился, и она наконец-то смогла глубоко вдохнуть.

— Ир, — позвал я. — Ир?

Она не ответила. Даже не пошевелилась. Я снова воззвал к Роду и попросил дать еще немножко силы.

“Совсем капельку, чтобы ожила. Пожалуйста”.

Я приложил пальцы к ее лбу, пытаюсь согреть ими ледяную кожу. Секунда, другая, пятая...

Ирэн застонала и с трудом открыла один глаз.

— Миш?

— Ага.

— Ты... Ты...

— Все кончилось, — я огляделся по сторонам и увидел, что бой и правда прекратился.

Но тише не стало. Просто грохот и треск заклинаний сменился стонами боли — вечным

спутником работы менталистов. Аудиториумские специалисты приступили к работе. Издалека доносились крики и топот лекарей. Люди бежали с носилками.

— Голова... Болит смертельно.

— Пройдет, — ответил я. — Живая — уже хорошо.

— Что... Что случилось?

— Прошу прощения, ваше сиятельство, — надо мной навис Лысый. — Я должен удостовериться, что с девушкой все в порядке.

— Да, конечно. И прошу прощения за неподобающее обращение, ваше превосходительство.

Лысый кивнул.

— Отчаянным временам — отчаянные меры, — устало сказал он. — Я не в обиде.

Я стащил куртку, свернул валиком и осторожно положил под шею Ирэн. Вряд ли я что-то ей повредил в физическом плане, но голова у нее должна была быть после такого чугунной. Лучше какое-то время даже не шевелиться.

Лысый препод присел возле Ирэн на корточки, сосредоточился и поднес руки к ее голове. Увидев его, внимательно разглядев шевроны и эполеты его мундира, Ирэн изменилась в лице. По всему ее телу пробежала короткая судорога, и она уставилась на превосходительство немигающим взглядом.

— Передай своему хозяину, — низким, чужим голосом сказала она, — Кровь льется за кровь. Род гибнет за род. Дети — за детей.

Лысый препода подошел ближе к Ирэн и уставился ей прямо в глаза.

— Кто? — Он схватил ее за плечи. — Кто велел тебе это передать?

Но девушка лишь удивленно моргнула, испуганно взглянула на преподавателя и попыталась отстраниться.

— Что? Я не понимаю...

Он отпустил ее.

— Ясно. Придется поработать с ней в другой обстановке. — Препода словно завис на несколько секунд — явно отправлял кому-то ментальное сообщение. — Ирина Алексеевна, сейчас за вами придут.

Он поднялся. Ирэн порывалась было тоже встать на ноги, но я усадил ее обратно.

— Посиди пока здесь. А лучше — полежи. Сейчас придут лекари.

— Миш, я в порядке. Побило немного, конечно, но... Просто помоги подняться.

— Сиди! Хватит геройствовать! — раздраженно бросил я. — Что ты, что Сперанский, блин. Сплошная головная боль...

Лысый направился к остальным, и я нагнал его.

— Ваше превосходительство, — обратился я. — Девушка вымотана и тоже пострадала. Ее сейчас нельзя допрашивать!

Он обернулся и смерил меня снисходительной улыбкой.

— При всем уважении, ваше сиятельство, вы еще даже не студент Аудиториума. Все, что случается на Полигоне, проходит под юрисдикцией нашей внутренней службы. Прошу, оставьте эту работу для нас. — И словно желая добавить ложку меда в бочку дегтя, он протянул мне руку для пожатия. — От лица всего преподавательского состава благодарю вас за помощь. Тем не менее прошу в будущем воздержаться от подобного героизма. Вы продемонстрировали великолепный потенциал, Михаил Николаевич. Тем обиднее будет вас случайно потерять.

Я рассеянно пожал его руку, и Лысый тут же переключил внимание на других сотрудников.

Значит, наверняка отчасти поэтому Корф хотел кого-то заслат в Аудиториум. Если вуз расследовал происшествия и преступления собственными силами, не исключено, что кое-то могло и вовсе не выходить за стены этого Хогвартса. Но, видимо, что-то все-таки просочилось наружу, раз Пистолетыч развернул целую спецоперацию по моему поступлению.

Тем временем до нас добежала группа медиков и помощников с отличительными знаками Аудиториума. Я узнал нескольких людей в халатах, которых видел на выходе с Восточного Полигона.

Сперва забрали истекавших кровью и тех, кто был без сознания. Я помог уложить нескольких на носилки. Затем увели “средних” — тех, кто был ранен, но мог передвигаться самостоятельно. Я оказался в последней группе — просто шел сам под присмотром руководившей операцией по спасению седой лекарки.

Обоих Сперанских унесли на носилках. Ирэн тоже уложили. Почти насильно. И Лысый в довершение ко всему приставил к ней конвой.

— Идем! — скомандовала дама в белой шапочке. — Старайтесь не отставать. Если

чувствуете, что не можете идти, сразу говорите.

Не успели мы покинуть пяточок, на котором развернулся бой, как туда уже заспешили уборщики с метлами, ведрами и тряпками — убирать последствия происшествия. Мне это показалось очень странным: ведь обычно место преступления стараются сохранить в первоначальном виде до прибытия криминалистов или как там должна называться аудиторiumsкая служба правопорядка.

Почему Лысый так торопился все убрать? И если в Аудиториуме хотят скрыть подробности случившегося, то как они свяжут языки абитуриентам?

— Ой!

Я остановился и согнулся от резкой боли в голове. Словно в висок воткнули раскаленную спицу. Боль была такой силы, что я едва не упал.

— Юноша! — вскричала медичка. — Что с вами?

Я хватал воздух не в силах ей ответить. Голова горела так, что я не ощущал ничего, кроме этой адской боли. Сила внутри меня тревожно закипала, не зная, как реагировать.

Ко мне кто-то подбежал — но я увидел лишь ноги в ботинках. Кто-то схватил за плечи, удерживая от падения. Перед глазами все поплыло, серый асфальт и желтые листья превратились в грязные пятна...

Стало темно.

Мрак начал понемногу отступать. Откуда-то с периферии сознания доносились голоса: несколько женских — взволнованных, один мужской — спокойный, низкий. Кто-то торопливо куда-то бежал: топот каблуков бил по ушам как набат.

Я осторожно открыл глаза и поморщился. Голова гудела. Дрожащий свет люминесцентных ламп на белом плохо покрашенном потолке.

Осторожно, стараясь не делать резких движений, я повернул голову. Какое-то подобие палаты. Слева, справа и впереди — белые шторы. Я лежал на кровати в собственной одежде — сняли только куртку и ботинки да закатали рукав левой руки, из вены торчала игла катетера. От катетера тянулась трубка капельницы — мешок уже наполовину опустел.

Справа за шторкой кто-то тихо постанывал, и вокруг больного мелькала едва заметная тень медсестры. Слева — видимо в той стороне был то ли пост, то ли вход — переговаривались люди. Судя по площади потолка, помещение было немаленькое.

— Что с Денисовым? — прогудел низкий мужской голос.

— Еще не пришел в сознание, — ответила ему женщина. — Исчерпал резерв, множественные легкие физические повреждения. Перелом лучевой кости правой руки — уже сращиваем. Что с разумом, пока не ясно: менаталисты до его сиятельства еще не дошли.

— Ясно. Как придут, ставьте Денисова первым из студентов. Нам не нужны проблемы с его семьей.

Женщина тяжело вздохнула.

— Есть и более тяжелые...

— Но менее знатные. Вы же понимаете, Ольга Юрьевна... К слову, как Сперанские?

— Братьев сможем отпустить на домашнее лечение — успеем подлатать здесь. А девушку придется транспортировать в стационарный лазарет. Или подержать у нас пару дней.

— Братья в сознании? — уточнил мужчина.

— Да, оба. Готовы перевести в соседнее помещение.

— Хорошо. Пригласите к ним менталистов. Пусть начнут работу по подготовке... К выписке.

Значит, я был прав. Они будут обрабатывать абитуриентов ментально, чтобы держали языки за зубами? Интересно, как именно? Просто сотрут часть воспоминаний или поставят блок, чтобы об этом невозможно было рассказать?

Кто-то приблизился к моему отсеку, и я уронил голову на подушку, закрыл глаза и притворился спящим. Лучше пока не высовываться.

Я услышал движение шторки на карнизе, кто-то заглянул, помедлил несколько мгновений, а затем вышел.

Продолжая лежать с закрытыми глазами, я судорожно соображал, как выйти отсюда, сохранив память. Рано или поздно они поймут, что я очнулся. Или сами меня разбудят — в конце концов, я не особо-то и пострадал. А вырубился наверняка просто от усталости. Да и резерв выскреб до дна.

Притвориться, что ничего не запомнил? Вряд ли поверят и полезут проверять. Поставить блок на память самому? Наверняка сломают. Менталисту уровня Радаманта это бы удалось, но мне — едва ли. Все же я сам до конца не понимал принципа того, что творил с мозгами той же Ирэн. Против обученного менталиста противопоставить нечего.

— Соколов еще не очнулся, — доложил тонкий женский голосок.

Мужчина зашелестел бумагой.

— Как проснется, немедленно доложите. О нем его превосходительство особенно интересовался.

— Что нам сказать родственникам?

— На территорию их все равно не пустят. И пусть этим вопросом занимается администрация, — проворчал мужчина. — Нам не до этого. Могу предложить сообщить, что некоторые абитуриенты пострадали в ходе прохождения испытания, и заботу об их состоянии на себя берет лазарет Аудиториума. К слову, мы не особенно и солжем.

— Хорошо. Передам.

— Спасибо, Юленька.

Снова застучали каблучки — шаги удалялись. Я аккуратно приоткрыл один глаз и попытался встать. Забыл о капельнице и чуть не вырвал иглу резким движением. В голове начинало понемногу проясняться.

Ботинки стояли под кроватью — уже хорошо. Но только вряд ли я смогу уйти незаметно. Перед выходом пост, и просто так меня не выпустят. Еще и паспорта не было — наверняка забрали, когда поместили в палату. Так что даже если уйду сейчас, вычислят и найдут быстро.

Значит, будем действовать в обход.

Отбросив мысли о самостоятельном побеге, я улегся на жесткую подушку и закрыл глаза, концентрируя остатки ментальной силы.

“Вальтер Макарович!” — воззвал я к Корфу. — “Это Михаил Соколов. Вы меня слышите?”

Ответа долго не было. Я тянулся снова и снова, пытаюсь пробиться сквозь вечный магический шум Аудиториума. Врачи трудились над исцелением больных, менталисты чистили мозги абитуриентам, и от всех этих действий фонило так, что я с трудом мог удерживать канал связи.

“Михаил, слышу”, — отрывисто, словно с помехами, ответил Корф.

“Матильда рассказала вам об инциденте?”

“Да”.

“Слушайте меня внимательно. Я в лазарете на Полигоне. Администрация хочет скрыть информацию о случившемся. Всем будут чистить память. Я не смогу рассказать вам всего ментально — не сдюжу”.

“В двух словах?”

“Работа Радаманта. Я видел его на Полигоне. Говорил с ним. Он заставил людей драться друг с другом”, — мышцы лица начало сводить судорогой, а кожа головы стала неметь — признак того, что ментальное общение меня перегружало. Но, стиснув зубы, я продолжил. — “Все уже закончилось. Пострадавшие в лазарете, нас много. Я сделал вид, что еще не очнулся, но они до меня доберутся, и тогда...”

“Я понял”, — оборвал Пистолетыч.

“Что мне делать?”

“Играть в коматозника. Я попробую что-нибудь придумать. Отбой”.

Я шумно выдохнул, когда канал связи разорвался. И тут же заткнул себе рот ладонью — еще не хватало так глупо себя обнаружить. Так, Миха, прикидываемся ветошью. Не палимся, не палимся. И подслушиваем.

Сколько я так пролежал, было непонятно. Часы, как выяснилось, у меня тоже отобрали. Не было ни окон, ни будильников на стене. Ничего. Слово я завис в медицинском чистилище. Лишь пару раз ко мне заходила медсестра проверить, очнулся ли я.

Мне казалось, что время текло невероятно медленно. Из развлечений — периодически менялись постельницы в соседних палатах. Тех, кто пришел в чувство, после небольшого обследования переводили в другое помещение. Вероятно, прямиком к менталистам.

— Что с Соколовым? — снова вопрошал мужчина.

— Спит.

— Будите. Дома отоспится, мне нужны койка в этом зале.

Дерьмо! Ладно, будем импровизировать и тянуть время.

Шторка отодвинулась в сторону, и я, напустив сонный вид, повернулся к вошедшей медсестре. Молоденькая хорошенькая девушка в белом халате и старомодной шапочке с красным крестом. На рукаве — шеврон с гербом Аудиториума, а на груди — брошь с символом Асклепия.

— Очнулись, ваше сиятельство, — натянуто улыбнулась лекарка. — Славно. А то мы уже начали беспокоиться...

— Что в капельнице? — грубо прервал ее я, но тут же вспомнил о манерах. — Извините. Просто не ожидал.

— Неудивительно, — отозвалась девушка. — Пациенты часто пугаются. Вам капают физраствор с питательными веществами. Вы потеряли много сил и были обезвожены. Как сейчас себя чувствуете, ваше сиятельство?

Я пожал плечами.

— Голова болит. Ушибы болят. По ощущениям, словно вагон угля разгрузил в одиночку.

— Это совершенно нормально для вашего состояния. Более того, скажу, что вам очень повезло так легко отделаться, — улыбнулась медичка. — Позвольте вас осмотреть.

Она достала фонарик, посмотрела мне глаза. Затем усилила сияние Благодати в ладонях и обследовала мое тело, уделив особое внимание голове.

— Ничего серьезного, как и ожидалось, — заключила она и убрала фонарик в карман халата. — Вы просто вымотались, ваше сиятельство. Что, опять же, неудивительно. В ближайшие дни вам нужно больше спать, есть больше мяса, красной рыбы и овощей. И, разумеется, никаких нагрузок. Это позволит вашей Благодати залечить повреждения быстрее.

— Почему я тогда потерял сознание? Была резкая боль в голове. Похоже на мигрень но в разы сильнее.

— Обезвоживание недооценивают, — девушка пригрозила мне пальцем. — Вы провели весь день на ногах в боях без еды и воды. Даже такой молодой и крепкий организм, как у вашего сиятельства, может дать слабинку. Если желаете, мы можем исцелить наиболее беспокоящие ушибы и порезы мы для ускорения процесса вашего восстановления.

— Благодарю, я лучше сам, — стараясь вести себя как можно более непринужденно, я улыбнулся. — Дома ведь и стены помогают.

Медичка кивнула.

— Это верно. В таком случае я зову Тимофея Васильевича. Он должен подтвердить вашу готовность к выписке. Подождите минуточку, ваше сиятельство.

Она вышла, оставив проход открытым. Я взглянул на ботинки. Если бежать, то сейчас. Может все-таки попытаться?

Я свесил ноги, наклонился и зашипел от резкой боли. Все же голову так и не отпустило. Жалеть себя времени не было. Нашарив ботинки, я сунул в них ноги и принялся торопливо зашнуровывать.

И в этот момент шаги приблизились.

— Здравствуйте, ваше сиятельство. Я Тимофей Васильевич Ушаков, главный врач лазарета при Полигоне.

Невысокий наполовину седой мужичок с большими залысинами пригладил полы халата и уставился на меня через стекла очков в тонкой оправе. Лекарка протянула ему платншет с бумагами.

— Здравствуйте, Тимофей Васильевич, — отозвался я.

— Вижу, вам не терпится нас покинуть, — он улыбнулся, уставившись на мои ботинки. — Но, боюсь, придется немного задержаться. Если Юлия Аркадьевна права, долго мы вас не продержим. Что последнее вы помните?

Я озадаченно посмотрел ему в глаза. Нет, не менталист. Лекарь. Возможно, с дополнительными специализациями, но я не чувствовал в нем большого ментального потенциала. Хотя это наверняка можно было и скрыть...

— Шел в лазарет. Резко разболелась голова. Упал...

— А до этого?

— Драка... Командный поединок, мы установили флаг. Завизжала сирена. Долго вопила... Нас выводили к выходу...

— И? — главврач выжидающе уставился на меня.

Будем пытаться импровизировать.

— Простите, плохо помню, — растерянно ответил я. — Возможно, мне сильно досталось во время испытаний. Все как в тумане. Вроде кто-то кричал, куда-то бежал... Нет... Прошу прощения, все слишком смутно.

— Кратковременная память немного нарушена. Юленька Аркадьевна, отметьте это, пожалуйста.

— Это страшно? — разыгрывая опасение, спросил я.

— Не думаю. Подобное случается после поединков с менталистами. Память вернется через некоторое время. Беспокоиться не о чем.

— Надеюсь. Выходит, я готов к следующему этапу испытаний?

— Ох, молодежь, — улыбнулся врач. — Вечно жить торопитесь и чувствовать спешите... Пока неизвестно, когда и в каком формате будут проходить следующие этапы. Сперва мы должны убедиться в том, что все выигравшие команды восстановились. На это может уйти несколько дней. В этом году ситуация несколько... нестандартная.

Я спрыгнул с кровати.

— Значит, я могу отправляться домой? Как мне забрать свои личные вещи?

— Их выдадут вам вместе с заключением и рекомендациями. Но сперва, — главврач кивнул в сторону двери в конце коридора, расположенного вдоль ряда шторок, — Юлия Аркадьевна сопроводит вас на итоговую ментальную проверку. Если все будет в порядке, мы немедленно разрешим вам ехать домой.

— Со мной все в порядке, вы же сами сказали, — попытался съехать я.

— Я не специалист по делам ментальным. Нужно убедиться, что менталисты ваших противников ничего не повредили в вашем сознании. К тому же ваша кратковременная память... Быть может, ее сразу и восстановят.

Понятно. Значит, вот под каким предлогом они чистили абитуриентам память. Я шагнул в коридорчик и огляделся по сторонам. Налево — аналог сестринского поста и выход, манящая дверь и лампа с указателем над ней. Направо — дверь к менталистам.

Я замешкался. Главврач тем временем передал планшет с документами молодой лекарке.

— Это займет всего четверть часа, не более, — уговаривал меня врач. — Прошу, Михаил Николаевич, следуйте за моей коллегой...

Нет, я должен был сохранить эти знания. Успеть передать больше Корфу или хотя бы Матильде. Я ведь выяснил, что Радамонт либо поступал в Аудиториум, либо даже там учился — он сам упомянул об этом. Я услышал слова, которые Ирэн передала Лысому. Все это было важной частью мозаики, которая наконец-то начала хоть немного складываться.

Я не мог все это потерять. Не мог.

— Быстрее, ваше сиятельство, — раздраженно торопил главврач. — Нас ждут другие пациенты.

И в этот момент дверь лазарета распахнулась.

Дверная ручка с грохотом ударила о тонкую стену, и мне показалось, даже пол задрожал. В темном дверном проеме возник силуэт высокого человека в плаще. Я замер, гадая, пришло ли спасение или, наоборот, все стало хуже.

Он шагнул вперед, на свет, и я с облегчением выдохнул.

Пистолетыч собственной персоной ворвался в лазарет как ураган. За ним семенил уже знакомый мне помощник Алексеев. И еще один человек в мундире сотрудника Аудиториума — явно взбудораженный появлением представителей Тайного отделения.

— Вальтер Макарович, сюда запрещено входить! — причитал аудиториумский, безуспешно пытаясь преградить Пистолетычу дорогу. — Это медицинское помещение! Лазарет! Сюда нельзя без специального пропуска.

Видимо, этот товарищ уже давно преследовал Корфа, потому как Пистолетыч, не выдержав, раздраженно к нему повернулся так, что полы кожаного плаща взметнулись и подняли ветер. Тайный советник вытащил большую бумагу из внутреннего кармана плаща и, развернув, сунул аудиториумскому чинуше прямо в лицо.

— Читайте! — рявкнул он. — Давайте, ваше благородие. Читайте вслух.

— Сим... Д-документом... Повелеваю его высокопревосходительству Вальтеру Макаровичу Корфу, тайному советнику и сотруднику Тайного отделения, право вести деятельность на всей территории Аудиториума Магико при Петропольском университете Его Императорского Величества... Также повелеваю оказывать Корфу Вэ Эм и его сотрудникам всяческое содействие и не препятствовать перемещению... О боже! Подписано лично его императорским величеством.

Корф спрятал бумагу и уставился на чинушу в упор.

— Ну? У вашего благородия будут еще вопросы или вы наконец-то позволите мне работать?

Чинуша как-то резко сник, приуныл и опустил глаза в пол.

— Я обязан сообщить его превосходительству! Евгений Петрович должен знать...

— Сообщайте, — отрезал Пистолетыч. — Пусть знает. И имейте в виду, что скоро здесь будет сам Долгоруков. Его уже сюда вызвали.

При упоминании фамилии ректора чинуша икнул, побледнел, а затем пошел розовыми пятнами. Да уж, умел Корф поставить всех на уши...

Корф развернулся в сторону коридора, и я подавил желание броситься к нему. Нельзя, чтобы в Аудиториуме выяснили о моей связи с представителями Тайного отделения. Это могло создать препятствия при поступлении. Особенно сейчас, когда Корф уже прибыл сюда. Впрочем, я был готов расцеловать этого хмурого мужика за столь удачное появление.

“Не представляете, как вы вовремя”, — обратился я ментально. — “Меня уже вели на пытку”.

“Старался успеть. Держись рядом, но помалкивай”.

“Вытащите Ирэн. Я вроде бы снял с нее воздействие, но она передала сообщение от Радаманта аудиториумскому. Фамилии не знаю, лысый дядька Евгений Петрович. Кажется, он здесь главный. Возможно, Ирина знает или помнит еще что-то важное”.

“Понял”.

“Они ее охраняют”.

“Пока просто не отходи от меня, позже скажу, что делать. И помни, что у нас здесь нет союзников”.

Я едва заметно кивнул. Впрочем, не был уверен, что и нас с Пистолетьчем можно было назвать союзниками — я все еще не представлял, что за игру он затеял. Однако то, что устроил Аудиториум, да еще и эти попытки так грубо и бескомпромиссно замести следы отвращали меня еще больше.

Корф обратился к засеменившим в его сторону главврачу и лекарке.

— Вальтер Макарович Корф, тайный советник по вопросам применения Благодати Тайного отделения Его Императорского Величества, — представился он.

Главврач кивнул.

— Мы расслышали о ваших полномочиях на территории Аудиториума, однако здесь лазарет. У нас много пострадавших, и ваше появление...

— Мне нужна Ирина Алексеевна фон Штофф.

Главврач нервно огляделся по сторонам.

— Ее нет в этом лазарете. Она под особым надзором, поскольку подверглась серьезному ментальному воздействию...

— Где она? — Рявкнул Корф.

— В третьем... В третьем корпусе. От выхода сразу направо, следующее здание. Но ее нельзя сейчас допрашивать! Идет работа по восстановлению когнитивных функций!

“Эскулап врет”, — сказал я Корфу. — “Она была в порядке и с головой дружила, когда я снял с нее воздействие”.

“Конечно, врет. Они сейчас все будут нести любую чушь, чтобы меня запутать”.

Корф обернулся к Алексееву:

— Отправь людей в третий корпус. Я подойду через десять минут.

Помощник кивнул и тут же вышел, хлопнув разболтавшейся дверью.

— Соколова я забираю на допрос, — распорядился тайный советник.

Глаза врача забегали все беспокойнее.

— Но мы еще не готовы его выписать! Он не прошел ментальную проверку...

— Пройдет позже. Мне нужно отдельное помещение. Любое.

Главврач и лекарка обменялись тревожными взглядами.

— Простите, Вальтер Макарович, это запрещено правилами, — как можно смиреннее и любезнее начала девушка. — У нас будут огромные проблемы, если мы нарушим процедуру лечения. Мы ведь отвечаем за абитуриентов, пока они находятся на территории Аудиториума. Если с его сиятельством что-то случится...

— Валите все на меня, — отрезал Корф. — Свободное помещение. Я жду. Иначе огромные проблемы у вас начнутся гораздо раньше.

— Все будет в порядке, — улыбнулся я, стараясь усыпить бдительность врачей. — Проблем ни у кого не будет. Я ведь все равно почти ничего не помню. Может ваши аудиториумские менталисты и смогут что-то вытащить...

Главврач сдался.

— В конце коридора направо есть процедурная. Она пока пустует, — он понизил голос. — Но, молю, быстрее. У меня действительно будут большие проблемы с администрацией, если выяснится, что мы позволили вам допросить не прошедшего ментальную проверку абитуриента.

Корф кивнул.

— Большое спасибо. Мы поторопимся.

Он буквально вытолкнул меня вперед по коридору и затащил в каморку. Воздух тут же задрожал, а затем я ощутил, как вокруг нас возник непроницаемый купол. Корф пытался избавиться от “прослушки”. Правда, я не был уверен, что в Аудиториуме это сработает надолго.

— Жив, цел, все помнишь? — безотлагательно начал он.

— Да. Ирина...

— Если она в Третьем корпусе, то так просто до нее не добраться. Но я смогу. Сперва позаботимся о тебе. Я вынужден попросить тебя пройти процедуру.

Я вытаращился на Корфа.

— Но вам нужно записать мои показания, чтобы они имели силу...

— Еще важнее, чтобы твоя личность не вызвала подозрений у приемной комиссии. Мы и так здорово рискуем, уединившись здесь. Надеюсь, лекари станут молчать — это и в их интересах.

— Так что тогда делать?

Корф вытащил из глубокого кармана плаща маленький мешочек и протянул мне.

— Бери.

— Что это?

Я ощупал его. Бархатный, туго завязанный на несколько узлов. Внутри перекатывалось что-то маленькое и гладкое. Круглое.

— Око? — Спросил я.

— Нет. Специальный артефакт для записей воспоминаний. Пока не открывай, — предупредил он, заметив, что я начал развязывать узлы. — И слушай меня внимательно.

— Готов. Так как он работает?

— Это изобретение артефакторов нашего Отделения. Вещица редкая, сложная и дорогая. Выдувается из особого стекла и позволяет перенести в нее воспоминания. И просмотреть их позже.

— Как флэшка? — уточнил я.

Корф меня явно не понял.

— Как что?

— В моем мире в компьютеры можно вставить флэш-накопители. Записать туда данные и переносить с компьютера на компьютер. Вроде того?

Пистолетыч кивнул.

— Именно. Одна беда — вмещают они немного. Этого шарика хватит только на запись небольшой сцены из жизни. Или нескольких коротких воспоминаний. Я хочу, чтобы ты перенес на этот артефакт воспоминания о том, что случилось на Полигоне. Самое важное. Встречу и разговор с Радамантом, воспоминания о побоище, о том, как приводил Ирэн в порядок. Я заберу шар, и после этого отправляйся на процедуру. Так мы сохраним твои воспоминания и не вызовем подозрений.

Звучало как план, но все равно казалось мне сложноватым.

— А может вы меня просто заберете? — предложил я.

Тайный советник с сожалением покачал головой.

— Мне нужно, чтобы они были в тебе полностью уверены, — сказал он. — Придется сыграть по их правилам, чтобы они от тебя отстали. Твою память либо сотрут, либо заблокируют. Если сотрут, ты частично восстановишь ее посредством артефакта.

— А если поставят блок? Артефакт поможет?

— С этим будет сложнее. Аудиториумские менталисты в этом чудо как хороши. Но и в этом случае можно попробовать что-нибудь придумать.

— И как пользоваться шариком?

— Он впитывает информацию того, кто держит его в руках и соприкасается с ним кожей. Активируется, когда прикасаешься, поэтому я просил не открывать раньше времени. Развяжи мешок, возьми шарик в руки и сосредоточься на тех воспоминаниях, которые хочешь записать. Старайся не думать ни о чем лишнем. Приступай.

— Сейчас? Хотя да, когда еще будет время...

— Торопись. Нас хватятся, да и доктора не смогут скрывать мое присутствие вечно. И здесь тяжело держать купол. Так что, пожалуйста, пошевеливайся, Михаил.

Я осторожно развязал оставшиеся узлы и вытряс шарик в ладонь. Он оказался совсем небольшим, не больше перепелиного яйца. Стекло было прозрачным, без каких-либо оттенков.

Спрятав шарик в ладони, я закрыл глаза и сосредоточился на воспоминаниях. Вспомнил, как увидел Радаманта, сидевшего на груди камней посреди Полигона. Вспомнил все, что он мне говорил — в том числе и упоминание о том, что он уже бывал на этом месте. “Записал” свои догадки о том, что он мог быть абитуриентом или студентом Аудиториума. Добавил воспоминание о гибели Воронцовой — и о том, что ее фамилия тоже была в списке Радаманта.

Концентрироваться становилось сложнее, но я постарался отфильтровать воспоминания о бегстве Сперанского, нашей драке и сосредоточился на битве с зазомбированными людьми. Только сейчас осознал, что все-таки они вели себя по-разному. Кто-то был совсем похож на зомби, словно лишился воли. А иные могли разговаривать и сохраняли воспоминания. Мне это показалось важным, и я занес свои мысли в шарик.

И последним записал мою попытку снять воздействие с Ирины — как вычищал ее сознание, как думал, что обо всем позаботился — и то, как она внезапно изменилась, передавая послание Радаманта лысому Голицыну.

Вроде все...

— Готово, — я открыл глаза, упаковал артефакт в мешочек, тщательно завязал на три узла и передал Корфу. Пистолетыч тут же спрятал артефакт. — Надеюсь, сработает.

— Сработает, куда денется. Я давно пользуюсь такими штуковинами. Полезные безделушки.

— Вытащите Ирину, пожалуйста. Это важно.

— Не менее важно для меня, чем для тебя, — отозвался тайный советник. — Матильда не простит, если ей причинят вред.

И я не прощу. Ни Аудиториуму, ни Корфу. Ирина — едва ли не единственная, кто оказалась замешана во всех этих интригах без вины. Но регулярно страдавшая от этого.

— Еще один момент, Михаил. Я должен просить твоего разрешения на время забыть об этом разговоре. И об артефакте. Потом все верну, обещаю.

Я мрачно усмехнулся и шагнул ближе, подставляя голову.

— Понимаю. Делайте, что должны.

— Взрослеешь, Соколов, — внезапно тепло, по-отечески улыбнулся Корф.

И мою голову сжало тисками. Первые несколько мгновений эта боль казалась нестерпимой, но с каждой секундой мука отступала, становилась менее заметной. Затем на

миг в глазах что-то вспыхнуло, и я устался на Корфа.

— Простите, что не смог рассказать многого, — виновато улыбнулся я. В голове было удивительно легко и пусто, словно меня накачали легким наркозом.

Корф удовлетворенно улыбнулся.

— Ничего страшного, Михаил Николаевич. Мы еще будем допрашивать остальных абитуриентов. На данный момент вы свободны. Благодарю.

— Тогда я пошел на процедуру. До свидания.

Я вышел и не мог отделаться от странного ощущения, словно забыл о чем-то важном. Но никак не мог вспомнить, о чем именно. Но раз забыл, значит, ничего критичного. Тело переполняла легкая эйфория, и я вернулся к лекарям, сияя позитивом.

— Мы закончили. Я готов к проверке, — улыбнулся я.

Лекари странно на меня посмотрели, но вопросов задавать не стали.

— Прошу за мной, ваше сиятельство, — Юлия Аркадьевна повела меня вперед по коридору. По дороге я столкнулся с Корфом — тайный советник направлялся к выходу из лазарета.

— До свидания, ваше сиятельство, — кивнул он. — Благодарю за сотрудничество.

Девушка распахнула передо мной дверь и пропустила вперед.

— Прошу сюда.

Мы очутились в небольшом помещении, где за столом сидел невзрачной, но приятной наружности мужчина средних лет в немного старомодном твидовом костюме. Темные волосы были зализаны назад, на лацкане пиджака красовался значок Аудиториума.

— Михаил Николаевич Соколов, — представила меня лекаря и протянула менталисту планшет со сведениями обо мне. — Прибыл на ментальную проверку. Мы готовы выписывать его сиятельство. Все рекомендации перечислены в документах.

Мужчина кивнул и жестом пригласил меня пройти дальше.

— Здравствуйте, ваше сиятельство. Черновский Олег Романович, менталист Аудиториума. Юлия Аркадьевна, благодарю. Дальше мы сами.

Девушка скрылась за дверью, напоследок метнув на нас тревожный взгляд, а я неловко перемался с ноги на ногу.

— Как обстоят дела с вашей памятью, Михаил Николаевич? — спросил менталист. — Прошу, присаживайтесь в кресло. Процедура займет совсем немного времени.

— С памятью... Вроде неплохо. Хотя все, что происходило на Полигоне и после испытаний помню не очень четко, — виновато улыбнулся я. — Нам попались очень сильные соперники, и их менталист нас не щадил. Даже “Шлем” легко пробивало...

Черновский понимающе улыбнулся.

— Да. Признаюсь, на вашу команду немногие делали ставку. Однако вы нас удивили, и удивили приятно. Значит, жалуетесь на смутные воспоминания?

— Да. Все немного как в тумане. Столько всего происходило...

— Что ж, позвольте мне коснуться вашего разума и проверить, не была ли повреждена ментальная структура.

Он потянул ко мне руки, но я отшатнулся.

— А это больно?

— Не так приятно, как “Алконост”, но и не так отвратительно, когда к вам в голову

вламываются без разрешения. Собственно, потому я и прошу вас позволить мне...

Я пожал плечами и чуть расслабился, хотя сила внутри меня протестовала. Пришлось уговаривать ее не вставать на мою защиту.

— Я готов и очень хочу домой, — улыбнулся я.

Что-то неправильное... Было во всем этом что-то неправильное... Но я не понимал, что. Ай, и ладно. Может и правда слишком много по голове били на Полигоне и после.

Черновский приложил пальцы к моему лбу, я ощутил прикосновение чужеродной силы — и правда, гораздо мягче, чем я ожидал. Но вдруг что-то внутри черепа заворчалось, заскрежетало, сопротивляясь действиям менталиста.

Он оторвал руки и удивленно моргнул.

— Что-то не так? — Невинно улыбнувшись, спросил я.

— Нет-нет... А хотя... Вот я балда! Прошу прощения, ваше сиятельство. Не подумал, что ваша сила имеет иное происхождение. С ней нужно работать немного иначе. Минуточку... Позвольте!

Он снова прикоснулся ко мне, и на этот раз ощущения были иными. словно голову обхватило стальным обручем, и он начал сжиматься, проникая сквозь кости черепа, и уменьшался до тех пор, пока не превратился в одну точку внутри головы.

— Вот и все! — довольный, менталист оторвал от меня руки и отстранился. — Все в порядке.

— Значит, повреждений нет?

— Нет, вы просто переутомились и готовы к выписке. Но советую соблюдать рекомендации врачей и больше отдыхать и лучше питаться. Завтра будете как огурчик.

Я покинул его кабинет, и на выходе, уже у поста, мне вернули куртку, часы и паспорт.

— Вот, возьмите, — Юлия Аркадьевна сунула мне в руки записку. — Это от тайного советника. велел вам передать, когда вернетесь.

— Спасибо...

Я озадаченно развернул клочок бумаги.

“Третий корпус. У входа”.

Попрощавшись, я направился напрямик туда. Сверился с указателями, хотя и это было лишним. На крыльце уже стояли Корф, Алексеев и...

— Ира! — я бросился к ней, но Пистолетыч меня остановил. Только сейчас я понял, что он был мрачнее обычного.

— Мы опоздали, — сухо сказал он и вручил мне маленький мешочек. Кажется, где-то я его уже видел... — Возьми в руки и считай воспоминания. Ты нужен мне в полном порядке.

Ирэн хлопала ресницами и глуповато улыбалась, словно была немного не в себе. Казалось, она даже не сразу меня узнала. Если вообще обратила на меня внимание.

Я осторожно извлек шарик из мешочка, и поток воспоминаний едва не сбил меня с ног.

Ух ты ж черт!

Мозаика складывалась, я словно обрел недостающую частичку, потеря которой зудела у меня в голове.

— Вспомнил? — спросил Корф, внимательно наблюдавший за мной.

— Ага...

— Отлично.

— Значит, ей стерли память?

— Заблокировали. Работа второго ранга. Мощный ей попался специалист.

— И что делать?

— Снимать блок, — тихо отозвался Корф. — Во всей империи есть только один род, способный своей силой и перебить такую работу. Был когда-нибудь во дворце?

Я ошарашенно вытаращился на Корфа.

— Во дворце? В Зимнем?

— Тише, — оборвал меня Пистолетыч и тут же продолжил, используя ментальную связь.

“Выведи Ирину за ворота. Там вас встретит Матильда. Дождитесь меня за территорией”.

“Хорошо”, — ответил я и взял подругу за руку.

— Идем, Ирин. Здесь нам сегодня делать уже нечего.

— А где Сперанские? — удивленно хлопала ресницами она. — А ты, Миша... Вы победили? Прости, голова словно ватная...

— Мы с Колей — да, победили. Сперанских еще не отпустили. А вы, как я понял, выступали против команды Поли и Бори?

Ирэн печально кивнула.

— И победили их. Обидно... Не учиться нам вместе.

— Ну, может в следующем году им повезет больше.

— Надеюсь. Они очень славные ребята, да и Поля станет отличным артефактором. Мы с ними тоже заранее договорились, что биться будем честно и пощады друг другу не дадим... — девушка медленно брела, шурша сухими листьями. — Просто я настолько к ним привыкла... И как представляю, что в Аудиториуме буду без них, как-то не по себе становится.

— Ты не обольщайся, — улыбнулся я. — Это было только первое испытание. Впереди еще два. И если они будут такими же непростыми, как и первое, то у нас много шансов не пройти.

— Ты прав. Но все равно сегодня я праздную победу. Я сама подняла флаг! Представляешь, первой добежала. Ух, как они по мне палили... Воот такенными “Колобками”!

Она вытаращила глаза и показала руками размер вражеских заклинаний. И едва не споткнулась о поребрик.

— Так, осторожнее! Обрато тащить тебя в лазарет я не хочу.

Походка Ирки была нетвердой, словно каждый шаг давался девице с большим трудом. Я предложил ей руку, и она с готовностью ухватилась за мой локоть.

— Прости. Что-то я после всего этого не в форме...

— Еще бы, — отозвался я. — Всем сегодня досталось.

И Сперанским — особенно. Впрочем, у меня был еще один повод немного собой гордиться: отмудохал Денисова по полной. Жаль, прибить не мог. И жаль, что он не запомнит этого возмездия. Чую, придется навалить ему снова, потому как этот козел не остановится в своих издевательствах. Знаю я таких.

Занимая Ирку пустой болтовней, я довел нас до выхода. Уже давно стемнело, и нам приходилось ориентироваться только по указателям да рядом фонарей вдоль дороги. К контрольно-пропускному пункту медленно стекался ручеек отпущенных абитуриентов, и чем ближе мы подходили к воротам, тем плотнее становился людской поток. Все явно прошли ментальную обработку — больно уж характерные пустые глаза и усталые лица у них

были.

Неужели я остался единственным, кто смог что-то запомнить? Звучало и ощущалось как-то жутковато.

Наставница ожидала нас, прислонившись к капоту автомобиля. В одной руке вечный мундштук с вишневой сигариллой, во второй — стаканчик с кофе.

— Матильда! — взвизгнула Ирэн раскинула руки в стороны и бросилась к тетке, едва мы прошли последний КПП Полигона. Наставница едва успела поставить кофе на крышу. — Моя команда победила! Спасибо, спасибо, спасибо!

— Я и не сомневалась в тебе. Ни на мгновение. Ты же у меня молодчина.

Баронесса стиснула воспитанницу в объятиях и вопросительно взглянула на меня поверх ее головы.

“Прошел?” — прозвучал ее голос у меня в голове.

“Ага. Повезло. Мы с Ирэн были на разных Полигонах”.

“Это я уже поняла. Поздравляю с первым этапом. Где Вальтер?”

“Велел ждать его здесь. Кажется, нас сегодня ждет еще одно приключение”.

Матильда нахмурилась и ничего не ответила. Я ощутил, как оборвался канал связи. С усилием оторвав от себя любвеобильную племянницу, баронесса открыла дверь автомобиля.

— Полезайте, согреетесь. Голодные?

Черт. А я ведь и правда и маковой росинки в рот не взял с самого завтрака. Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

— Слона готова съесть, — кивнула Ирка.

— С радостью присоединюсь к трапезе, — добавил я.

Баронесса улыбнулась.

— Тогда полезайте на заднее сидение. Там для вас припасен гостинец, — она пригрозила Ирэн пальцем. — Сильно не налегай. Фастфуд сегодня только в порядке исключения! В округе ничего другого не было.

Интересно, был ли в этом мире “Макдональдс”? Или “Бургер Кинг”...

Но что бы ни припасла для нас наставница, по радостному возгласу Ирэн я понял, что это было вкусно.

— Миша, давай сюда, — поторопила подруга, шурша бумагой. — Иначе сама все съем. Боже мой, картошка жареная... Газировка! Бургеры! Ааааа!

Я не сдержал улыбки, видя, как обрадовалась Ирка. Ну точно как первоклашка, которому попалась желанная игрушка в “хэппи миле”. Может, конечно, мозги у нее еще не встали на место после обработки, но было приятно видеть, как близкий человек был искренне счастлив. Пусть и ненадолго. Пусть и от простой плебейской еды, запрещенной высокородным отпрыском.

В конце концов, Ирка сегодня вырвала зубами свою победу. Ведь перед тем, как началось то безумие, они успели завершить поединок. Так что можно было праздновать, пока не вернулся Корф и все не испортил.

Я не успел завалиться на заднее сиденье, как Ирэн уже протянула мне маленький бумажный сверток.

— От сердца отрываю. С курицей. Мой любимый, — сказала она. — Жаль, картошка остыла. Холодная не такая вкусная...

Я осторожно развернул бумагу и пригляделся к логотипу. “Курочка Ряба” — прочитал я и уставился на логотип в виде веселой курицы в переднике. Понятно. Что ж, пора изучать

культурно-гастрономические аспекты этого мира. Раз уж я тут застрял навсегда...

Ирка тем временем заточила два бургера, половину картошки, смешно вымазалась в соусе и теперь булькала газировкой через трубочку.

— Счастье есть, — погладив себя по животу, она откинулась на спинку сидения и уставилась на меня. — В последний раз Матильда водила меня в “Рябу” много-много лет назад... Почти сразу после похорон родителей. Я тогда маленькая была, еще не до конца понимала, что такое смерть. Но запомнила, что это было очень вкусно. Грустно и вкусно.

“Грустно и вкусно” — мда, слоганы ей лучше не придумывать.

Я торопливо пропылесосил все, что осталось в пакете после Иркиного нападения на еду. Обычно она ела совсем немного — блюла фигуру, но тут разошлась по полной. Заточив последнюю холодную картофелину, я забрал газировку из рук Ирки. Сделал глоток...

И просиял.

Да это же был один в один “Тархун”! Вкус детства... Тысячу лет его не пил — все кола да пиво... Чудны дела твои, Господи.

Матильда постучала в стекло и кивком велела нам выйти.

Покидать уютную теплую машину не хотелось, да и после плотного ужина меня разморило и начало клонить в сон. Организм бросился переваривать с таким остервенением, что, казалось, все остальные обменные процессы остановились.

Но появление Корфа несколько меня взбодрило.

Пистолетыч обменялся долгими взглядами с Матильдой — видимо, сообщал ей что-то по ментальному каналу. Наставница нахмурилась, бросила взгляд на Ирэн и закурила.

— Это срочно? — спросила она вслух.

— Боюсь, что да. У нас мало времени. И лучше все сделать сегодня.

— По-твоему одна ночь что-то изменит?

— Возможно, — уклончиво ответил ей Корф. Я не понимал предмета их разговора, но подозревал, что Матильда не хотела отпускать Ирэн на ночь глядя... во дворец.

— Темнишь, Вальтер, — баронесса выпустила тонкую струйку дыма, стараясь не выдыхать на нас с Иринкой. — Что опять затеял?

— Прости, Мотя, пока сказать не могу, — Пистолетыч кивнул на нас. — Но сия юная поросль увязла в этом по самые уши.

— Раз так, я еду с вами, — безапелляционным тоном заявила Матильда. — Заберу ребят после того, как все закончится. Мне будет спокойнее.

— Мотя...

— Не обсуждается!

Я икнул от неожиданности. Да уж, нечасто увидишь, как самого Корфа чехвостит хрупкая красотка. И при этом когда Корф позволяет ей это...

Ладно, не мое дело.

— Тогда по машинам, — распорядился тайный советник. — Михаил, едешь со мной. Нужно переговорить. Ирина — с Матильдой. Пусть поспит в дороге, ей пригодятся силы.

Словно подтверждая его слова, Ирэн сладко зевнула.

— А я и не против. Так спать охота...

Я последовал за Пистолетычем к уже знакомому мне серому седану. На этот раз вел сам Корф, на переднем пассажирском устроился его помощник, а мне достался весь задний ряд. Не спрашивая, я стянул ботинки и забрался на сидение с ногами. Лежать под капельницей было приятно, но спокойнее как-то в машине, под присмотром Пистолетыча.

Когда мы тронулись, я поднял голову. Автомобиль несся по трассе в сторону Петрополя, за окном мелькали фонарные столбы и силуэты домов.

— Неужели едем в Зимний? — спросил я.

Тайный советник фыркнул, и я увидел его снисходительную улыбку в зеркале заднего вида.

— Нет, разумеется. При всем уважении к моим заслугам, если я появлюсь там второй раз за сутки, это едва ли вызовет удовольствие Его Величества.

— Значит, вы и правда туда вхожи? Ну, к императору.

— Конечно. Иначе как бы я получил бумагу, которой утер нос Аудиториуму, чтобы вас вытащить и поднять немного шума? Гость я там нечастый, обычно отчитываюсь перед другими представителями августейшей фамилии. Тем не менее бывают поводы напомнить о себе и Алексею Константиновичу.

— Тогда к кому мы едем и в какой дворец? — не унимался я.

— В Ново-Александровский на Дворцовой набережной. К Великому князю Александру Константиновичу.

Я тут же принялся судорожно вспоминать разветвленное генеалогическое древо Романовых. Кажется, Александр Константинович приходился младшим братом царствующему императору... А вот где он жил, я не знал — не успел далеко продвинуться в изучении таких подробностей. Надо бы, учитывая, как все начало поворачиваться...

— И он нас примет? Так просто?

— Его Императорское Высочество уже дал согласие. Нас ждут.

А вот это было интересно. Нет, я подозревал, что Корф был вхож в высокие круги столичного общества. Но чтобы он был на короткой ноге с самими Романовыми... Или все дело было в Аудиториуме?

Я поделился размышлениями с Корфом, на что он, все так же не отрываясь от наблюдения за дорогой, ответил:

— Начну издалека, поэтому получится слегка поверхностно. Тем не менее кое-что в голове у тебя уложится. Насколько ты знаешь, род Романовых — весьма обширен и разветвлен.

— Да, конечно.

— Все ядро их рода — сплошь обладатели Первого ранга Благодати. Нужно объяснять, почему?

— Потому что они владеют самым большим Осколком.

— Все верно. Технически они владеют целыми двумя Великими Осколками — и Петропольским, и Константинопольским. Просто Романовых — две ветви, которые весьма хитрым образом переплелись около ста лет назад. Тем не менее оба Великих Осколка поддерживают их силу на беспрецедентно высоком уровне. Это не тайна. Я просто разжевываю для тебя, поскольку ты у нас новенький.

— Спасибо, — съязвил я. Мог бы и не напоминать лишний раз. Впрочем, Алексеев и так был в курсе. И я очень надеялся, что Пистолетыч поработал над свзыванием языка своего помощника.

— И поскольку страна огромна, земель множество, а интересы населения серьезно различаются, приглядывать приходится даже за теми, кому Романовы доверяют контролировать те или иные процессы, — продолжил тайный советник. — Императорская фамилия распределяет обязанности по надзору за работой различных органов и структур

между членами семьи. Великая княгиня Ксения Алексеевна, старшая сестра правящего императора, надзирает за работой Аудиториума.

— Но мы едем не к ней...

— Именно. И почему, пока говорить не буду. Сам догадаешься.

— У меня много предположений, — улыбнулся я.

— Немного помогу намеками. Аудиториум был учрежден императорской фамилией и содержится ее на деньги. Разумеется, есть масса фондов для добровольных жертвователей, и даже существует попечительский совет, в который входят выдающиеся представители дворянства...

— Но курирует Аудиториум императорская семья.

— Верно. Точнее, Ксения Алексеевна, даруй господь ей здравие.

— И, судя по тому, что творится в Аудиториуме, либо Ксения Алексеевна чего-то не знает о происходящем, либо...

— А вот на этот моменте я предлагаю тебе умолкнуть, — резко оборвал меня Корф. — Молодец. Сообразительный парень.

Я откинулся назад, приложив холодные ладони к лицу. Ну и ну... То, что императорская семья должна была запустить руки в самые важные институты государства, не просто справедливо, но и логично. Я бы и сам на месте императора поставил кого-то из близких приглядывать за структурой вроде Аудиториума — слишком уж высокая концентрация одаренных на квадратный метр. А в университетах, как известно, всегда происходит брожение умов. И не всегда удобное для власти.

Тем не менее что-то Ксения Алексеевна забила здоровенный болт на свои обязанности. Или положила этот болт намеренно. И тогда интересно, зачем.

Видимо, до поры до времени удавалось сохранять видимость того, что на Каменном острове все было в пределах нормы. И все же что-то вылилось. В таком случае становилось понятно, почему привлекли Корфа и почему он начал работать тайно. Если его задание было “внутренним” заказом Романовых, чтобы в том числе проверить добросовестность их же члена семьи...

Ух, блин.

Не думал, что мысли о разборках с Радамантом после всего этого окажутся для меня более приятными. Но по сравнению с внутренними разборками в императорской семье перспектива снова пообщаться с косоликим почему-то начинала мне даже нравиться.

“Позже объясню все подробнее”, — прозвучал у меня в голове голос Корфа. — “Пока свои соображения держи при себе”.

“Значит, мы едем к Александру Константиновичу, потому что он дал вам поручение?”

“Позже, Михаил”.

В какой-то момент я отключился, и сон показался мне кратким мгновением. Проснулся я, когда наш автомобиль затормозил на набережной. Отсюда открывался роскошный вид на Неву, Петропавловскую крепость, мосты... Да что уж там, вид был как с открытки. Знакомый, родной, но все же неуловимо иной.

— Выходим, — распорядился Корф.

Ново-Александровский дворец прямо-таки дышал вычурностью. Главный фасад выходил на Дворцовую набережную — как раз с этой стороны мы и подъехали. И даже при одном беглом взгляде на резиденцию у меня глаза разбежались от великолепия. Здание выкрасили в истинно петербургский серый цвет, пышно оформили мрамором, лепниной на

фронтонях, балюстрадой и декоративными вазами.

На уровне третьего этажа между фигурами кариатид располагался мраморный великокняжеский герб. А по бокам — монограммы Александра Константиновича, которые поддерживали статуи в лавровых венках.

Центральный вход украшали ажурный козырек и кованые решетки, опиравшиеся на витые столбы с фонарями — причем свет их был не желтым, а бледно-голубым, отчего дворец казался немного сказочным. Словом, резиденция, достойная императорской фамилии. И я почувствовал себя так, словно стоял перед входом в музей.

Матильда припарковалась следом, и Штоффы подошли к нам. Корф и наставница снова обменялись долгими взглядами — очевидно, о чем-то договаривались, и Матильда кивнула.

— Жду вас здесь, — сказала она и полезла в карман за портсигаром.

Ирэн оглядела свой наряд и охнула.

— Как же я к Его Императорскому Высочеству в таком виде...

— Об этом не беспокойтесь, — отозвался Корф. — Сам Александр Константинович... как бы сказать... несколько эксцентричен. Один из немногих Романовых, кто действительно даже не обратит внимания на ваш внешний вид.

Мы развернулись к роскошным двустворчатым дверям с витражным стеклом. Алексеев посторонился, пропуская Корфа вперед. Пистолетыч положил руку на молоток в виде головы льва с бронзовым кольцом в пасти и несколько раз ударил кольцом. Судя по его отстраненному виду, в этот момент он сообщал о нашем прибытии не только стуком.

Не успел тайный советник отнять руку от молотка, как двери распахнулись. На пороге возник вышколенный лакей с явно офицерской выправкой.

— Доброй ночи, господа, — с сильным немецким акцентом произнес слуга. — Добро пожаловать в Ново-Александровский дворец.

Войдя, мы прошли через двойной ряд дверей, установленных еще в старые времена для сохранения тепла, и попали в просторный вестибюль — его также называли приемным залом.

Первым делом мне в глаза бросилась мраморная парадная лестница, выполненная столь изящно, что, казалось, ступени парили в воздухе. Приемный зал украсили колоннами и пилястрами из серого гранита. На втором этаже одна из стен лестницы была стеклянной, и сквозь неё был виден ярко освещенный зимний сад.

Нас уже встречали. Усатый мужчина средних лет в винно-красном костюме с достоинством вам поклонился, и выстроившиеся в шеренгу трое лакеев в винных ливреях вторили ему.

— Добрый вечер, Вальтер Макарович. Мы счастливы приветствовать вас и ваших спутников в резиденции Его Императорского Высочества. Разрешите представиться. Всеволод Федорович Мазурин, дворецкий Его Императорского Величества, — мужчина в винном костюме жестом велел лакею подносом в руках подойти ближе к нам. — Вы можете оставить свои карточки здесь для того, чтобы я представил вас Александру Константиновичу.

Мы с Ирэн растерянно переглянулись. Разумеется, никаких карточек при нас не было: все же собирались на маленькую полигонную войну, а не на светский раут.

Корф, решив нас спасти, выступил вперед.

— Это спонтанный частный визит, Всеволод Федорович. Боюсь, мои спутники оказались к нему не готовы. Прошу, доложите также о прибытии Михаила Николаевича Соколова, сына графа Николая Владимировича Соколова, и Ирины Алексеевны фон Штофф наследницы баронессы Матильды Карловны фон Штофф. Мой ассистент не будет присутствовать на аудиенции.

Когда нас называли, мы поочередно кивнули. Ирэн тайком схватила меня за руку.

“Что-то мне страшно”, — донесся ее голос в моей голове.

“Не волнуйся, мы не агнцы на заклятие. Все будет хорошо”.

“Но мне ведь даже не объяснили, зачем я здесь! Матильда молчала всю дорогу”.

“Узнаешь”.

Дворецкий снова поклонился, затем подозвал одного из лакеев, что-то ему прошептал, и тот, поклонившись, вышел из зала. Остальные слуги подошли к нам и помогли снять верхнюю одежду. Алексеев остался в приемном зале, а нас дворецкий пригласил пройти дальше.

— Насколько я помню, юные Михаил Николаевич и Ирина Алексеевна впервые наносят визит Его Императорскому Высочеству, — скорее утверждал, нежели вопрошал дворецкий.

— Да, — отозвался я. — Впервые.

— В таком случае я должен напомнить некоторые основные правила. Вы можете обращаться к Его Императорскому Высочеству по данному обращению, также допустимо обращение “милостивейший государь”. При встрече дамам рекомендуется сделать реверанс, — он скользнул взглядом по не блиставшим чистотой брюкам Ирэн. — Впрочем, сегодня это необязательно. Вашему сиятельству и вашему благородию будет достаточно поклона. Беседу начинает хозяин резиденции. Разговаривать и садиться без его разрешения

не рекомендуется.

Какое там не рекомендуется — запрещено! Кое-что об этикете я все же помнил, да и Матильда немного поднатаскала.

— Благодарю за наставления, — улыбнулась Ирэн.

В ней-то я вообще не сомневался. В отличие от меня, Ирина обладала безупречными манерами. По крайней мере на публике. В Лебязьем порядке были куда более человечными. А Фрося рассказывала, что в последние пятьдесят лет требования к этикету здорово снизились.

— Его Императорское Высочество в данный момент наверху. Я провожу вас к нему.

Лестница вела на второй этаж, к анфиладе парадных помещений. Поднимаясь по ступенькам, мы с Ириной не могли оторвать глаз от вида зимнего сада — настоящее царство стекла и экзотической зелени.

— Какая дивная красота! — не удержавшись, воскликнула девушка.

Дворецкий польщенно улыбнулся.

— Его Императорскому Высочеству будет приятно узнать, что вас впечатлила работа его покойной супруги. Эта оранжерея — личный проект, отдушина Алисы Федоровны, упокой Господь ее душу.

— О... Я наслышана о той драме. Прошу, примите мои соболезнования. Тем не менее память, увековеченная в столь прекрасной работе, должно быть, утешает Его Императорское Высочество.

Дворецкий кивнул.

— Полагаю это так, ваше благородие. Прекрасная была женщина. Воплощение добродетели и милосердия. После ее гибели милостивейший государь был безутешен и лишь несколько лет назад нашел интерес в покровительстве искусствам...

Корф шел молча, погруженный в свои мысли. Быть может, даже параллельно с кем-то общался. Наконец мы преодолели последний пролет и очутились на причудливо отделанном холле. Дворецкий тут же повел нас дальше.

— Прошу сюда, милостивые господа, — он указал на распахнутые двери. — Его Императорское Высочество нынче пребывает в Зеленем зале.

Двигаясь друг за другом, мы вошли в помещение, размеры которого поражали воображение. Потолки здесь были украшены позолоченной лепниной. Наборные паркетные и двери изготовили из разных ценных пород дерева. Над гигантским мраморным камином повесили заключенные в резные рамы зеркала.

— Это банкетный зал, — пояснил дворецкий. — Ныне пустующий, однако примечательный убранством. Работа самого Виноградова. Один из немногих его проектов, дошедших до потомков в первоизданном виде.

Я пропустил мини-лекцию мимо ушей, захваченный созерцанием всего этого великолепия. Зал был двусветным — на нижнем ярусе должны были размещаться столы, а с верхних галерей третьего этажа можно было наблюдать за гостями. Сейчас помещение пустовало, однако паркет был отканифолен до такого блеска, что мне стало неловко пачкать его грязью с Полигона. Вот уж и правда, в иных музеях убранство было поскромнее.

— Это бальный зал, — не сбавляя шага, продолжил экскурсию дворецкий. — Тоже проект Виноградова.

Наверняка эта фамилия должна была о чем-то говорить, поэтому я на всякий случай с уважением кивнул. И когда мы достигли середины огромного помещения, до нас начали

доноситься крики из соседнего зала.

— Перья! Перья! Да не туда, идиоты. Вот так, вот так! Легко, взмахом! Не стой столбом! Мы удивленно переглянулись.

— Его Императорское Высочество изволит репетировать постановку для одного из приемов, — пояснил наш проводник. — Мы надеемся, что вскорости запрет на проведение светских мероприятий будет снят. Прошу, подождите здесь. Я объявлю Александру Константиновичу о вашем прибытии.

“Я же говорил, что Великий князь несколько эксцентричен”, — раздался в голове голос Корфа. — “Готовься ко всему”.

Дворецкий отворил дверь, скользнул внутрь — как раз в этот момент за стеной что-то с грохотом упало, вскрикнули несколько женских голосов.

— Нет, это невыносимо! — вскричал взволнованный мужской голос, но умолк, вероятно, заметив дворецкого.

Несколькими мгновениями позже наш проводник вернулся.

— Его Императорское Высочество готов вас принять. Пожалуйста в Зеленый зал.

Ирэн стиснула в ладони мои пальцы.

— Не бойся, — шепнул я. — Все будет хорошо.

Интересно, почему она так тревожилась? Может потому, что, в отличие от меня, всерьез осознавала, со сколь высокого полета птицей мы встречаемся? У меня, выросшего в России совершенно иного времени, это просто не укладывалось в голове до конца.

Перед нами распахнули двери, и мы очутились в небольшом по сравнению с предыдущими помещениями зале. Стены здесь и правда были обиты зеленой тканью, да и колонны, кажется, вырезали из малахита.

При нашем появлении несколько полуобнаженных танцоров с веерами в перьях смиренно склонили головы.

— Вальтер! — воскликнули откуда-то из глубины заваленного всевозможным реквизитом темного угла.

Я повернул голову на звук и обомлел.

Из тени к нам вышел очень высокий мужчина комплекции борца — ручищи как две моих ноги в объёме. Возраст при теплом неярком освещении было определить трудно, но точно за сорок. Он выплыл к нам, показался на свет, и я едва удержался от того, чтобы не прыснуть.

В Великом князе каким-то причудливым образом воплотилась смесь борца смешанных единоборств и Сальвадора Дали, не иначе. Тонкие усики он закрутил вверх, при этом бороды не носил. Темные волосы напоядил и зачесал назад. Одет при этом он был в тельняшку, штаны с подтяжками, кирзовые сапоги и длинный халат леопардовой расцветки.

“Глаза меня не обманывают?” — обратилась ко мне Ирэн. — “Это козел?”

“Я вижу то же самое. Только это, кажется, коза”.

На серебряном поводке Великий князь вел настоящую живую козу. Белоснежную, в расшитом драгоценными камнями ошейнике с колокольчиком. Животное наградило нас флегматичным взглядом, коротко поблеяло и, звеня, отошло в сторону.

Тайный советник поклонился.

— Милостивейший государь...

— Ох, отбрось формальности, и без них тошно. Я третью неделю пытаюсь сделать из этих гусынь лебедей, но... — он бросил взгляд на танцоров. — Почему вы еще здесь?

Репетиция окончена!

Роня перья и блески, танцоры поспешили ретироваться. Великий князь окинул взглядом беспорядок в зале и вздохнул.

— Прошу прощения за эту сцену. Время поджигает. Пойдемте-ка выпьем кофе. Мне нужно взбодриться после этой изнурительной репетиции. Но сперва, Вальтер, представь своих юных спутников.

Пистолетыч по очереди назвал нас, и Александр Константинович протянул каждому из нас руку для пожатия. Насколько мне было известно, это был довольно щедрый жест со стороны такой персоны.

Затем, крутанувшись на каблуках, этот гигант едва не вышиб двери.

— Кофе! На всех! В мой кабинет, — пророкотал он лакеям.

Нам ничего не оставалось кроме как последовать за хозяином. Я плелся, пытаюсь сложить в голове воедино все, что слышал о Великом князе и то, что увидел. Эксцентричен — мягко сказано. Впрочем, бывали грехи и похуже. Каждый по-своему сходит с ума.

Спустившись на первый этаж, мы прошли через анфиладу не менее роскошных комнат и наконец оказались в просторном кабинете. Великий князь жестом позволил нам рассесться. Слуги принесли напитки и испарились.

— Итак, друг мой, я всегда рад видеть тебя гостем, но все же хочу больше конкретики, — закинув ногу на ногу, он достал из стоявшей на столике шкатулки сигару и занялся ею.

Корф коротко изложил произошедшее в Аудиториуме, упомянув участие Радаманта в инциденте и последующие события. Услышав о нем, Александр Константинович улыбнулся.

— Ну куда же без него... Этот тип явно намерен стать затычкой в каждой бочке. Но зачем тебе я, Вальтер? Ты и сам — толковый менталист. И местами более умелый, нежели даже я. Не думаю, что у тебя возникнут трудности со снятием блоков с памяти. В этом ты даже более подкован — все же у меня слегка иная специализация. Помню-помню, как на последних курсах мы дурили головы тем троим кузинам... Эх, юность! Эти молодые люди даже не представляют, сколь бурное время у них впереди...

Я ошарашенно переводил взгляд с Корфа на Великого князя и обратно. Почему Пистолетыч не сказал, что они учились вместе? Это многое объясняло — и вхождение Корфа в этот дом, и отзывчивость представителя августейшей фамилии.

Судя по лицу Ирэн, она была удивлена не меньше — в том числе и рассказом о событиях, воспоминания о которых ей закрыли. Но помалкивала, ожидая дозволения говорить.

— Все же эта работа аудиториумских менталистов, милостивейший государь, — напомнил Корф. — Там действовал специалист не ниже Второго ранга. Моих умений бы хватило, но недостает силы самого воздействия. Шанс преуспеть есть, но это причинит большие страдания жертве.

— Согласен, — кивнул хозяин. ≈ Гарантированно снять такую работу сможет только обладатель Первого ранга.

— Именно, — кивнул Пистолетыч. — Я не хочу рисковать. Они же еще даже не достигли совершеннолетия. Кроме того, вы можете увидеть что-то, что... Скажем так, входит в сферу ваших интересов.

Великий князь отложил сигару.

— Умеешь ты уговаривать, Вальтер. Впрочем, я бы согласился помочь и без этого. Мне не нравится сам факт того, что Аудиториум попытался скрыть произошедшее, не

проинформировав никого из семьи. Но это предмет для отдельного обсуждения. — Гигант поманил к себе Ирэн. — Подойди ближе, дитя. Мне нужен физический контакт. И не бойся, боли почти не будет. Так, словно комарик укусит.

— Ирина — сама будущая менталистка, — добавил Корф. — И весьма талантливая.

— Что ж, тем больше причин помочь столь прекрасному юному созданию. И всем нам.

Ирэн выпустила мою руку и робко подошла к диванчику, на котором вальяжно развалился Великий князь.

— Присядьте, ваше благородие, — улыбнулся Александр Константинович и подвинулся, подоткнув полы леопардового халата. Из-за внушительной комплекции Великий князь заполнил собой почти весь диван, и Ирэн приткнулась на самый краешек.

— Б-благодарю.

Впервые с тех пор, как врезал ей колобкам и чуть не угробил, я видел на лице подруги настоящий страх. Почти животный. Мне и самому становилось немного не по себе рядом с Великим князем: фонило от него не просто мощью, но и опасностью. И это было немного странно.

Когда до меня дотронулся император, от него исходило другое ощущение силы Осколка. Я чувствовал спокойствие, уверенность, надежность. Здесь же была... угроза. Вопреки странному и даже комичному внешнему виду опасность, исходившая от Великого князя, считывалась моментально.

Он осторожно, словно брал в руки хрустальную вазу, обхватил голову Ирэн ладонями. Девушка зажмурилась, готовясь испытать боль.

— Тише, тише... Постарайся расслабиться, дитя мое. И не думай ни о чем. Вообще ни о чем. Так мне будет проще войти в твой разум.

— Ммм... угу.

Поди тут расслабься. Я и сам напрягся и инстинктивно сжал кулаки. Ясное дело, что намеренно он ей вредить не станет, но я испытывал бессознательную неприязнь к любому вмешательству в разум. Неправильно это.

Ирэн прерывисто вздохнула. Великий князь закрыл глаза, но я видел, как двигались его глазные яблоки под сомкнутыми веками. словно он пробежался по строкам невидимой книги.

— Так... Нашел. Воспоминания совсем свежие, их легко найти... Вот, вижу пробел. Да, мастерская работа. Ты был прав, Вальтер. Тебе бы не хватило мощи это пробить с первого раза.

Великий князь крепко зажмурился, словно концентрировал еще больше силы. По его телу пробежала легкая судорога. Ирэн тихонько застонала.

— Режет... Больно...

— Потерпи, потерпи, дитя.

Руки гиганта словно охватил черный дым. Черный цвет не мог сиять, но я уже видел проявление Первого ранга на Смотре, когда вмешался император. Неравномерный дым с множеством золотых и серебряных искр. Завораживающе красивый своими переливами.

Ирэн снова охнула — на этот раз громче.

— Почти... Почти все, — успокаивал ее Великий князь. — Вы умница, ваше благородие. Хорошо помогаете.

А затем Ирэн закричала — короткий и невыносимо громкий визг пронзил тишину кабинета, и в следующий миг девушка обмякла. Великий князь подхватил ее за шею и плечи

и осторожно опустил на диван. Затем приложил руки к ее лбу — явно применял целебное заклинание, чтобы снять боль и облегчить ее состояние.

Ирэн медленно открыла глаза.

— Простите, милостивейший государь... Я не хотела.

— Ничего-ничего, душечка, — улыбнулся Александр Константинович, но улыбка получилась натянутой. Он явно увидел в ее разуме что-то, что его удивило, и удивило неприятно. — Отдохните, ваше благородие, да испейте кофе. Но непременно со сливками. Вам сейчас пойдет на пользу.

Корф подался вперед.

— Удалось ли...

Великий князь молча кивнул и взглянул на меня.

— Подойдите ко мне, юноша. Мне нужно увидеть то, чему вы были свидетелем на Полигоне.

Корф кивнул и жестом поторопил меня.

Чтение памяти. Ненавижу... Но куда деваться. Нельзя отказывать в любезности Романову.

Я подошел к нему и протянул руку. Знал, что этого будет достаточно, особенно для менталиста такого уровня. Великий князь кивком поблагодарил меня и прикоснулся к моим пальцам. Его рука была не просто теплой — горячей.

Внутри черепа знакомо зазудело, но я добровольно впустил его в свои воспоминания и сам показал то, что его интересовало. Старался дать то, что было ему нужно, чтобы он не полез в глубины и не нашел того, что мы скрывали.

Оторвавшись от меня, Александр Константинович помрачнел пуще прежнего.

— Благодарю, ваше сиятельство, — глядя в одну точку, сказал он. — Я узрел кое-что странное, Вальтер.

Пистолетыч выжидающе молчал. Великий князь снова взялся за сигару.

— Человек, который называет себя Радамантом. Понятно, что это прозвище. И прозвище со смыслом... Когда я коснулся разума гостя, то потянул за ниточку — после каждого воздействия остается едва уловимый след. Мой род, в отличие от других, это умеет. Со временем след пропадает, но в первые дни сохраняется. И раз это произошло сегодня, я решил посмотреть слепок силы, который оставил Радамант, когда подвергал ее благородие воздействию.

— Что вы увидели, милостивейший государь? — Вне себя от нетерпения спросил Корф.

— Второй ранг, несомненно. Причем верхний предел Второго ранга. И еще... Это прозвучит безумно, но я увидел остаточный след Великого Осколка. Сила была разбавлена, но это она. Такую мощь, даже приглушенную, ни с чем не спутаешь. В Радаманте течет кровь моей семьи.

Хорошо, что в этот момент под моей задницей оказалась часть дивана — потому что ноги резко перестали меня держать. Опешив, я медленно сполз на подлокотник, скрипнув штанами о кожаную обивку.

— Ваше императорское высочество, вы уверены? — севшим голосом спросил я, явно озвучив вопрос в глазах Корфа.

Александр Константинович кивнул.

— Иначе не озвучивал бы столь провокационное заявление вслух. Несомненно, это остаточный след силы Великого Осколка. Силы моего собственного рода. Я узнаю ее из миллиарда.

Тайный советник тихо чертыхнулся себе под нос.

— В таком случае дело еще запутаннее и сложнее, чем можно было предположить. Бастард, полагаю?

Великий князь попыттел сигарой и залпом допил остатки кофе. Его мощная лапища потянулась было к графину с какой-то темной жидкостью, но, прикоснувшись к изящной хрустальной крышке, Его Высочество резко передумал и отдернул руку.

— Нет, мне сейчас нужна свежая голова...

— Прошу прощения, что вмешиваюсь в беседу, — начал я, обратив на себя внимание всех присутствовавших. — Понимаю, что юнцу вроде меня еще не пристало вмешиваться в настолько серьезные дела, но позволено ли мне будет высказать беспокойство?

Корф взглянул на меня с укоризной, но Великий князь на удивление оказался любезен:

— Говорите, ваше сиятельство. Поделитесь с нами беспокойством. Одним больше, одним меньше... Уже не так и важно.

— Если я верно помню правила, то бастарды отрезаются от рода специальным ритуалом и не могут наследовать силу Осколка, — торопливо проговорил я. Если честно, осознание, что я разговаривал со столь влиятельным человеком, здорово меня нервировало. — В моем роду не было бастардов, однако мой покойный дядя был отрезан от рода Соколовых и лишился Благодати после решения жениться на простолюдинке. Так решил патриарх нашей семьи, на тот момент мой дед. Полагаю, для императорской фамилии правила не менее строги. Уже умалчивая о том, насколько в принципе возможно члену августейшей династии...

— Я понял, — удивительно изящным для его гигантской комплекции жестом остановил меня Александр Константинович. — Действительно, нам, как и всем прочим одаренным, запрещено жениться на простолюдинах. Но сердцу не прикажешь. Пусть брак и невозможен, но симпатии и связи иного плана... Допустимы. То балерина приглянется, то актриса, то еще какая красавица... И, вынужден признать, не всегда наши родственники бывают добросовестны. По нашим правилам, в случае если дама понесла вследствие подобной внебрачной связи, об этом надлежит сообщить совету нашего рода. Мы щедро компенсируем заботы такой особы, но, когда ребенок рождается, отсекаем его от рода. Поэтому вы правы, Михаил Николаевич. Бастард не должен был унаследовать силу.

— Но, видимо, вам сообщили не обо всех незаконнорожденных, — подытожил Корф.

— Боюсь, это так. Увы, любая система несовершенна, — Великий князь потушил сигару, подкрутил ус и поднялся. Мы последовали его примеру. — Как бы то ни было, сперва

я должен посоветоваться с членами нашей семьи. С этого дня вопрос поиска Радаманта переходит под личный контроль Императорского дома.

Последняя реплика Александра Константиновича явно вызвала неудовольствие тайного советника, но он быстро подавил чувства.

— Тайное отделение будет ждать ваших распоряжений, — сухо отозвался он.

— И они непременно поступят, Вальтер. Я свяжусь с тобой, когда у меня на руках будет план действий. Сперва я должен обсудить все с братом.

— Слушаюсь.

Полагаю, под братом Великий князь подразумевал самого императора. А ведь Его Величество уже был свидетелем деяний Радаманта. Ведь тогда, на Смотре, эти террорюги тоже были под контролем. Но император ничего не сказал. Не заметил, будучи занятым удержанием крыши от падения? Или заметил, но никак не отреагировал?

Что ж, в любом случае теперь Радамант — личная головная боль Романовых. Что-то мне подсказывало, что на этот раз у таинственного колдуна будет гораздо меньше шансов улизнуть.

— И прежде чем мы завершим аудиенцию, осталось одно небольшое дело, — проговорил Александр Константинович. — Подойдите ко мне, юные господа. Пожалуйста.

Мы с Ирэн переглянулись, и она неуверенно шагнула к Великому князю. Что еще ему от нас понадобилось? Я последовал за подругой. Помирать — так вместе.

— Я вынужден просить вас сохранить эту встречу и содержание нашей беседы в тайне. Полагаю, вы сами понимаете, почему.

Мы с готовностью кивнули.

— Разумеется, милостивейший государь.

— Однако, увы, в вопросах столь деликатного характера я не могу рассчитывать лишь на слово дворянина. Или дворянки. История знает случаи, когда обещания были нарушены, а подобное в нашей ситуации недопустимо. Боюсь, мне придется связать ваши языки более надежным способом.

Ну да, конечно. И как я сам не догадался, что стирать память — здесь излюбленная забава? Интересно, а у “пациентов”, что слишком часто проходят через подобную процедуру, развивается какая-нибудь хворь? Например, деменция к сорока годам, депрессия, расстройство личности или другая напасть...

Великий князь положил ладони на наши лбы.

— Вы сотрете наши воспоминания, милостивейший государь? — обреченно и даже как-то жалобно спросила Ирэн. Видимо, после того, как ей разблокировали память, перспектива пройти через подобное снова, пугала девушку.

Александр Константинович закатил глаза.

— Что вы, ваше благородие! — оскорбился он. — Я ведь не изверг аудиториумский и не стану почем зря насиловать ваш разум. Да и хотелось бы, чтобы вы сохранили воспоминания о нашем знакомстве. Все будет проделано куда изящнее. Я лишь сделаю так, чтобы вы все помнили, но не смогли никому рассказать и показать воспоминания о сегодняшней встрече. Работа не самая легкая, но менее опасная для разума. А вам обоим и без того досталось, судя по тому, что я увидел.

Я поклонился.

— Благодарю, ваше императорское высочество.

— Не бойтесь, юные господа, — улыбнулся Романов. — Я отлично знаю свое дело.

И это было правдой. Касание его силы показалось мне почти неосязаемым. словно перышком провели — немного щекотно, но в какой-то степени даже приятно. Великий князь действительно был отменным менталистом, хотя и мы с Ирэн не сопротивлялись. Романовы должны были защитить эту тайну, ибо она могла бросить тень на весь их род. Не уверен, что кто-то решился бы выступить открыто, но кто знает?

Радамант вполне мог заявить о своем происхождении открыто и снискать симпатии у простоллюдинов. Мог даже стать их символом и живым доказательством того, что ничего страшного от нарушения запрета смешанных браков не случится. Впрочем, смотря для кого ничего страшного...

Великий князь отнял руки, и мы с Ирэн удивленно моргнули.

— Уже все? — Непонимающе хлопала ресницами она. — Я почти ничего не почувствовала. словно ничего не изменилось...

— В этом и заключается искусство ментального воздействия, моя юная баронесса, — по-отечески тепло улыбнулся Великий князь. Видимо, Ирэн вызвала у него симпатию. — Даст бог, вы поступите в Аудиториум и постигнете все тонкости этого захватывающего ремесла.

Ирэн присела в реверансе. С учетом того, что она была в брюках, выглядело это крайне странно. Но хозяина дворца несколько не смутило.

— Итак, господа. На том наша встреча закончена. Я провожу вас. И заодно нужно найти Черешенку. Надеюсь, она не успела обглодать мой любимый фикус.

“Так зовут козу”, — пояснил в моей голове Корф.

Александр Константинович покинул кабинет первым, затем мы с Ирэн, замыкал тайный советник. Возле дверей нас уже дожидался один из лакеев в темно-красной ливрее. При появлении господина он поклонился.

— Где моя лапушка? — ласково воззвал Великий князь. — Где моя красавица? Черя-Черя-Черя!

Со стороны соседнего зала послышался топот копыт. Скользя по отполированному паркету и гремя колокольчиком, на зов выбежала белая козочка — животное тащило за собой поводок. В зубах Черешенки застрял зеленый лист.

— Таааак, — с притворной угрозой Великий князь двинулся на питомицу. — Кто опять жевал мой любимый цветок?

Коза попятилась, наткнулась на стену и от неожиданности навалила кучу прямо на персидский ковер.

— Прошу извинить, — обернулся к нам хозяин и подозвал лакея. — С ней случается. Филипп, уберите последствия катастрофы, пожалуйста.

Он взял козу на поводок и, почесав между ушами, указал нам дорогу.

Мы прошли сквозь вереницу комнат одна другой шикарнее, но у меня не было желания изучать княжеские интерьеры. Шедшая рядом со мной Ирэн казалась погруженной в свои мысли и тоже не пялилась по сторонам. Корф мрачно пыхтел нам в спины.

В приемном зале нас уже дожидались слуги с нашей верхней одеждой наготове. Я заметил, что наши с Ирэн куртки стали значительно чище — видимо, лакеи не теряли время даром.

— Благодарю, — кивнул я, когда слуга помог мне одеться.

— Что ж, будем считать, что отныне мы официально представлены, — Александр Константинович расплылся в широкой улыбке. — Буду рад свидеться вновь при удобном

случае.

Мы поклонились, и Великий князь тут же сосредоточил внимание на питомице.

— Пойдем-ка покормлю тебя, лапушка, пока ты не добралась до Зимнего сада... Где-то у меня была припасена для тебя сладкая морковка...

— Идем, — скомандовал Корф, когда широкая спина хозяина скрылась из виду.

На дворе стоял глубокий вечер. Едва мы покинули стены дворца, нам в лица тут же ударил ледяной ветер с Невы. Пробирало до костей. Матильда дожидалась нас в припаркованной машине — видимо, холодрыга загнала внутрь даже ее. Пистолетыч подвел нас к автомобилю, постучал по стеклу, и баронесса включила свет.

— Благодарю за содействие, — слишком уж сухо сказал тайный советник. — Надеюсь, не нужно напоминать, что этой встречи не было?

— Даже если захотим, не скажем, — проворчал я.

— Между собой тоже особо не болтайте. Эта заварушка — не вашего уровня и пока что не вашего ума.

Ирэн подалась к Корфу на полшага вперед:

— Я просто хочу уже наконец-то попасть домой, Вальтер Макарович. От меня проблем не будет.

— В тебе-то я не сомневаюсь. А вот Михаил...

— У нас на носу второе испытание, — поспешил успокоить я. — Не волнуйтесь.

— Тогда до встречи.

Корф развернулся на пятках и направился к своему серому седану. Из машины выскочил Алексеев и открыл шефу дверь. Я обернулся к Ирэн.

— Ты как?

— Голова идет кругом от всего этого...

— Хочешь бесплатный совет?

— М?

— Считай это приключением, которое тебе приснилось. И все. Корф прав — это не наша война.

— Он убил моих друзей... Радамант. Это...

— Ирэн, осторожно, — оборвал ее я. — Мне тоже есть за что предъявить ему счет. И за кого. Но пока что лучше держать все это при себе.

Матильда настойчиво постучала изнутри, призывая нас залезать в машину.

— Ладно, поехали, — отозвалась девушка. — Спать хочу невыносимо.

О, как я ее поддерживал! И хотя вопросов у меня было все так же больше, чем ответов, самым верным и гуманным решением сейчас казалось просто завалиться спать. Что-то этот день уж слишком затянулся.

Мы забрались на заднее сидение, и Матильда завела Леню. Черное чудовище отозвалось рокотом. Я взглянул на часы: полчаса до полуночи. Ну и ну.

Ирэн, насупившись, пялилась в окно на величественный центр Петрополя. Мы пересекли Троицкий мост и выехали на Каменноостровский проспект, пролетели несколько площадей и добрались до Каменного острова. Иллюминация главного корпуса Аудиториума завораживала, но у меня это место пока что не ассоциировалось ни с чем хорошим.

Проехав остров, мы двинулись по еще одному мосту и вскоре оказались на материковой части города. Здесь лоска было уже куда меньше, да и дома поновее.

Матильда молчала. Наверняка понимала, что нам не разрешили делиться

впечатлениями о визите. А может и сама слишком устала — все же переживала за нас весь день. К моему удивлению, первой молчание нарушила Ирэн.

— Тетушка, а что ты знаешь про ритуал отсечения от рода? — Спросила она.

“Ир!” — позвал я по ментальному каналу. — “Осторожнее”.

“Я просто спрашиваю общую информацию. Ни имен, ни конкретики. Расслабься”.

Вот же чертовка. Как втемяшит что-то в голову, так хрен чем оттуда выбьешь.

Матильда зыркнула на нее в зеркало заднего вида.

— Странный вопрос. Почему он тебя заботит?

— Да Михаил упомянул. Что в его роду была такая история. И мне стало интересно, как это делается.

— Тогда тебе было бы уместнее спросить у Михаила.

— Меня на ритуал не приглашали, — отозвался я. — Увы, мне неизвестны подробности.

— Вам будут давать эту информацию детально на общем курсе по азам родовой магии.

Если не ошибаюсь, третий семестр.

— Ну тетушка... Я не хочу ждать полтора года. Ну хоть немного, пожалуйста.

— Ритуал очень сложный, все подробности все равно не расскажу. Да и дают его только в теории — далеко не всякой семье приходится отрабатывать его на практике. По понятным причинам.

Пока Ирка уговаривала Матильду все-таки поделиться знаниями, мы успели выехать на самую окраину города. Впереди высились своды защитных куполов Кольцевой магистрали — масштабнейшего сооружения, опоясывавшего весь город. Правда, в отличие от знакомого по моему миру КАДа, эта Кольцевая была вдвое шире.

— Отрезанный от Рода лишается связи с родовым источником и права использовать семейный Осколок...

— Это я знаю, — кивнула Ирэн. — Но что требуется, чтобы отсечь члена семьи от Рода?

— Как минимум — серьезный проступок. Или он может быть бастардом, которого невозможно узаконить. Например, от простолюдина. Это можно сделать несколькими способами, и ритуал каждый раз будет немного меняться. Но главный ингредиент — кровь того, кого нужно отсечь от Рода. Кровь и имя.

— Ясно, спасибо.

Ирэн красноречиво взглянула на меня.

“Вот почему он назвался Радамантом. Они могли каким-то образом добыть его кровь, но, не зная имени, не получится лишить его силы”, — сказала она ментально.

Я кивнул.

“Подстраховался он неплохо. Видимо, рассчитывал, что рано или поздно его происхождение выяснится”.

“К слову об имени. У многих его два — светское и то, что было дано при крещении. Интересно, какое нужно для ритуала?”

Я покопался в памяти прежнего Миши. У нас как крестили, так и называли. И дядя Андрей тоже имел лишь одно имя.

“Не знаю. Но это легко выяснить. Но заканчивай с вопросами, иначе Матильда начнет что-то подозревать”.

“Ага”.

Леня съехал с широкой Кольцевой на шоссе в сторону Лебяжьего. По моим прикидкам,

до особняка оставалось минут двадцать. И хорошо. За душ я сейчас был готов многое отдать. Наставница тем временем кидала напряженные взгляды в зеркало заднего вида. Сперва мне показалось, что она с неодобрением наблюдала за нами — Ирэн уронила голову мне на плечо, а я приобнял ее для удобства.

Но, как выяснилось, наставницу, беспокоило совсем не это.

— Кажется, мы обзавелись хвостом, — снова бросив взгляд назад, сказала она.

Я обернулся, но увидел лишь горящие фары — в такой темноте больше ничего различить не смог.

— Почему вы так решили?

— Черный “Руссо-балт”, тащится за нами еще с Каменного острова. Я даже попетляла немного по городу — но он не отставал. Сначала подумала, показалось — таких автомобилей в городе пруд пруди. Но на Кольцевой он снова оказался за нами.

— Номера запомнили? Может сообщить Корфу?

— Пытаюсь подпустить его ближе, чтобы разглядеть. Но он, зараза такая, держится на приличном расстоянии.

— И что делать? — встрепенулась Ирэн.

— Кто бы за нами ни следил, он точно поймет, что мы едем домой, — не отрываясь от дороги, сказала баронесса. — Это же очевидно. Тогда зачем рисковать и выдавать себя?

— А если это не просто слежка? — предположил я худшее.

Реши кто-то сделать что-то незаконное, сейчас был наиболее подходящий участок пути. В городе — слишком многолюдно, на Кольцевой — слишком быстро, и тоже полно машин даже ночью. А вот на пустынной трассе в сторону Лебязьего...

Свет фар становился ярче. Автомобиль приближался, причем неожиданно быстро. Матильда хотела было вдавить на газ, но не рискнула — впереди была череда закрытых поворотов, а дорога была мокрой. Могли не вписаться.

Преследователь прижимался к нам, и я снова попытался рассмотреть номер. Ничего. Номеров просто не было.

— Проклятье, — я снова рухнул на сидение. — Без номеров.

— Свяжись с Вальтером. Быстро. Сейчас мы на двадцатом километре.

И в этот момент что-то ударило нам в заднее стекло.

— Что это было? — Матильда метнула взгляд в зеркало заднего вида. Автомобиль чуть вильнул, но баронесса справилась с управлением и выровняла колеса.

— Не знаю, — ответил я. На окне заднего вида красовалась сеточка. Словно попало что-то небольшое, но с большой силой. И все же окно не выбило.

Ирэн выдохнула.

— Похоже на камень. Хорошо, что стекла бронированные.

— Максимум пулю выдержат, и то не всякую, — отозвалась наставница.

Автомобиль преследователей слегка отстал, но все равно держал минимальную дистанцию. Больше ускориться он не пытался, и мне это показалось странным.

— Да что им могло от нас понадобиться? — Ирка нервно озиралась по сторонам и явно не знала, что предпринять. Ее руки охватило слабое янтарное сияние — девушка решила быть наготове. И правильно. Я и сам активировал “Берегиню”. На всякий случай.

— Ни один из вариантов мне не нравится, — сказала Матильда. — Хуже всего то, что они наверняка преследуют нас от самого дворца. Ирэн, свяжись с Ланге. Пусть отправит людей нам навстречу. Михаил, кинь весточку Вальтеру. Спроси, его ли это люди. Шнелле!

Ирэн застыла, пялясь в одну точку — устанавливала ментальный канал с манглавитом, уже знакомым мне начальником охраны баронессы. С неодаренными повернуть этот трюк было гораздо сложнее. С одной стороны, сознание лишенных Благодати людей было более восприимчивым к воздействиям и внушениям — особенно если работать в непосредственной близости от жертвы. Но когда дело касалось установки ментального контакта на расстоянии, “безблагодатные” становились почти непробиваемыми. Ирине помогало то, что они были давно знакомы с Ланге, и она явно хорошенько его прощупала.

— Быстрее! — рявкнула Матильда. — Доложите, как закончите.

В такой нервной обстановке было трудно сосредоточиться. Мне пришлось зажмуриться и заткнуть себе уши, чтобы пробросить ментальный канал к Корфу.

“Вальтер Макарович, это Михаил. Отзовитесь, пожалуйста. Это срочно!”

“Господи, Соколов! Что опять?” — Корф настолько раздраженно рычал у меня в голове, словно я застал его со спущенными штанами на унитазе.

“Мы между двадцатым и тридцатым километром трассы на Лебяжье. За нами хвост. Черный “Руссо-балт” без номеров. Ваши?”

“Нет, я не давал приказа вас сопровождать. Давно заметили хвост?”

“Матильда думает, что от самого дворца”.

“Какие-нибудь действия предпринимались?”

“Только что-то ударило в заднее стекло. Что-то мелкое. Машина бронированная, так что все в порядке. Пока что...”

“Сам не приеду, занят. Вышлю людей”.

“Спаси...”.

Но Корф тут же исчез из моей головы, и ментальный канал оборвался мгновенно — я даже не успел толком его поблагодарить.

Распахнув глаза, я тут же обернулся. Автомобиль преследователей все еще держался позади и слепил меня фарами дальнего света. Вроде бы их было двое на переднем сидении, но я разглядел лишь тусклые невнятные силуэты.

— Корф сказал, это не его люди.

Матильда кивнула.

— Так и думала. Ирэн?

— Связалась, — девушка как раз в этот момент тряхнула головой, явно обрывая ментальный канал, и потеряла виски. — Выезжают.

— Отлично. Ставьте все защиты, в том числе и “Шлемы”.

Ирэн нахмурилась.

— Но с нами не смогут связаться...

— Ставьте “Шлемы”, я сказала! Все, кто нужно, уже в курсе. Дергать не будут.

Матильда была права. Безопасность сейчас была важнее. Только понять бы, от кого или от чего мы готовились защищаться. Аудиториум? Радамант? Кто-то третий?

Я активировал все защитные заклинания и на всякий случай сосредоточил немного силы в ладонях. На “Колобок”-другой хватит. Матильда тоже окутала себя рубиновым сиянием “Берегини” и продолжала вести.

Как назло, мы как раз выехали на самый извилистый участок трассы. Здесь начинались красоты Карельского перешейка, но, к сожалению, большую часть ландшафта занимали невысокие скалы и валуны. Поэтому дорогу прокладывали извилистой змейкой, с очень крутыми поворотами, чтобы обогнуть труднопреодолимые залежи гранита.

Матильда чуть прибавила скорости, и тяжелый Леня с трудом управился с центробежной силой. Все же лучше было не лихачить, но говорить под руку наставнице сейчас было не лучшей идеей.

— Сколько до дома? — спросил я, не спуская глаз с преследователей.

— Минут пятнадцать. Асфальт мокрый, не могу гнать.

— Но и они ничего не предпринимают...

— Может просто сопровождение? — предположила Ирэн.

— Ага, и кто к нам приставил этот эскорт? — раздраженно бросила Матильда. — Его Высочество?

Это меня и удивляло. Зачем все-таки показываться нам на глаза? Если бы хотели атаковать, могли уже это сделать. Да, Леня бронированный, но и преследователи вряд ли лыком шиты. Броня от Благодати не защитит.

Или это демонстрация? Но чего? Того, что за нами наблюдали? Пытались таким образом напугать?

Мы вписались в очередной поворот, и сосновые стволы озарились светом фар встречной машины. Перед поворотом водитель сбросил скорость, но включил дальний свет на полную. Матильда выругалась.

— Да какого черта?! Ничего не вижу...

Внутри меня поднялась волна тревоги. Резкая, внезапная. Не как тогда, на Смотре, когда это чувство медленно нарастало. Сейчас оно захлестнуло меня так, что я не мог даже ничего выговорить. Сила закипела в венах, и руки засветились ярче прежнего.

— Осторожно, — с трудом выдохнул я. — Что-то...

Матильда шипела и шурилась, стараясь сохранить управление.

— Да что за...

Встречный автомобиль поравнялся с нами, и время словно начало течь в разы медленнее. Стекло заднего пассажирского ряда опустилось, и я заметил лицо незнакомого мужчины. Лишь на долю секунды отвлекся на него, гадая, зачем он это сделал.

И это стало моей ошибкой.

Я заметил ярко-зеленый “Колобок” слишком поздно. Светящийся неестественным светом шар ударился нам в крыло. Леню мотнуло вправо, развернуло, но колеса уже успели вылететь на обочину.

— Защита! — только и успела крикнуть Матильда.

Перед глазами все замелькало. Нас крутануло, протащило. В кузов влетело еще несколько “Колобков”, и черного готического монстра подбросило, словно он и не весил почти две тонны.

— Аааа!

Кажется, это вопила Ирка. Надеюсь, она успела пристегнуться.

Встречный автомобиль унесся в сторону города. Что стало с “Руссо-балтом”, я уже не видел.

Мы кувырнулись, скатились со склона трассы в кювет — кажется, как раз перед постом через какой-то узкий ручей. Все гремело, скрежетало, дребезжало, уши разрывало от высокого крика Ирэн. Я едва не вылетел в лобовое стекло, но чудом удержался за спинку сидения Матильды. Кажется, сработали подушки безопасности на переднем ряду.

Снова кувырок, еще один...

И мир застыл вверх тормашками.

“Берегиня” поглотила большую часть урона, но я все равно чувствовал себя отбивной. Голова кружилась, меня затошнило от нескольких резких кувырков. Кажется, еще все же успел удариться головой, когда защита истончилась.

Я попробовал пошевелиться. Терпимо. Жить буду. Ирэн висела на ремнях, но глаза девушки были закрыты. Неужели ей все-таки досталось?

— Матильда! — позвал я. — Вы как?

Наставница глухо застонала сквозь подушку.

И в этот момент я услышал визг тормозов. Осторожно оглянулся.

Черный “Руссо-балт” остановился возле того места, откуда мы вылетели с дороги. Хлопнула дверь. Я попытался растолкать Ирэн, но не смог. Девушка вырубилась — то ли от избытка чувств, то ли от травмы. В любом случае лучше было ее пока что не трогать — это любой инструктор на курсах первой помощи скажет.

Матильда кряхтела, безуспешно пытаясь выбраться из-под подушки.

— Тихо! — шепнул я. — Они идут.

Я потянулся к родовому источнику и зачерпнул побольше силы, готовясь ударить в любой момент. Плевать, что не восстановился — я был готов защищаться голым потоком.

Кое-как сменив положение, я выглянул в окно. Незнакомый человек в темном пальто и шляпе соскользнул со склона и направился к нам.

Так, сперва притворюсь, что вырубился. Дальше посмотрим по обстоятельствам.

Спрятав сверкающую силой руку под корпус, я погасил остатки “Берегини” и приготовился ждать.

Неизвестный осторожно подошел к перевернутому Лене и внимательно оглядел повреждения. Потоптался, помедлил. Затем обошел машину и остановился возле моей двери. Очевидно, заметил, что я единственный не успел пристегнуться.

Комок силы сорвался с его пальцев и выбил мое окно. Хорошо, что я успел прижать голову — зеленый “Колобок” разнес бронированное стекло без малейшего усилия. Видать, броню делали не для защиты от одаренных, а от оружия простолюдинов.

Тоже зеленый. Третий ранг. Почти такой же, каким обстреливали машину. Но... сила была другая.

Не прикасаясь к нам, человек надвинул шляпу на глаза и вытянул руку, словно лекарь, пытавшийся продиагностировать повреждения. Едва слышно он хмыкнул и отошел.

Я не шевелился. Ждал, что он предпримет дальше.

Быть может, вдвоем с Матильдой мы и смогли бы его запинать, но оба были, мягко говоря, не в форме. Наставница одна против третьего ранга не выстоит, а из меня помощник был так себе.

— Ну что? — крикнули со стороны трассы.

— Все живы. Они в порядке, — отозвался незнакомец и направился к дороге. — Поехали.

Когда он отошел подальше, я разгруппировался и осторожно высунулся из окна. Незнакомец в пальто принялся карабкаться по склону, но неудачно зацепился ногой за корягу и с бранью сполз обратно. Пальто распахнулось, затрещала ткань. Затем снова, уже удачно, незнакомец все же забрался наверх и сел в автомобиль.

Мотор “Руссо-балта” тихо зарокотал, автомобиль развернулся и поехал в сторону города.

В этот момент Матильда выпустила небольшую “Косу” и пропорола подушку. Воздух вышел.

— Дерьмо, — сказала она. — Что это было?

— Я тоже не знаю, как это понимать. Вы в порядке?

— Да. Ирэн?

— В отключке.

Я подполз к подруге и бегло ощупал ее силой. Да, немного прилетело по голове, и, видимо, это оказалось чересчур для столь насыщенного дня. Девчонка просто вырубилась от перегруза. Сперва бой, потом обработка менталистом в Аудиториуме, после — выкрутасы Романова, а сейчас еще и это. Неудивительно, что она отключилась.

Подхватив горстку силы из целебного потока, я приложил ладонь к ее лбу и направил поток на лечение.

— Давай, Ириш, просыпайся. Не время отдыхать.

— Иэээх! — Она распахнула глаза и испуганно на меня уставилась. Дышала тяжело, глубоко, с хрипами.

— Что болит?

— Голова... Больше вроде ничего. Ну и плечи.

“Косами” я срезал ремни безопасности и помог дамам выбраться. Матильда в этот момент связывалась со своей охраной, и, видимо, еще и с Корфом.

Я усадил Ирину на поваленный ствол и жестом подозвал Матильду.

— Присядьте. Вам тоже лучше отдохнуть.

— Здесь холодно. Лучше двигаться.

— Пока нас не осмотрели, не стоит делать лишних движений, — предостерег я. Хотя и предполагал, что благодаря “Берегине” ничего серьезного с нами не случилось. И все же если кое-какие травмы мы получили, могли быть и другие, скрытые.

Баронесса вздохнула.

— Скоро за нами приедут. Ланге еще за каким-то чертом вызвал “скорую”.

— Так положено делать при авариях, — отозвался я.

Эти незнакомцы никак не давали мне покоя. Сперва за нами появляется хвост и “ведет” нас от города почти что до самого Лебяжьего. Не атакует, не тормозит. Просто ведет. Затем происходит что-то странное. Атакует кто-то из встречной машины. Но не добивает нас, а уезжает. Преследователи останавливаются, убеждаются, что мы живы и... Едут обратно в город.

Попахивает еще одной загадкой. Связаны ли друг с другом эти две машины? Или одна помешала другой?

Твою мать. То ли я отупел после визита к Великому князю, то ли просто задолбался, но сейчас башка напрочь отказывалась шурупить.

Я устало опустил на ствол сосны, обрубок ветки больно впился мне в бедро, и пришлось поерзать, чтобы устроиться поудобнее. Матильда все же вняла моим увещаниям и уселась чуть поодаль — разумеется, с зажигалкой и вишневой сигариллой.

— Это самое странное нападение за всю мою карьеру, — тихо сказала она. — Никакой логики. Они могли нас добить. Но не стали даже пытаться.

— Очевидно, потому что им не нужна была наша смерть, — пожал плечами я и тут же поморщился. В шее что-то больно стрельнуло. Видать, зря все же не пристегнулся.

— “Руссо-балт” ехал за нами не просто так. Не похоже на обычную слежку — слишком уж... заметно. Сдается мне, это была охрана.

Ирэн с недоумением взглянула на тетку.

— Но от кого?

— Хороший вопрос. Мы не знаем кто и от кого нас защищал. Но им удалось. Видимо, нападавшие не рассчитывали встретить компанию.

— Я видел лицо человека из машины со встречки, — признался я. — Всего на миг, но увидел. И запомнил.

Матильда с наслаждением вдохнула приторный дым.

— Это хорошо. Поделишься воспоминаниями с ребятами Вальтера. Может это подстегнет поиски. Леню я этим сволочам не прощу.

Я окинул взглядом перевернутый автомобиль.

— Сдается мне, он еще подлежит восстановлению.

— И стоять мне это будет сумасшедших денег. Я жажду сатисфакции.

Здесь спорить было трудно. Нападение было наглым, и почерк попахивал работой Радаманта. Но Штоффов не было в его списке. Неужели он все же решился устранить меня и излишне любопытных дам заодно? Но зачем тогда помогал мне на Полигоне?

Странно. Слишком странно. Не бьется.

Со стороны Лебяжьего донесся шум автомобиля. И вовремя: начинало моросить, мы продрогли и устали. Фургон съехал на обочину и припарковался. На склон выскочило несколько охранников во главе с Ланге.

— Целы, ваше благородие? — С трудом затормозив после быстрого спуска со склона, он торопливо поклонился и перевел взгляд на меня. — Ваше сиятельство.

Матильда выдавила любезную улыбку явно из последних сил.

— Все в порядке, Виктор Зиновьевич. Но, боюсь, наш транспорт придется эвакуировать.

Увидев Леню, кто-то из охранников присвистнул.

— Да, хорошо, что вы одарены, благородные господа...

Ланге крутился возле нас, словно пес.

— Скорая скоро придет. Патруль вызвали.

— Боже, зачем?

— Так положено. Зафиксировать, осмотреть, составить протокол...

Баронесса, кажется, смирилась.

— Ладно, дождемся. Будет некрасиво, если они приедут, никого не застав. Господа, никто часом не прихватил термоса с чаем?

Один из охранников — темноволосый мордорот со зверской рожей — расплылся в улыбке.

— А мне ведь Аленушка с кухни передала термосик. Сию минуту, ваше благородие.

Пока боец мчался за термосом для Матильды, успела подъехать карета “скорой помощи”. Ирину, как потерявшую сознание, отправили на осмотр первой. Со мной тоже быстро управились и отпустили, заклеив пластырем пару ссадин и уколов каким-то успокоительным коктейлем. Сказали, пульс слишком высокий. Дескать, перевозбудился.

Еще бы мне, блин, не перевозбудиться, когда на нас покушались!

Пока медики колдовали над Штоффами, я хлебнул немного чуть теплого чая из термоса и принялся прогуливаться вдоль склона, с которого слетела наша машина. Место аварии здорово выделялось — следы шин на дороге, две борозды на мягкой земле, сорванные камни и сбитый километровый столб. Кусты побило...

Охранники за моими спинами светили фонарями, и в какой-то момент мне показалось, что в жухлой траве что-то блеснуло. Прямо на склоне, возле коряги, о которую споткнулся незнакомец из “Руссо-балта”. Я аккуратно приблизился, стараясь не поскользнуться на размокшей от мороси смеси земли и глины.

Подтянулся, ухватившись за корни, подпрыгнул...

И схватил блестящий кругляш. Сперва подумалось, что это была монетка. Но, ощутив находку, я понял, что схватил пуговицу. Интересно.

Вытерев ее о штанину, я приблизился к свету и осмотрел внимательнее. Металлическая, позолоченная. Какими украшают кители и мундиры.

С гербом Аудиториума.

Значит, тот человек в пальто и шляпе был из Аудиториума... Если не стащил мундир, конечно. Хотя кому мог понадобиться подобный маскарад? А пуговичка-то явно настоящая...

Да и то, что аудиториумские решили за нами проследить, укладывалось в общую логику: все же появление Корфа на Полигоне наверняка спугало им карты. А еще нас могли заметить вместе. И если Аудиториумом управляли не полные идиоты, то я бы на их месте тоже попытался за собой проследить. Слишком уж я засветился в различных инцидентах. Другой вопрос, что, реши я за кем-то следить, то не стал бы так легко себя обнаруживать.

Но вырисовывалась весьма занятная картинка: за нами не просто следили, но и, выходит, даже спугнули тех, кто пытался нас атаковать. Так что в какой-то мере можно было поблагодарить таинственных помощников. Возможно, не прицепись они хвостом за нами, ситуация могла бы обернуться совершенно иначе...

— Ваше благородие! — обеспокоенный голос Ланге донесся до меня со стороны перевернутого автомобиля. — Что с вами?

Этого еще не хватало... Неужели все же поранилась?

— Тетушка? — обеспокоенное лицо Ирэн высунулось из кареты “скорой”.

Я спрятал пуговицу в карман и поспешил к освещенному пятаку. Впереди, недоходя до разбитого Лени, началось какое-то оживление. Мелькали лучи фонарей, что-то шуршало и шевелилось под ногами охранников. В лесной темноте я не смог разобрать, что это было, но на всякий случай зажег небольшой огонек “Жар-птицы”, стараясь не направлять его в сторону машин.

Ирка спрыгнула с порожка медицинского фургона, покачнулась — пришлось на ходу ловить и ее.

— Что стряслось с тетей? — хрипло спросила она.

— Не знаю. Я отходил.

Помогая Ирэн перешагивать через лужи и коряги, я пытался разглядеть, что же все-таки сделала Матильда.

А потом увидел ее лежащей на земле. То, что показалось мне шевелением под ногами охранников, оказалось самой баронессой. И ей явно было очень плохо.

— Черт! Ир, давай быстрее!

Она остановилась, чтобы отдышаться, и тут же схватилась за голову.

— Беги вперед, — выдохнула она. — Я догоню.

Да что ж такое с этими женщинами?! Я единственный остался не пристегнутым, а мне, судя по всему, досталось меньше всех.

Кивнув, я сорвался, скользя по размокшей земле. И притормозил, ухватившись за куртку Ланге. Манглавит пытался поднять Матильду, но та билась в подобии эпилептического припадка. Глаза женщины закатились, тело сотрясали судороги, зубы стучали, а изо рта шла пена.

— Бегите за медиками! — взревел я.

— Да позвали уже...

— Дорогу! — проскрипела неприятным голосом женщина за моей спиной. Я мельком обернулся и увидел лекарку в красно-белом комбинезоне с крестом на груди. Кажется,

именно она осматривала меня после аварии. — Господа, поверните ее набок! И отойдите.

Мы расступились, давая двум медикам дорогу. Те шустро уложили Матильду в нужном положении и принялись за осмотр.

Я едва успел перехватить Ирэн, рвавшуюся к тетке.

— Тихо, — сказал я, хватая ее крепче. — Дай им работать.

Девушка хмуρο скользнула взглядом по лицу тетки.

— Опять приступ. Точно он.

— Это что-то новое. При мне она просто в обморок падала, — ответил я.

— Иногда бывает просто обморок, а порой — и вот так, припадок начинается. Все после той проклятой ментальной травмы, — Ирэн понизила голос. — Если израсходует резерв силы, который у нее и так колеблется, или просто перенервничает, то начинается... Говорила я Корфу, что рано ей так активно заниматься обучением...

— Так, Ир, успокойся. Здесь врачи. Все будет в порядке.

— Да знаю, но... После обморока она быстро приходит в себя, но припадок — уже дело серьезное.

— Значит, само не пройдет? — уточнил я.

Ирэн покачала головой.

— Пройдет, конечно. Просто позже отпустит, и она потом будет лежать целый день. Есть лекарство, оно останавливает приступ. Обычно оно всегда при ней. Коробочка маленькая, там шприц... — Ирэн нарисовала пальцами в воздухе вытянутый прямоугольник. — Примерно вот такая. В сумочке или в бардачке. Видел?

— Нет.

Я метнул взгляд на перевернутого Леню. Ну, можно и поискать, хотя мне не казалось правильным лезть в машину, которую еще не осмотрело Тайное отделение. Сумочки при Матильде после аварии я не видел. Наверняка тоже осталась где-то в машине. Значит, придется нарушить правила. Случай исключительный.

— Название лекарства знаешь? — спросил я. — Может у врачей есть? В крайнем случае я могу попробовать...

Но Ирэн уже не было рядом со мной. Я увидел, как девушка, расталкивая локтями охранников, пробралась к работникам “скорой”. Что-то торопливо сказала им, показала руками, и женщина со скрипучим голосом кивнула. Второй врач тут же поднялся и пошел в карету “скорой” — лучи фонариков скользнули по светоотражающим нашивкам на его комбинезоне, и я прищурился.

Значит, лекарство у них все же было. Минус одна проблема.

Зато состояние Матильды объясняло некоторые странности в ее поведении сегодня. Фастфуд из “Рябы”, общая нервозность, невнимательность и рассеянность... Видимо, прихватило ее чуть раньше, но Матильда кое-как дотянула во время погони. А вот после аварии, вероятно, ее мозг окончательно поплыл.

Я уже хотел на всякий случай поискать коробочку с лекарством — на случай, если баронессу снова прихватит, но в этот момент заметил свет фар на дороге. Какой-то автомобиль остановился, чуть не доехав до пролома в барьере. Машину отсюда я не увидел — все скрывали плотные заросли кустарников и деревьев. Хлопнула дверь.

Вряд ли случайный проезжающий. Либо дорожный патруль, либо Тайное отделение. Но патрульная машина, по моим представлениям, должна была включить “люстру” или другие опознавательные знаки. Значит, наверняка это люди Корфа.

Я обернулся назад и увидел, что Матильду спешно заносили в карету “скорой”. За ней шли Ирэн и Ланге. Остальные топтались, не находя себе места.

Кто-то должен был заняться общением с людьми из Тайного отделения, раз уж я их вызвал. А кроме меня сейчас было некому. И я, проверив наличие пуговицы в кармане, пошел навстречу гостю.

Подсвечивая дорогу маленькой “Жар-птицей”, на склон вышел коротко стриженный высокий мужчина в темной одежде, характерной для сотрудников Отделения. Я махнул рукой, привлекая его внимание. “Ищейка” ловко соскользнул по грязи и приземлился, почти не испачкав ботинок. Взглянув на меня, тут же направился в мою сторону.

— Разрешите представиться. Игорь Николаевич Васильев, младший дознаватель Тайного отделения, — он огляделся по сторонам. — Должно быть, я прибыл раньше коллег.

— Михаил Николаевич Соколов, — представился я.

— Мне сообщили о вас и их благородиях, ваше сиятельство, — он поклонился. — Рад личному знакомству, Михаил Николаевич.

— Взаимно.

Он кивнул в сторону разбитого автомобиля.

— Увы, мне толком не передали информации о случившемся. Лишь то, что за автомобилем ее благородия была замечена погоня. Можете ввести меня в курс дела, ваше сиятельство? Впрочем, мне будет лучше поговорить с самой Матильдой Карловной.

— Боюсь, сейчас это невозможно, — я кивнул на карету “скорой”. — Ее благородие слегка занята.

Васильев понимающе кивнул.

— Все же были травмы?

— Вроде бы ничего серьезного, но...

— Но никогда не знаешь, как поведет себя даже самая незначительная рана, — вздохнул дознаватель. — Мне и самому случалось попадать в аварии. Один случай едва не стал для меня фатальным, но помогло чистое везение. Мимо проезжал земский лекарь, а я тогда и не осознавал, что счет шел на минуты... Впрочем, что это я? Прошу прощения, я не хотел вас напугать.

— Не напугали, — хмуро отозвался я. — А вот удостоверение не предъявили.

Дознаватель уставился на меня долгим ненастным взглядом а затем внезапно расплылся в улыбке.

— Моя вина, — он потянулся во внутренний карман и достал “корочки”. — Разумеется. Забыл в спешке. Прошу простить. Извольте ознакомиться, ваше сиятельство.

Света от “Жар-птиц” было немного, но я увидел вполне стандартные даже для моего мира документы. Герб Тайного отделения на черной корочке, на развороте — фотография, имя, должность...

— Благодарю, кивнул я. Извините, паранойя.

— Там, где я служу, все параноики. Быть может, подумаете о том, чтобы со временем присоединиться к Тайному отделению? — снова улыбнулся дознаватель. — Впрочем, я не хотел бы отнимать ваше время попусту. Соболаговолите рассказать подробности произошедшего, пока я осмотрю место аварии?

Я отвел его к Лене и жестом показал оцетинившимся на чужака охранникам Матильды, что все было в порядке. Да и Васильев не упустил шанса снова щегольнуть “ксивой”.

Находясь рядом с дознавателем, я ощутил мощное присутствие чужеродной силы —

этот Васильев был явно щедро наделен Благодатью. Хотя выглядел он довольно молодо, словно ему еще не было и тридцати, но потенциал в его крови был явно огромный. Я припомнил, что читал о нескольких родах с фамилией Васильевы — княжеский, несколько ветвей графских... Ну да, ничего удивительного. Интересно, какая у него была специализация?

Пока я рассказывал о “хвосте” и приметах машины преследователей, Васильев внимательно осматривал автомобиль. Особое внимание он уделил следу удара на заднем стекле.

— Вы сказали, что-то врезалось в стекло, верно? — уточнил он.

Я кивнул.

— Именно. Но автомобиль бронированный, и это был лишь один слабый удар. Даже стекло не пробило.

— Не сказал бы, что слабый, — Васильев натянул тонкие кожаные перчатки и указал на точку, от которой расползлась сеточка мелких трещинок. — Видите след, ваше сиятельство? Не думается мне, что это камень. Полагаю, могла быть пуля.

Так-так...

— Пуля? — удивленно моргнул я. — Но откуда же тогда стреляли? Я не заметил, чтобы в нас палили из автомобиля преследователей. Хотя старался глаз с них не спускать, когда они приблизились к нам.

Васильев почесал пятерней затылок.

— А вот это самое интересное, ваше сиятельство. Разумеется, понадобится заключение специалистов и дополнительная экспертиза, чтобы говорить с точностью. Однако смею предположить, опять же, на уровне гипотезы...

— Не томите, прошу! — поторопил я излишне вежливого “ищейку”.

— Судя по направлению, стреляли из леса. И пуля, если моя гипотеза верная, прошла под большим углом. Стрелявший немного не рассчитал, что неудивительно: непросто стрелять в темноте в движущийся объект, еще и на такой скорости.

— Черт возьми, зачем это кому-то понадобилось? И почему в таком случае был только один выстрел?

— Этого пока сказать не могу. Может хотели отвлечь... Но стреляй они под другим углом, пуля с высокой вероятностью могла бы застрять в стекле. Но я ее не вижу. Значит, прошла по касательной. И если вы утверждаете, что из преследовавшего вас автомобиля не стреляли, то остается...

— Только лес, — сказал я. — Значит, нас поджидали.

— Верно, ваше сиятельство. Кто-то подготовился. Но недостаточно хорошо. Или, как я сказал ранее, это мог быть отвлекающий маневр.

— Как бы то ни было, у них имелся запасной план, — отозвался я и потер ушибленное при аварии плечо. — Встречный автомобиль, из которого нас атаковали Благодатью третьего ранга. Зеленый “Колобок”. Собственно, это и стало причиной аварии.

Я рассказал о том, что было во время атаки и после нее. Правда, и поведать было особо нечего: все произошло слишком быстро. Разве что только...

— Я успел разглядеть того, кто творил “Колобки”, — сказал я. — Могу передать вам эти воспоминания.

— Боюсь, я не менталист, — отозвался Васильев. — И уж тем более не рискнул бы насилловать ваш разум после такого потрясения. Но у меня есть альтернатива.

Он сунул руку в карман и выудил оттуда небольшой сверток. В тусклом свете “Жарптицы” я смог рассмотреть, что это была ткань. А затем, не снимая перчаток, “ищейка” развернул складки бархата, и я увидел уже знакомый мне артефакт в виде маленького прозрачного шарика.

— Вам известно, что это, ваше сиятельство? — спросил дознаватель.

— Нет, — солгал я. Никто не должен был знать, что за трюк мы провернули с Корфом. — Что это?

— Артефакт для переноса воспоминаний. Небольшой накопитель. Вам нужно взять артефакт в руку, сосредоточиться на кратком воспоминании и поместить его на этот шарик. Когда я дотронусь до него, то смогу увидеть те образы, что вы передали шару. Это сложный, но самый безопасный процесс.

Я улыбнулся.

— Пока что не звучит сложно. Давайте попробуем.

Он отвел меня в сторону, подальше от свидетелей. Оно было к лучшему — свет фонарей и фар немного меня сбивал, да и причитания Иринки над Матильдой, которую, судя по всему, крепко вырубил лекарством, тоже не помогали сконцентрироваться.

Взяв артефакт голый рукой, я вызвал в памяти образ того мужчины из поравнявшегося с нами автомобиля, его лицо, глаза, зеленый свет его “Колобков”...

И засунул все это в прозрачный шарик. Надеюсь, поместилось. Все же эпизод оказался совсем небольшим. Почти что несколько кадров.

— Готово, — я протянул артефакт Васильеву, и тот подставил под шарик мешочек, ловко завязал тесемки и спрятал мои воспоминания за пазухой.

— Благодарю, ваше сиятельство. То, что вы запомнили лицо нападавшего — невероятное везение. Полагаю, это очень поможет нам. Но если этого окажется недостаточно или артефакт сработает с перебоями, Тайное отделение пришлет к вам нашего художника.

— Разумеется, — согласился я. — Но есть еще кое-что.

Я рассказал о своих соображениях относительно преследователей. Раз уж стреляли в нас не они, да и вообще вели себя не так, словно собирались нас прикончить, мне окончательно начало казаться, что эти странные люди и правда нас оберегали. Не ожидал подобного вмешательства от Аудиториума.

— Вот что обронил один из преследователей.

Я достал из кармана пуговицу и протянул дознавателю. Рассмотрев ее герб, Васильев нахмурился.

— Дерьмо... О, прошу прощения, ваше сиятельство. Это все усложняет.

— Вполне солидарен с вашей экспрессией, — мрачно усмехнулся я.

— Могу я забрать ее как вещественное доказательство? — попросил дознаватель. — У нас в штате есть артефактор с редкой специализацией по психометрии — способен считывать образы и воспоминания с предметов. Если он над ней поколдует, возможно удастся что-то нарыть о личности вашего преследователя. Но вы сказали, что заметили двоих. Второго, как я понимаю, совсем не разглядели?

— Увы. Только силуэт в машине. Вроде высокий, но не назвал бы крупным. Не выше вас, — прикинул я.

— Что ж, хотя бы одна ниточка у нас есть, — он с беспокойством взглянул на часы. — Что-то не едут... Дайте мне минуту, ваше сиятельство.

Он закрыл глаза, явно пытаясь сосредоточиться на ментальной связи. Я тем временем бросал взгляды на фургон “скорой”. Если бы все стало совсем плохо, Ирка бы меня позвала. Значит, можно было надеяться на лучший исход.

Васильев кашлянул.

— Ваше сиятельство, мне нужно отлучиться. Мои коллеги увидели брошенный черный “Руссо-балт” на трассе. Не исключено, что это ваш преследователи. Как бы то ни было, рекомендую вам отправляться домой, когда здесь будут улажены все формальности. Если нам что-то понадобится, мы свяжемся.

— Да, хорошо, — рассеянно отозвался я.

Что-то во всей этой истории не давало мне покоя. Словно пазл не складывался. Чего-то я не учитывал. Или не чувствовал. Но никак не мог понять, чего именно.

Васильев откланялся и торопливо зашагал к дороге. Вскоре я услышал рокот мотора, и затем автомобиль развернулся и унесся в сторону города. Судя по скорости, дознаватель здорово торопился.

Я подошел к фургону медиков.

— Ну как там?

Ира устало потерла глаза.

— Отключилась наконец-то. Проспит до завтрашнего вечера.

Лекарка сурово уставилась на Ирэн.

— Уверены, что все же не хотите поехать в больницу?

— Нет, — покачала головой девушка. — Это у нас далеко не впервые... Но я уговорю тетушку на новое обследование.

— Валя ваша, ваше благородие.

Ирэн дали подписать какие-то бумаги, что несколько удивило меня, учитывая, что совершеннолетней она не была. Но может как-то обошли правила ради дворян. Я выбрался из душной “скорой” — печка работала так, что я всего за пару минут пропотел до трусов.

И не успел дойти до Ланге, как у нас снова появились гости.

Первым на склон вывалился молодой “ищейка” Иннокентий, оформлявший меня в Отделении и принесший Штоффам вести о Шуваловых. За ним еще двое — вроде бы помощник Корфа Алексеев и еще какой-то тип борцовской наружности.

— Здравствуйте, Михаил Николаевич, — обратился Иннокентий. — Простите за задержку... Торопились как могли.

Я пожал плечами.

— Вы, вероятно, разминулись с Васильевым.

— С кем? — не понял Алексеев.

У меня засосало под ложечкой. Нет, нет, только не это...

— Васильев Игорь Николаевич, младший дознаватель. Приехал, собрал сведения. Буквально только что уехал...

“Ищейки” изумленно переглянулись.

— У нас нет никакого Игоря Николаевича Васильева, ваше сиятельство, — заявил Алексеев. — Совершенно точно таких нет.

— Черт! — у меня внутри словно что-то оборвалось, а за шиворот будто налили ушат ледяной воды. — Нужно его догнать!

Никого не спрашивая, я метнулся к автомобилю “ищек”, но незнакомый мне сотрудник со зверской рожей успел меня перехватить.

— Куда, бл...?! В смысле, куда изволили намылиться, ваше сиятельство?

Я резко развернулся и вырвался из захвата. Спросить бы с него имя и звание, чтобы потом отчехвостить за неподобающее обращение. Но сейчас было не до этикета.

— Он только что уехал, — тараторил я. — Всего несколько минут назад! Нужно догнать и перехватить его, пока он не отъехал далеко!

Помощник Корфа быстро сориентировался.

— Попробуем. Михаил Николаевич, вы запомнили его автомобиль?

— Нет... Не разглядел толком, — я изо всех сил напряг память, стараясь вспомнить хоть что-нибудь. Силуэт автомобиля на трассе я разглядел смутно. На дороге было темно. Но когда Васильев зажег “Жар-птицу”... — Вроде седан темного цвета. Но не уверен.

Алексеев разочарованно скривился.

— Идемте, — он жестом указал в сторону дороги. — Можно попробовать объявить перехват. Я могу связаться с ближайшим постом и потребую останавливать каждого для проверки. Но нужно точнее понимать, кого искать. У нас нет ничего, кроме имени. Михалниколаич, вспомните хоть что-нибудь, молю!

— Этот Васильев светил удостоверением сотрудника Тайного отделения, — уже на бегу сказал я. — Потому я и поверил ему.

Проклятье! Какой же я болван! Ведь чувствовал, что что-то было не так. И мог же связаться с Корфом, уточнить, был ли Васильев его человеком. Но слишком поторопился и не внял чуйке. Артефакт и корочки ввели меня в заблуждение. Поверил... Вера людям в этом мире явно до добра не доведет.

Мордоворот сел за руль, Алексеев — на переднее пассажирское, а мы с Иннокентием расселись сзади.

— Саш, быстрее, — торопил водителя помощник Корфа. Сам он при этом кому-то активно строчил в телефоне.

— Уехал в сторону города?

— Да, — отозвался я.

Мордоворот быстро завел двигатель, мы шустро развернулись, и водитель поддал газу. Водил он явно лучше Матильды — поездка обещала быть насыщенной.

У Алексеева зазвонил телефон, и я откинулся на сидении подальше, чтобы не фонить.

— Слушаю! Да... Пытаемся. Назвался Васильевым Игорем Николаевичем... Да, уж поручил проверить. Я же писал. Принято.

Закончив звонок, Алексеев снова уткнулся в экран и принялся что-то строчить.

Мордоворот Саша лихо вписался в очередной поворот. Иннокентий крепче ухватился за дверную ручку.

— Что вы ему рассказали, ваше сиятельство?

Я передал ему содержание разговора. Упомянул о пуговице и артефакте. Да и в целом пришлось кратко пересказать все, что произошло до этого.

— Скверно, — заключил “ищейка” и задумчиво побарабанил пальцами по ноге. — А ведь нам навстречу попался один автомобиль, уже почти на самом подъезде к вам. Я еще удивился, почему он так разогнался — дорога-то сложная. Саш, помнишь, ты пошутил, что он на тот свет торопится?

— Ага, — ухнул мордоворот. — Темная “Сильвия” это была. Запомнил.

Алексеев обернулся к водителю.

— Уверен, Сань?

— Точно. “Руссо-балт” “Сильвия”, у нее решетка еще такая затейливая. Модель распространенная, но запоминающаяся. Я заприметил на повороте.

Опять “Руссо-балт”? У меня во время погони не было ни времени, ни желания разглядывать решетки, но что если это была одна и та же машина? Ведь тогда я заметил двоих в салоне... Одного, в шляпе, я видел, когда он пошел проверить нас после аварии. А вот второго во время погони не рассмотрел. Не мог ли он быть Васильевым? Это бы объяснило, почему он вернулся за пуговицей...

Но что это за парочка такая — сотрудник Тайного отделения и представитель Аудиториума? И был ли тогда аудиториумец настоящим? Но если он был ненастоящим, то зачем тогда забирать пуговицу?

Ни черта не понимаю...

— Молодец, Саш, — выдохнул помощник тайного советника. — Буду ходатайствовать, чтобы Корф выписал тебе премию.

— Нам бы сперва голов не лишиться из-за болтливости его сиятельства, — мрачно ответил мордоворот.

Возразить мне было нечего. Накосычил я изрядно.

— Героизм одних — это следствие разгильдяйства других, — отозвался Иннокентий. — Нам не привыкать. К тому же юношу особо не в чем обвинить — он пытался сотрудничать. Да и откуда ему было знать, кого собирался прислать Корф?

Но я себя не оправдывал. Следовало быть умнее.

Алексеев снова что-то застрочил в телефоне. Казалось, он и вовсе прирос к аппарату.

— Разослал ориентировки на “Сильвии”, — сказал он. — Главное, чтобы этот Васильев не успел сменить машину.

Честно говоря, я сомневался, что из этой нашей затеи выйдет толк. Реши я провернуть такой маскарад, то позаботился бы и о путях отхода. И автомобиль поменял бы на заранее подготовленный в каком-нибудь укромном месте. Другой вопрос — было ли у обманщика на это время. И все-таки был ли он один?

Я помалкивал, не зная, делиться ли догадкой с “ищейками”. После этого сокрушительного провала с Васильевым я уже и сам себе не доверял. И хотелось исправить ситуацию, да уже боязно было рыпаться — как бы не сделать все еще хуже.

Черeda крутых поворотов закончилась, и мы выехали на относительно прямой участок трассы. Саша вдавил педаль газа, а я дивился тому, что дорога была пуста — ни одной машины ни туда, ни обратно. Сплошная тишь, словно все вымерло. Лишь изредка свет фар отражался в глазах диких животных, следивших за нами из леса.

Я уставился в окно, размышляя, зачем преследователи устроили весь этот цирк с переодеванием. И едва не упустил из виду что-то яркое в конце съезда с дороги. Желтое,двигающееся. Пожар?

— Стоп! — рывкнул я так громко, что у самого зазвенело в ушах.

Водитель ударил по тормозам.

— Да мать-перемать! — он обернулся. — Нельзя же так! Ваше... сиятельство.

— Извините, — я кивнул в сторону съезда. — Там что-то есть. Кажется, огонь.

Саша сдал назад, аккуратно подобрался к съезду — обычной грунтовке с укатанными двумя полосами. Вдали, метрах в ста, действительно что-то горело.

— У меня нехорошее предчувствие, — сказал Алексеев и спрятал телефон в карман. — Кеша, ты самый быстрый. Сгоняй посмотри.

— Можно с вами? — попросился я. — Я знаю Васильева в лицо. Вдруг пригодится.

Иннокентий оказался сговорчивым.

— Ладно. Только аккуратно, ваше сиятельство.

Мы выскочили из автомобиля и направились вперед по грунтовке. И чем ближе подходили, тем яснее становилось, что это и правда был небольшой пожар. На всякий случай я активировал “Берегиню” и поморщился от резкой боли в голове: измотанный организм с неудовольствием отозвался на очередное применение силы.

— Стойте, ваше сиятельство, — Иннокентий вскинул руку и осторожно подошел ближе. — Ближе вам пока что лучше не подходить.

Мне удалось рассмотреть горящий объект. Автомобиль. Ну конечно, как же иначе?

Иннокентий осторожно двинулся дальше.

— Полагаю, ориентировки уже не нужны, — присвистнув, сказал он.

Я нарушил его просьбу и двинулся за “ищейкой”, пытаясь разглядеть сквозь пламя, были ли внутри пассажиры. Вроде никого.

— Там! — Иннокентий указал в сторону леса. — Человек!

Я проследил за его пальцем и увидел привалившуюся к дереву фигуру. Васильев. Точно он. И бросился туда. “Ищейка” метнулся вслед за мной.

— Это он! — сказал я, подбежав к лже-дознавателю.

Васильев не дышал. Я попробовал нащупать пульс — ничего. Присел возле него на корточки и провел ладонью, пытаясь продиагностировать состояние. Пусто. Мертв.

— Мы опоздали.

— Вижу. Он немного обгорел — видимо, успел выбраться из автомобиля, пока огонь сильно не занялся. А вот эти раны, — Иннокентий указал на точечные сильные ожоги, — следы магического удара.

— Ага. Похоже на “Колобки”.

Но я чуял в нем большую силу. Почему он не защитился “Берегиней”? Не ожидал нападения?

Отбросив всякое почтение к усопшим, я принялся шарить по карманам Васильева. Выудил из-за пазухи удостоверение и передал Иннокентию. Но пуговицы не нашел. Зато, кажется, что-то осталось у него в руке.

С усилием я разжал его пальцы. Кеша охнул.

— Ничего себе. Как он умудрился его сломать?

— Полагаю, при помощи “Благодати”.

В ладони Васильева обнаружился расколотый на несколько кусков артефакт записи воспоминаний. Интересно, он успел показать его своему убийце? Или все же спрятал и уничтожил, когда понял, что его предали?

— Я зову остальных, — сказал “ищейка”. — Пожалуйста, больше ничего не трогайте.

— Хорошо.

Я остался рядом с телом, косясь на догорающий автомобиль. Васильев умудрился отползти довольно далеко, но почему тогда не попытался залечить раны? Или попробовал, но не хватило резерва? Черт, знать бы больше о том, как работала “Благодать”! Все же моя сила отличалась, и я не был так ограничен резервом, хотя порой родовой источник делился с неохотой...

Автомобиль Тайного отделения затормозил неподалеку. Иннокентий повел Алексеева и Сашу к нам с трупом. Мордоворот жестом велел мне отойти и принялся осматривать тело.

Я устало опустил на какой-то пень и уронил голову на руки. Вот и ниточка оборвалась. Впрочем, если в Тайном отделении и правда существовали те психометристы, что могут считывать образы с объектов, то кое-какой шанс что-то выяснить все еще был.

Итак, Миха, мы не знаем, кем на самом деле были эти ряженые, почему один решил убрать другого, и, главное — кто же шмалял в Леню “Колобками”. Столько всего произошло, а яснее не стало.

— Поздравляю, сюда едет Корф, — не отрываясь от телефона, оповестил Алексеев.

Мордоворот Саша поднял голову.

— Ага, я как раз соскучился.

— Нужно отвезти его сиятельство домой. Оpozнание произведено, остальное... Завтра заедем с протоколом на подпись. Я уже связался с Виктором Зиновьевичем, он пришлет сюда машину за его сиятельством.

Мое сиятельство согласно кивнуло. Сил уже не осталось даже на то, чтобы держать спину ровно. Я так и сидел на своем пенке, пока “ищейки” суетились на месте преступления: Алексеев не отрывался от телефона, Иннокентий занялся составлением протокола, мордоворот Александр внимательно осматривал каждую мелочь.

Когда прибыл сам Ланге, я едва нашел силы попрощаться и рухнул на заднее сидение машины “безопасника” и тут же отключился...

И проснулся от настойчивого стука в дверь.

— Миш! — звонкий голос Ирэн заставил меня распахнуть глаза. — Миииш! Проснулся?

— Теперь... — я откашлялся. — Теперь да. Сейчас.

Так... Моя комната в особняке Матильды. Уже хорошо. На часах было почти одиннадцать, сквозь неплотно задернутые шторы пробивался холодный дневной свет.

Я отбросил одеяло и удивленно уставился на ноги. Меня не просто донесли до спальни, но переодели в пижаму и даже заботливо оставили стакан воды на прикроватной тумбе.

Надев тапки, я нетвердой походкой доковылял до двери и повернул ручку.

— Привет! — Ирэн выглядела на зависть отдохнувшей. Была свежа, словно утренняя роза. Я впустил подругу в комнату и мельком глянул в зеркало — похвастать тем же, увы, не мог.

— Как Матильда? — первым делом спросил я и пригласил Ирэн сесть за столик у окна.

Девушка плюхнулась в кресло и уставилась в окно.

— Все еще спит. Лекари вкатили ей такую дозу успокоительного, что тетя проснется самое лучшее к вечеру. Но ей нужен отдых... И я вызвала врача. Потребовала, чтобы Корф прислал придворного. У дяди Вальтера есть связи.

Дяди Вальтера? Вот, значит, как она его называет без свидетелей? Да уж, связь Пистолетыча с этой семейкой явно переходит за рамки уставных отношений.

Ирэн выглядела даже не обеспокоенной — одновременно мрачной, скорбной и озабоченной.

— Что-то не так? — Спросил я. — В смысле я понимаю, что приступ Матильды — штука нехорошая. Но в прошлый раз ты всех на уши не ставила.

Девушка покачала белокурой головой и нервно заломила руки.

— Они стали чаще, Миш. Ты всех не видел. Но я замечала, Василий говорил.. Матильда пытается это скрывать, но ей становится хуже. Она пыталась продержаться как можно дольше ради нас, чтобы подготовить и нас, и Сперанских... Но заплатила за это дорогую цену.

— С чего ты решила?

— Я все-таки будущий менталист и ее племянница. Я хорошо знаю, когда Матильда плоха, а когда нет. И сейчас она очень плоха. Поэтому я буду настаивать на ее немедленном лечении.

— А оно возможно?

— Посмотрим, что скажет придворный лекарь. Надеюсь, еще не поздно что-нибудь предпринять.

— А если... Если поздно, что тогда будет?

— Приступы учащаются, станут продолжительнее и тяжелее. Повреждения начнут затрагивать физическое тело. Она начнет терять память, не сможет концентрироваться и сосредотачиваться. Затем станет все забывать. И всех... Потом начнутся проблемы с передвижением, и в конечном итоге она сляжет. А затем... Смерть. Медленная, мучительная, в беспомощности и бессознательном состоянии.

Рассказ Ирэн очень походил на описание деменции. Увы, с этой хворью я успел познакомиться близко в своем мире. Бабушка Сереги, моего лучшего друга, страдала старческим слабоумием. Уходила из дома и все пыталась уехать в Краснодар, из которого была родом. Искали всем двором. Однажды нашли через неделю в Туле...

Черт возьми, Матильда — красавица и умница, роскошная женщина... И кончить вот так?

Врагу не пожелаешь подобного финала.

— Ир, если я могу как-то помочь...

— Да как ты сможешь? — всхлипнула девушка. — Хуже всего осознавать, что она пожертвовала здоровьем ради того, чтобы подготовить меня к поступлению. Ведь могла же отказаться тренировать, могла не брать Сперанских и тебя... Нет же, нужно всегда всех выручить!

— Иди сюда, — я подошел к ней и обнял за плечи. — Может все еще и не настолько плохо. Приедет этот важный башковитый лекарь, осмотрит, вынесет вердикт. И если есть хоть какой-то шанс помочь твоей тетушке, мы все для этого сделаем. И я тебе помогу, потому что она очень много сделала для меня. Понятно?

Ирэн торопливо вытерла слезы и кивнула.

— Прости, что расклеилась перед тобой. На нашу семью тоже много всего навалилось. Поступление, Шуваловы, этот Радамант, атаки... И еще Леня разбился... Она так его любит!

— И Леню починим. Не все сразу, Ир. Будем решать проблемы по мере поступления. Составим список, распределим по приоритетам и станем потихоньку все разрешать.

Я ожидал, что Ирка сбросит мои руки, как только до нее дойдет, что я ее обнимал, но, к моему удивлению, она даже положила ладонь на мое запястье.

— Спасибо, Миш. У меня не так много людей, на помощь которых я могу рассчитывать.

— Ну мы же связаны твоей клятвой, — улыбнулся я. — Как твой патрон, я обязан за тобой присматривать. Хотя, конечно, дело не только в этом.

Ирэн осторожно вывернулась из моих объятий и поднялась с кресла.

— Собственно, я пришла не плакаться. Сегодня пришел конверт из Аудиториума.

— Ну-ка...

Девушка нахмурилась. Видимо, вспомнила, какие манипуляции с ней провернули, чтобы скрыть инцидент. И, судя по ее лицу, перспектива поступить в этот контактный серпентарий больше не вызывала у нее таких диких восторгов.

— Так что за конверт? — уточнил я.

— Во-первых, официально подтверждено, что мы прошли. Ты, я, Коля. Увы, Поле с Борей придется посидеть на скамейке запасных. Иногда устраивают конкурс между провалившимися испытания, если идет недобор на курс. Но так бывает редко.

— Поздравляю нас, — кисло ответил я. — А еще что?

— Второй этап будет послезавтра. Даже с учетом того, что мы оба умудрились сразиться со старшими, все равно придется биться против студентов.

Я пожал плечами.

— Логично. Равные условия для всех, да?

— Вроде того. Надеюсь, мы успеем прийти в себя после всего...

— Сейчас меня в первую очередь беспокоит состояние Матильды.

— И еще, — Ирэн ткнула мне в грудь пальчиком со свежим нежно-розовым маникюром. И когда успела? — Скорее иди завтракать. Через полчаса здесь будет Корф со своей свитой. Дядя Вальтер сказал, у него есть для тебя информация насчет какого-то Васильева...

— Дай мне десять минут на душ, — попросил я. — И, если не затруднит, попроси у слуг кофе с какой-нибудь булкой. Есть хочу со вчерашнего дня.

Ирэн улыбнулась.

— Я и сама еще не завтракала. Завтрак уже готовят. Твою любимую форму почистили. Хотя Фрося настаивает, чтобы ты наконец-то заглянул в шкаф и примерил обновки.

— Оу... Спасибо. Гляжу, у тебя все схвачено, — подбодрил я подругу.

Ирэн лишь пожала плечами.

— Мне не впервой управляться с домом, пока Матильда плохо себя чувствует. Всякое бывало... Ладно, жду тебя внизу к завтраку.

Она вышла, а я направился напрямиком в душ. Горячая вода разогнала кровь и быстро привела меня в чувство. Я тер мочалкой тело так исступленно, словно неосознанно хотел избавиться от воспоминаний вчерашнего дня. Сейчас все это казалось неприятным сном, почти нереальным, но я понимал, что последствия придется разгребать еще очень долго.

Накинув халат, я дошлепал босыми ногами до платяного шкафа.

— Ну-с, глянем, что там приготовила наша мастерица...

Я распахнул створки и остолбенел. На полках были аккуратно сложены футболки, носки и прочее белье. На вешалках висели рубашки, брюки и даже пара пиджаков. Внизу — туфли и кроссовки на смену моим ботинкам. Все явно было сшито по моим меркам, кроме совсем уж простых вещей. В одежде преобладал черный цвет — все же моя семья носила траур по Петру. Даже это учли...

Нужно бы поблагодарить и Ефросинью, и ее работодательницу при случае. И зачем Матильда тратила на меня столько денег и сил? Это ведь было совсем необязательно, да и сомневаюсь, что отец согласился бы компенсировать все эти затраты. Или то была благодарность баронессы за то, что я приглядывал за Ирэн?

Надев кое-что из обновок, я спустился в малую столовую, где мы обычно завтракали. Без Сперанских и Матильды здесь казалось совсем пусто. Придвинутые стулья и всего две тарелки... Так странно и тихо.

Ирэн уже пила кофе, изучая утреннюю прессу.

— Ни слова о Полигоне, — оторвавшись от газеты, сказала она. — Кстати, отлично выглядишь.

— Спасибо. Ничего удивительного, что Аудиториум не дал информацию. Думаю, будет только пышная хвалебная статья по итогам зачисления.

— Полагаю, да.

Девушка отложила газету и придвинула к себе тарелку с хлебом. Скромненько...

— Ты ешь и не гляди так на меня, — угадав мои мысли, сказала она. — Просто от всей этой чехарды мне кусок в горло не лезет.

— А мне — наоборот.

Василий внес небольшую чугунную сковородку с моей любимой дымящейся яичницей. Мне с трудом удалось уговорить Матильду позволить мне есть глазунью именно с чугушка. Она поверила, что так вкуснее лишь после того, как сама повелась на мои увещания и сама попробовала. Не знаю, в чем заключалась эта магия, но со сковородки и правда было куда лучше.

— Спасибо, Василий.

— Рад услужить, ваше сиятельство. — Лакей взглянул на часы. — Ирина Алексеевна, мы все еще ожидаем гостей?

— Полагаю, да. Минут через пятнадцать.

— Тогда в каком помещении нам сервировать напитки?

Ирэн на миг задумалась, а затем решительно кивнула своим мыслям.

— Давайте в библиотеке. Подходящее место для беседы.

— Слушаюсь, ваше благородие.

Храня невозмутимое выражение лица, наш чопорный лакей вышел раздавать указания остальным слугам. Ирина пожевала немного хлеба с маслом и сосредоточилась на кофе.

— Не выспалась? — прожевав кусок, спросил я.

— Полночи провела у тетушки. Пока три чашки не выпью, не проснусь.

Я кивнул. Оно и понятно. Ирка до безумия была привязана к Матильде. Я покончил с яичницей и тоже схватился за кофейник, пока моя подруга не опустошила его окончательно.

И едва успел перемешать сахар в чашке, как со стороны подъездной аллеи донесся шум.

— Вот и Корф? — спросил я, с неудовольствием глядя на чашку. Видимо, не судьба мне насладиться утром должным образом.

Ирэн подошла к окну и отодвинула занавеску.

— Да, это они. Дядя Вальтер, Алексеев и... еще кто-то. Я его не знаю.

Может Иннокентий? Или мордovorот Саша?

Я залпом выпил свой кофе и поднялся.

— Идем встречать?

— Пожалуй. Если ты закончил.

Мы вышли в холл как раз в тот момент, когда слуги распахнули двери и впустили гостей.

— Ваше сиятельство, — кивнул Корф. — Ваше благородие...

Остальные поклонились. Я же рассматривал незнакомца. Невысокий мужчина средних лет с благообразным ликом, какие писали на византийских иконах. Глубокие выразительные глаза, аккуратно подстриженная борода на вытянутом лице. Одет дорого, но скромно, словно человек не желал привлекать к себе лишнего внимания.

— Разрешите представить, — Корф указал на незнакомца. — Григорий Сергеевич Салтыков, придворный лекарь Ее Императорского Величества. Ваше высочородие, прошу.

Ирэн чарующе улыбнулась и подала руку лекарю.

— Рада знакомству, ваше высочородие.

— Польщен знакомством, Ирина Алексеевна, — лекарь поцеловал руку Ирэн и обернулся ко мне. — Полагаю, вы знаменитый Михаил Николаевич Соколов?

Я немного смутился.

— Верно, это я. Видимо, слава идет впереди меня. Рад знакомству, Григорий Сергеевич. Лакеи помогли гостям снять верхнюю одежду. Ирина тут же взяла инициативу в свои руки.

— Прошу за мной, Григорий Сергеевич. Я отведу вас к тетушке.

Салтыков приятно улыбнулся, и мне показалось, что его глаза почти физически залучились теплым светом. Словно при его появлении в доме стало немного уютнее. Очень странное ощущение от присутствия человека. И сила в нем была странная... Ничего опасного, но мощь ощущалась. У Коли Сперанского было по-другому, Коля был более

колючим, быть может, из-за юности и шалящих гормонов. А этот Салтыков внутренне сиял, словно майское солнце.

— Разумеется, ваше благородие, — лекарь перебросил саквояж из руки в руку. — Вальтер Макарович сказал, что вашу тетюшку беспокоят последствия ментальной травмы...

— Да, все верно. Я расскажу по дороге.

Ирэн увела Салтыкова наверх, а я остался наедине с Корфом и Алексеевым.

— Что ж, прошу в библиотеку, господа, — улыбнулся я и жестом пригласил их войти в боковые двери.

Слуга незаметно скользнул за мной и, удостоверившись, что на небольшом столике было все необходимое для небольшой трапезы, удалился.

— Спасибо, что так быстро привезли лекаря, Вальтер Макарович, — первым делом сказал я. — Ирину это очень утешит.

— Мы все переживаем за здоровье твоей наставницы, Михаил.

И все же, думалось мне, что именно Корф стал причиной трагедии, что произошла с Матильдой. Слишком уж он увивался возле Штоффов, что с его широким кругом обязанностей сочеталось с большим трудом. Причем я не замечал, чтобы там был какой-то выраженный эротический интерес. Скорее отеческий. Матильда и Корф больше походили на закадычных друзей. И я остро чувствовал вину Пистолетыча всякий раз, когда они с Матильдой оказывались рядом. Эта вина, это сожаление словно витали в воздухе и казались неуловимыми, но остро их ощущал.

— Тогда перейдем к делу, — я жестом пригласил гостей рассестся и удивился тому, что уже вел себя в этом доме совершенно по-хозяйски. Привык. — Насколько я понял, есть новости о Васильеве?

Алексеев метнул вопросительный взгляд на начальника, словно просил разрешения взять слово, и тот кивнул. Помощник извлек из кожаного портфеля тонкую папку — картонную, прошитую красными нитками — и передал мне.

— Что самое интересное, Васильев тебе не солгал, — сказал Корф. — Он действительно являлся младшим дознавателем Тайного отделения.

— Тогда почему...

— Читай, — Пистолетыч указал на папку.

Я открыл папку и уставился на документы из личного дела. Увидел фотографию Васильева. Здесь он был на несколько лет моложе, в мундире при полном параде и на фоне имперского флага и герба. Официальное фото для личного дела. Пробежавшись по строкам, я вскинул брови.

— И правда. Но в Москве...

— Именно. В момент своего появления в Петрополе Васильев находился в официальном отпуске. О его планах в родных стенах, разумеется, ничего не знали.

Может тогда и аудиториумец был настоящим? Тогда появлялся смысл забирать пуговицу...

— Итак, мы имеем сотрудника московского филиала Тайного отделения, который спелся с неизвестным служителем Аудиториума, чтобы... Чтобы что? — уставился я на Пистолетыча.

Корф вздохнул.

— Этого я пока сказать не могу.

— Они следили за нами, Вальтер Макарович. И явно не собирались атаковать. Более

того, у меня сложилось впечатление, что их, наоборот, прислали нас защитить. Васильев сказал про пулю — в нас стреляли. Затем встречная машина и мужик с “Колобками”...

— В вас и правда стреляли, — сказал Алексеев. — Автомобиль уже осмотрели специалисты.

— И Васильев явно хотел установить личность тех, кто на нас напал, — добавил я. — Иначе зачем ему записывать мои воспоминания на артефакт? И что с его автомобилем? “Сильвией”.

— Это его личный транспорт, — ответил Алексеев. — Автомобиль уничтожен.

Корф, так и не притронувшись к напиткам, подался вперед.

— Михаил, я вынужден снова просить тебя об услуге. О неприятной процедуре...

— Хотите считать мои воспоминания.

— Да. Чтобы проверить версии, нужно понимать, кем был второй. И нужно увидеть лицо нападавшего.

Примерно такой просьбы я и ожидал. И даже морально подготовился к очередной вспышке боли. Корф, в отличие от Великого князя, деликатностью не отличался.

— Согласен, — ответил я. — Но пока не начали, скажите, пожалуйста, а в Отделении действительно есть психометристы? Ну те, кто считывает образы с предметов...

Алексеев и тайный советник удивленно переглянулись.

— Откуда ты о них знаешь? Это очень редкая специализация. На стыке ментализма и артефактологии.

— Васильев упомянул. Сказал, намеревался показать пуговицу психометристам. Но мне думается, он просто хотел заговорить мне зубы. Или нет?

Мой вопрос, казалось, слегка озадачил Пистолетыча.

— Во всем Петрополе всего четверо таких специалистов высокого уровня, — медленно выговаривая слова, словно тщательно подбирал каждое, ответил он. — Один — член императорской фамилии, второй работает в Аудиториуме, а остальные служат у нас.

— Маловато для такого большого города, да еще и столицы, — удивился я.

— Мало кому конфигурация силы позволяет овладеть этим ремеслом. Кроме того, исторически сложилось, что психометристов обучают не в Петрополе, а в Константинополе. В южном Аудиториуме Магико есть целый факультет.

Всего четверо на всю Северную столицу...

— Странно. Ремесло ведь очень полезное.

— Но опасное, — возразил Пистолетыч. — И еще психометристы, увы, долго не живут. Во время работы им постоянно приходится принимать стимуляторы, чтобы разогнать сознание и увидеть больше, чем могут обзреть глаза. Во-первых, это дорого. Во-вторых, от подобного регулярного воздействия страдают и разум, и тело. Поэтому тридцать пять лет для психометриста — уже пенсионный возраст. Чем более редким даром мы обладаем, тем дороже за него приходится платить, Михаил. Мало кто соглашается добровольно укоротить себе жизнь.

— Но, выходит, у нас все-таки есть возможность проверить какой-нибудь объект у психометриста.

И тогда, получается, Васильев и здесь мне не солгал. Удивительно.

— Было бы что проверять, — мрачно отозвался Алексеев. — Пуговицу-то забрали. А она могла многое рассказать...

— А если все же найдем владельца?

— Вот для этого я и прошу тебя позволить считать твою память, — напомнил Корф.

— Что ж, приятно, что мы мыслим примерно в одном направлении, — криво улыбнулся я и подошел к тайному советнику. — Приступайте к пытке, ваше превосходительство.

Алексеев уступил мне место на диванчике и тут же воспользовался возможностью уткнуться в телефон. Казалось, секретарь Корфа просто прирос к своему устройству. Вечно что-то строчил, смотрел и отправлял.

Я сел рядом с Корфом. Менталист положил руки мне на голову.

— Помнишь, как помогать?

— Конечно.

Расслабиться и получать удовольствие, ага. Впрочем, стиль работы Пистолетыча не предполагал никакого кайфа. Стараясь не думать ни о чем, кроме вчерашних событий, я открыл разум и позволил силе Корфа скользнуть в мои воспоминания. Услужливо показал ему сцену погони, аварию и все, что было дальше.

В голове неприятно зудело. И хотя мозг не мог чесаться, мне очень хотелось его поскрести. Но на этот раз хотя бы обошлось без острой боли. Неужели я пообвыкся?

— Спасибо, Михаил.

Корф отнял руки и отстранился от меня. Я открыл глаза и поморщился от дневного света — почему-то всегда после ментальных процедур глаза начинали болеть от всего яркого.

— Стало понятнее? — с надеждой спросил я.

— Жаль, что ты не смог как следует разглядеть того мужчину из Аудиториума.

— Шляпа закрывала лицо...

— Но теперь у нас есть хоть что-то. Попробую дернуть за ниточки.

— А нападавший?

— Я его не знаю. А шерстить всех обладателей третьего ранга в империи проблематично и займет много времени. Но будем работать.

— Рад, что помог. Как понимаю, сперва вы начнете трясти связи Васильева?

Алексеев оторвался от телефона.

— Мы уже потрясли эту яблоньку. И она дала первые интересные плоды.

— Излагай, — приказал тайный советник.

Алексеев с сомнением покосился на меня.

— Уверены?

— Говори.

— Игорь Николаевич Васильев оказался дальним потомком знаменитого графа Васильева. Древний боярский род, возведенный в графское достоинство при императоре Петре Алексеевиче. Что занимательно, в гимназии он числился под фамилией Сильев, что позволяет предположить, что наш Игорь Николаевич имел... скажем деликатно, внебрачное происхождение.

— Когда он сменил фамилию?

— При поступлении в Московский университет. В этот момент он превращается в Васильева, успешно проходит вступительные испытания и зачисляется на факультет управления Благодатью.

Я озадаченно уставился на кофейник.

— Выходит, он был внебрачным сыном, которого позже узаконили. Но тогда, получается, его не отрезали от рода?

— Полагаю его отец, Николай Федорович, сможет пролить свет на эту историю, — ответил Алексеев.

Интересно девки пляшут...

Радамант — бастард Романовых, Васильев был бастардом... Понятно, что Радамант не мог провернуть все свои теракты один и у него наверняка должны были найтись помощники. Другой вопрос, добровольные или нет. Идейные противники установленного порядка или такие же пешки вроде меня, пока что не осознавшие своей роли в этой игре?

Выборка пока была маловата. Я знал всего о двоих, включая зачинщика. Но если предположить, что Радамант собирал вокруг себя незаконнорожденных, не отрезанных от родов, это превращалось в гигантскую проблему. Начиная с того, что о многих одаренных ублюдках государство могло попросту не знать, заканчивая теми, кого тайно узаконили.

— Михаил, что с тобой?

Я встrepенулcя и непонимающе уставился на Корфа.

— Ничего.

— Говори, что придумал. У тебя на лице написана догадка.

— Да ну, маловато пока сведений.

— Говори.

Вздыхнув, я поделился с ним соображениями и догадками. Корф, хвала ему за такт, выслушал меня внимательно.

— Интересная версия, — откинувшись на спинку диванчика, сказал он. — Но ты прав, у нас мало сведений, чтобы делать столь громкие выводы.

— А если аудиториумец — тоже бастард? — предположил я. — Туда пустят только узаконенных, ибо... Ну, порядки, нравы, сами понимаете. Это ведь можно проверить?

— Можно попытаться, — кивнул Алексеев. — Я отправлю запрос.

— Не запрос нужно направлять, а самим копаться в их архивах.

— Ну, разрешение у вас есть, — улыбнулся я.

Корф наградил меня тяжелым взглядом.

— Судя по голосу, там был вовсе не студент, — добавил я. — Это может сузить круг поисков.

— Может. Но трясти придется всех. Мне начинает надоедать эта игра.

Двери библиотеки отворились с тихим скрипом. Лакей пропустил Ирэн и лекаря. Мы поднялись при появлении дамы, и я заметил, что щеки подруги были мокрыми и красными от слез.

— Ир, что случилось? — отбросив все приличия, спросил я.

Она не ответила. Лишь снова зашлась в рыданиях.

Мы с Корфом переглянулись. Лицо тайного советника вытянулось и побледнело. Придворный лекарь императрицы выдавил из себя улыбку.

— Полно вам, Ирина Алексеевна. Это еще не окончательный приговор, — он потянулся было к ее плечу, чтобы утешить, но не решился дотронуться до плачущей девушки.

Ирина еще раз всхлипнула, затем яростным жестом вытерла слезы прямо рукавом и направилась к креслу.

— Судя по всему, появилась конкретика? — озадаченно спросил тайный советник.

Лекарь неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Ваше превосходительство, по долгу своей работы я связан врачебной тайной...

— От этих людей у нас нет тайн, Григорий Сергеевич, — тихо, но с нескрываемой злостью непонятно на что отозвалась Ирэн. — Прошу, присядьте и поделитесь с господами выводами об увиденном. Это может иметь значение для Вальтера Макаровича.

Лекарь кивнул.

— Как пожелаете, ваше благородие.

Он присел на самый краешек дивана, словно чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, если он принес плохие новости, он не зря нервничал. Гнев Корфа был холодным, но тяжелым. Да и слезы Ирэн явно смутили мужчин. В высшем обществе проявление подобных эмоций не приветствовалось.

Я опустил в кресло подле Иры и без стеснения взял ее ладонь в свою. Она осторожно пожала мои пальцы и снова всхлипнула.

“Держись, Ириш”, — я послал ей короткий ментальный сигнал. — “Что бы ни случилось, все переживем”.

Салтыков прочистил горло и уставился на тайного советника. Возможно, он уже был в курсе, что в случае недееспособности Матильды опекуном Ирэн до ее совершеннолетия станет Корф.

— Увы, Матильда Карловна еще так и не проснулась, поэтому я не смог провести тщательный осмотр, — начал лекарь. — Тем не менее мои ментальные способности позволили добраться до источника проблемы...

— Не томите, прошу, — жестом поторопил его тайный советник.

— Состояние Матильды Карловны действительно значительно ухудшилось. Ирина Алексеевна показала мне предыдущие записи, я изучил карту... С момента прошлой диагностики жизненные показатели снизились.

Пистолетыч казался смущенным.

— Какие именно показатели? Есть ли понимание, что послужило причиной? Я ведь осматривал ее благородие с пару недель назад и не заметил серьезных ухудшений.

— Боюсь, вы, ваше превосходительство, смотрели не туда, — покачал головой Салтыков. — Ментальная проекция пациентки практически не изменилась. Последствия травмы заметны, объем резерва Благодати все так же скачет, да и ранг дестабилизирован, но пока в пределах пятого. Изменения затронули органику.

— Физическое тело? — уточнил я.

— Да. Ее благородие на протяжении длительного периода испытывала тяжелые ментальные нагрузки, что на фоне и без того нестабильного фона отразилось на ее

физическом здоровье. И отразилось значительно.

— Масштаб поражений? — спросил Корф.

— Мозг, Вальтер Макарович. Органика мозга. А это означает, что...

— Что скоро посыпется и все остальное, — мрачно закончил за лекаря Корф. — Что можно предпринять для исцеления?

Салтыков тяжело вздохнул.

— Боюсь, о полном излечении говорить уже невозможно. Травма старая, полного восстановления не будет. Приоритетная задача на ближайшее время — остановить регресс. В первую очередь ее благородию потребуется полный и окончательный отказ от применения Благодати. И, разумеется, и речи не может быть о том, чтобы подвергаться любому воздействию, кроме целебного. Никаких боев, никаких ментальных вмешательств за исключением восстановительных.

— Значит, отныне ей придется жить как обычному человеку? — спросил я. — И долго?

— Сложно сказать, ваше сиятельство. Кроме этого, важно полностью исключить любые переживания и эмоциональные потрясения. Нервничать ей категорически нельзя! Никаких бурных эмоций. Никаких встрясок. Режим дня, точный распорядок, специальная диета — никаких отклонений от графика.

— Да как вообще возможно заставить человека не нервничать? — воскликнула Ирина. — Она же живой человек, и все мы подвержены чувствам...

Лекарь опустил голову. Я чувствовал, что разговор давался ему тяжело. Буквально физически ощущал его сострадание к девушке. Видимо, лекарь был очень сильным эмпатом. Но все же Салтыков оставался профессионалом и взял себя в руки.

— Я понимаю, что придерживаться этих рекомендаций нелегко. Но если нельзя заставить человека перестать нервничать, можно заставить его организм не реагировать на потрясения столь остро. Я могу предложить ряд успокоительных препаратов для поддержания спокойствия вашей тетушки.

Я нахмурился. Все это походило на рекомендации психиатра. Нет, они, конечно, не только с психами имели дело, но все-таки не хотелось превращать Матильду в овощ. Не хватало еще, чтобы начала пускать слюни под каким-нибудь местным аналогом галоперидола.

— Напомню, для того чтобы можно было исцелить физическое тело, сперва нужно исключить все риски, связанные с ментальным состоянием, — продолжил Салтыков. — Сперва надлежит привести состояние Матильды Карловны в максимально возможное для нее равновесие. И уж затем работать с головой и лечить органические повреждения. Повторюсь, это еще не приговор. Но если мы не примем меры в скорейшем времени, можем упустить шанс на восстановление.

Ирэн слушала лекаря с каменным лицом. Корф, все еще бледный, коротко кивнул и хотел было что-то сказать, но Салтыков жестом попросил слово.

— Что касается приведения в равновесие, здесь я могу предложить временно перевести Матильду Карловну в специализированное учреждение закрытого типа. Там ей будет обеспечен надлежащий уход, высший уровень комфорта и своевременное лечение. О режиме также не придется беспокоиться.

— Вы хотите забрать ее в сумасшедший дом? — не выдержал я.

— Это слишком суровая характеристика для подобного заведения, ваше сиятельство, — мягко улыбнулся Салтыков. — Скорее закрытый пансионат для дворян. У меня есть один на

примете, в Старой Руссе Новгородской губернии. Достаточно далеко, чтобы до него не доходили тревожные новости. Уникальные минеральные воды, прелестные пасторальные пейзажи...

Я обернулся к Ирэн.

“Мне это не нравится”.

“Мне тоже”, — ответила девушка.

— Я не стану принимать столь серьезное решение за тетушку, — сказала она вслух. — Может все-таки попробуем подержать ее дома пару дней? Хочется сперва посмотреть, помогут ли выписанные вами лекарства. Вдруг привычная домашняя обстановка поспособствует восстановлению.

Лекарь неопределенно покачал головой.

— Я смогу навестить вас через три дня. И если видимых улучшений мы не увидим, то я буду настаивать на переводе в пансионат. Это не навсегда, Ирина Алексеевна. Мне понятно ваше волнение, но сейчас это видится мне выходом, — он перевел взгляд на Корфа. — А что скажете вы, ваше превосходительство?

Впервые я видел смятение на лице тайного советника. И чувствовал метания в его душе. Не требовалось обладать сверхъестественными способностями, чтобы понять, насколько он разрывался.

— Я ведь должен был заметить, что ей стало хуже, — отчужденно, словно говорил сам с собой, произнес он. — Должен был понять, что она слишком сильно вложила в подготовку воспитанников. А вместо этого втянул ее в еще более бурный водоворот событий и ускорил разрешение.

— Бичевать себя будем после, — вмешался я. — К тому же Матильда сама так решила. Вы ее не заставляли.

— Но если сейчас хотите ей помочь, попробуйте уговорить на санаторий, — добавил лекарь.

— Понял.

Беседа подошла к концу. Ирэн поднялась, намекая гостям на то, что прием был окончен. Мы подорвались вслед за ней. Девушка нашла в себе силы проводить гостей, и когда дверь за ними закрылась, обернулась ко мне.

— Миш, мне нужно на воздух. Хотя бы минут на десять. Составишь компанию?

— Конечно.

Мы быстро переоделись в уличное и вышли на аллею. Ирэн шла молча, глядя себе под ноги. Краснота с ее щек спала, но я чувствовал горе, поглощавшее ее изнутри.

— Прости, что спрашиваю, но ты можешь подробнее рассказать о травме? Не понимаю, почему она неизлечима.

Девушка уставилась на меня невидящим взглядом, затем моргнула, и ее взгляд обрел осмысленность.

— Матильда особо не рассказывала. Знаю, что это была какая-то сложная операция “в поле”. Громкое было дело — один из византийских дворян вроде как тронулся умом и начал убивать женщин в Петрополе. Причем он был менталистом и подходил к вопросу творчески и весьма изощренно. Вторгался в их разумы и заставлял... В общем, они сами все делали. Не непременно на публике. И часто это выглядело очень... экстравагантно. Корф с командой тогда гонялся за ним по всему Петрополю и губернии. Долго не могли поймать — больно уж хитрый византиец оказался. И в итоге Матильда... Если я поняла все правильно, она

поймала его на себя. Как на живца щуку ловят, знаешь? Цепляют маленькую рыбку, чтобы щука...

— Я немного знаю о рыбалке, — улыбнулся я. — Матильда стала его жертвой?

— Да. Корф немного опоздал. Она почти себя убила. Но вытащили.

— Значит, ментальная травма была нанесена в тот момент, когда этот византиец вторгся ей в разум?

— Он ей волю сломал. Полностью. Этот византиец еще сидел на стимуляторах, поэтому смог разогнать свой ранг до второго. И почти что поджарил тетушке мозги. Она первые недели даже говорить не могла — забыла, как. Дядя Вальтер говорил, ее даже есть в лазарете учили заново. Потом, хвала лекарям, большая часть памяти вернулась. Но с тех пор она не может себя контролировать как следует.

— Ох ты ж черт... — я замялся, не зная, что и сказать. — Я соболезнаю, Ирэн. Вам обеим. Не знал, что все было настолько страшно.

— Потому дядя Вальтер нас так и опекает. Это он недоглядел. Не знаю, он ли отправил ее в лапы к этому мучителю или она сама решила погеройствовать... Но он это допустил и теперь корит себя за случившееся.

Ну, на его месте я бы тоже сожрал себя с потрохами.

— А мозг... Как ментальная травма повлияла на мозг? Я помню твой рассказ о дальнейшем развитии событий, но хочется понимать детали.

— Зачем? Зачем это тебе, Миш?

— Потому что я хочу помочь.

— Как? Как ты сможешь? Ты ведь даже не лекарь и не менталист!

Зато у меня была сила Рода. Знания предков. И долг перед Матильдой. По крайней мере, я так считал.

— Просто скажи, как это связано, — настаивал я.

Ирэн раздраженно пнула ворох листьев.

— Благодать. Все дело в ней. Не знаю, как именно осколок нас изменил, но после того, как мы с ним соединились, его сила действительно перетекла в нашу кровь. Стала частью нас. Неотъемлемой частью. У Матильды после той травмы нарушен... Как бы так сформулировать попроще... Словом, Благодать в ней есть, но тетя не может нормально ею пользоваться. Сила неравномерно распределяется, плохо концентрируется. И поскольку сила влияет на физическое состояние одаренных, то из-за проблем с Благодатью страдает и тело. В первую очередь, голова. Что-то в мозгах не дает силе нормально циркулировать.

Я рассеянно кивнул, пытаюсь уложить эту информацию в голове.

— Чуть понятнее, но все равно не до конца.

— Я тоже не медик, чтобы все тебе разложить по полочкам, — огрызнулась девушка.

— Ну-ну, не кипятись.

— В этом-то и проблема, что здесь завязаны и физика, и психика, и сила. Все сразу непонятно в каких пропорциях. Григорий Сергеевич предложил решение, которое может помочь, но...

— Матильда откажется. Зная ее, откажется.

— Именно, — кивнула Ирэн. — И я понятия не имею, как ее уговаривать. А ведь на носу еще два испытания, она будет за нас переживать, и ей станет еще хуже.

— Если, конечно, не накачать ее успокоительным так, чтобы она спала сутками, — предложил я.

Ирэн наградила меня тяжелым взглядом.

— У тебя задатки мучителя, Михаил. Это тоже вредно. Слишком много мощных уколов ей тоже нельзя — организм не выдержит. У нас нет выхода.

— Или есть, — отозвался я. — Не знаю, но надо попробовать. Сможешь достать машину?

— Куда собрался?

— В Ириновку. Домой. Нужно кое с кем посоветоваться. Есть одна мысль, но я не уверен, что получится.

— Ириновка — это ведь в сторону Ладоги, да?

— Ага.

— Далеко... Я еще не ездила на такие дальние расстояния. Лучше взять водителя.

— На твое усмотрение. Собирайся, Ир. Поедем сейчас.

Автомобиль вез нас по северной трассе в сторону Ладоги. Мы с Ириной устроились на заднем пассажирском сидении. Девушка прикорнула на моем плече, доверчиво склонив на меня голову. Я ехал, наслаждаясь цветочным ароматом ее парфюма и поглядывал в окно.

Водитель по имени Иван, любезно предоставленный нам господином Ланге, молчал почти всю дорогу. Лишь раз, когда примерно на полпути мы проезжали мимо знакомых мне еще со старого мира озер, я поинтересовался:

— Это Лемболовские?

— Да, ваше сиятельство, — тихо отозвался Иван. — Сейчас еще над речкой Грузинкой будем проезжать. Знатная там рыбалка, Михаил Николаевич. Кол желаете, скажите потом Василию: организует выезд.

— Боюсь, Ваня, нам сейчас уже будет не до рыболовства...

— Это верно, ваше сиятельство. Это верно...

Иван сам предложил поехать северным путем, не заезжая в город. И хотя это стоило нам дополнительных двадцати минут, мы не заезжали ни в один крупный населенный пункт. Так мне было спокойнее. Впрочем, нельзя было исключать, что таинственные нападавшие не попробуют атаковать нас снова. На всякий случай я сконцентрировал немного силы ближе к ладоням, чтобы в любой момент ударить.

Но, к счастью, не пригодилось.

К тому моменту, как наше скромное авто въехало на подъездную аллею Ириновской усадьбы, все было тихо и чисто. Все же хорошо путешествовать в будние дни.

— Подъем, — я осторожно тронул Ирэн за плечо. — Приехали.

Девушка с неохотой разлепила веки.

— Ох... Опять уснула, да?

— Спи, пока можешь. Никто не знает, что будет вечером.

Иван помог нам выбраться, и я встретился нос к носу с лакеем. Егор, завидев меня, просиял.

— Михаил Николаевич, радость-то какая! — Он низко поклонился. — И даже не предупредили...

— Торопились. Здравствуй, Егорушка, — я представил своих спутников. — Ее благородие Ирина Алексеевна фон Штофф и ее водитель Иван. Егорушка, сообрази для Вани кофейку и перекусить.

Егор снова поклонился.

— Конечно-конечно, ваше сиятельство. Только сперва предупрежу ваших родных.

— Скажи, что мы подойдем примерно через четверть часа.

Егор удивленно на меня уставился.

— Как же так, милостивый государь, а чай с баранками?

— Обязательно останемся. У нас есть дело у дуба.

— А... Сию минуту предупрежу! — Торопливо поклонившись, Егор взлетел по лестнице и, распахнув двери, прокричал. — Марфуша, готовь самовар! Его сиятельство Михаил Николаевич со спутницей прибыли!

Ирэн даже улыбнулась.

— Какой славный парень.

— Душевный, да. Кутайся теплее, нам предстоит небольшая прогулка.

— К дубу?

— Ага.

— А что за дуб?

— Наше родовое древо.

— Значит, ты хотел посоветоваться с деревом?

— Не совсем. Просто возле древа это делать проще.

— Хочешь попробовать использовать родовую силу для исцеления тетушки?

— Была такая мысль. Но сперва нужно испросить разрешения.

— Так тебе каждый раз нужно просить разрешения у Рода, чтобы применить свою силу? — Охнула Ирэн. — Я не знала...

— Не всегда. На защиту или действия во благо рода спрашивать не нужно — и так делится. А вот если требуется решить какую-нибудь нетривиальную задачку для людей, что не связаны с нашим Родом, да, приходится идти на поклон. Род любит почет. — Внезапно я остановился, осененный шальной мыслью. Но почему-то она показалась мне очень дельной. — Ир, у тебя есть что-нибудь, что ты можешь подарить дереву?

— Эмм... Например?

— Небольшой подарок. Хоть что-то. Главное, чтобы тебе самой это нравилось. Ведь подарок должен нравиться и дарителю, и получателю.

Ирина подумала с пару секунд, а затем вытащила ленту из косы. Красивая была лента: из алого атласа, расшитая маленькими бусинками. И с кисточками.

— Моя любимая. Подойдет?

— Думаю, да.

— Это Род попросил?

— Не уверен. Просто мне показалось, что так нужно.

Ирэн улыбнулась.

— Если тебе что-то кажется, значит, тебе не кажется. Я мало что знаю о родовой силе, но думаю, что это может быть частью ритуала представления.

— Я о таком не знаю.

— Станный ты, Михаил. В который раз поражаюсь, как ты умудряешься вытворять всякие сложные вещи, даже не понимая, как они работают. Ритуал представления практиковался в древности, когда новый человек приходил в род. Например, потомок женился. Невесту нужно было представить, и в некоторых губерниях даже спрашивали благословения у всего рода на брак. И во время ритуала представления приносили дары.

Вот как. Однако...

— Значит, так мы тебя представим.

Я подвел Ирину к дереву. Почти все листья уже облетели, и мы ступали по ковру из желудей. Несколько птиц сорвались с ветвей при нашем приближении и отлетели на соседние деревья.

— Какой роскошный дуб! — восхитилась Ирэн. — Сколько мощи!

— Тоже чувствуешь?

— Да кто угодно почувствует, что это необычное дерево. Никогда не видела родовых древ.

— Надеюсь, моя затея что-то даст.

Я подошел ближе к дубу и поклонился до земли.

— Род, приветствую тебя. Услышь наследника Соколовых и обрати на меня свой взор.

Оставшиеся листочки зашелестели, и мне показалось, что в этом шуме я расслышал голоса духов.

— Сегодня я пришел не один и просить буду не ради себя. Со мной Ирина из рода Штоффов. Рода, что с нами не связан кровью, но мы с Ириной связаны клятвой. А ее тетюшка многое для меня сделала и очень мне помогла.

Я рассказал роду всю историю Матильды — от того, как она получила травму до самых последних событий. Рассказывал вдумчиво, красноречиво, стараясь показать Роду ценность наставницы в моей жизни.

— Я представляю вам Ирину фон Штофф и прошу обратить взор на нее. Прошу впустить ее и помочь нам.

Ирина тоже низко поклонилась, затем метнула на меня короткий взгляд и повязала ленту на одной из ветвей.

— Род Соколовых, я с почтением приветствую тебя. Духи, кланяюсь вам и прошу принять мое подношение.

Она подошла ко мне, и я взял ее за руку.

— Закрой глаза и не открывай, пока я не скажу. Что бы ни случилось, что бы ты ни увидела, ни в коем случае не отпускай мою руку, — велел я. — Держись крепко.

— А куда мы идем?

— Просить помощи, — ответил я, закрыл глаза и прикоснулся к коре дерева.

Уже знакомый мне яркий свет полностью охватил нас. Я физически ощутил, как дух оторвался от тела и отправился... Так и не понял, как правильно назвать это место или пространство. В обитель Рода? В Родовое древо?

Руки Ирэн я не чувствовал. Оглянулся, подождал — и через несколько мгновений ее дух появился. Она даже здесь была красивой: полупрозрачная, бесплотная, но сохранила черты лица, что я помнил. Только если от меня и других духов Соколовых исходило слабое, едва заметное серебристое сияние, то аура Ирэн отливала золотом. Может так пространство реагировало на присутствие чужаков. Все-таки она не была нам родней.

— Прости, я не сразу поняла, что нужно дотронуться до дерева, — раздался ее приглушенный голос. — Где мы?

— В доме наших родовых духов. Они здесь живут. И здесь можно попробовать поговорить с ними.

— Так все-таки что ты надумал делать? Просто попросить разрешения использовать силу?

— Мой Род хранит знания многих поколений. Сперва хочу спросить, как можно помочь Матильде, не запирая ее в психушке для аристократов. И неплохо бы понимать, могу ли я как-то помочь. Все же природа моей силы иная, она не связана с Осколком. Быть может, получится ее использовать? А дальше решим.

— Но мы ведь не родня, — возразила Ирэн.

— У меня получалось исцелять не родных мне людей при помощи родового источника, — отозвался я, пока мы медленно плыли сквозь молочную белизну пространства. — Но тогда задачи были куда проще и понятнее. Ты же сама сказала, что недуг Матильды сочетается в себе и физическое, и психическое, и “благодатное”. Не уверен, что мой Род согласится помогать. Сдается мне, на лечение уйдет слишком много силы. А Род не любит отдавать много для чужаков.

Несмотря на то, что Ирэн здесь выглядела как дух, мимика на ее едва заметном личике сохранилась. Она нахмурилась и крепче перехватила мою руку — теперь я почувствовал ее прикосновение.

— Я буду благодарна даже за попытку.

— Сейчас посмотрим, что нам скажут.

Не отпуская ее руки, я сделал полшага вперед и воззвал:

— Духи родовые, явитесь предо мной! Древо родовое, воплотись! Источник, покажись! Я пришел просить совета и с почтением прошу отозваться. Явите мне мудрость и знания, что хранятся в вашей памяти!

Я говорил первое, что приходило в голову, стараясь быть твердым в намерениях, но сохранять уважительный тон. Род любил почтение, но не терпел пресмыкания и слабости. Приходилось балансировать.

Ирина молчала — лишь внимательно всматривалась в плотную белизну окружающего пространства. Я ждал. Наконец на горизонте поднялись клубы светло-серого тумана, и я бы вздохнул с облегчением, кабы мог.

Род отозвался.

Из тумана начало вырастать древо, появился на условном “небе” светящийся шар, куда в

свое время я отправил прежнего владельца своего тела. И духи... Духи пришли последними — уже после того, как ветвистое белое дерево выросло перед нами, достигая вершиной почти до самого “солнца”.

— Это и есть дом духов? — охнув, тихо спросила Ирэн.

— Да. А вот и они сами, — я указал на толпу силуэтов, медленно приближавшихся к нам.

В этот раз их было гораздо больше, чем в мои предыдущие посещения. Сотни, тысячи полупрозрачных едва различимых фигур — и все стремились к нам, словно желали посмотреть на диковинку.

А диковинкой для них наверняка была Ирка. Все же представительница чужой семьи, которую я приволок в святая святых... Весь Род пришел познакомиться с той, кого я сюда затащил.

— Кто ты? — раздался нестройный хор множества голосов, когда духи к нам приблизились. — Кто ты, чужак?

Я обернулся к Ирэн и потянул ее за собой.

— Духи моей семьи, я представляю вам Ирину фон Штофф, дочь Алексея фон Штоффа и племянницу моей наставницы Матильды фон Штофф. Ирина Алексеевна — мой добрый друг.

— Друууууг? — ухнули разом голоса. — Друууууг?

— Друг, который мне помогает. Хотя мы подружились не сразу, — улыбнулся я. — Но Ирина Алексеевна мне дорога, она связана со мной клятвой долга.

— Доооолг! — зашелестели голоса. — Доооолг!

— Долг жизни, — тихо сказала Ирэн и, не выпуская моей руки, низко поклонилась. — Я приветствую вас, почтенные духи. Если мы нарушили ваш покой, то нижайше прошу прощения. Мы здесь потому, что я нуждаюсь в помощи.

Духи беспокойно задвигались.

— Помощь? Что за помощь? Кто просит о помощи?

— Я прошу, — твердо сказал я. — Но не для себя, а для своей наставницы. Я говорил там, под дубом.

Надеюсь, они все это слышали. Иначе я зря сотрясал воздух.

Один из духов, неуловимо похожий на одного из предков — я, кажется, видел его портрет в усадьбе — отделился от толпы и подплыл к нам.

— Хворь исцелить желаешь, — не спрашивал, а утверждал он.

— Да, почтенный, — я склонил голову. — Хворь женщины, что обучила меня, кормила и одевала и пожертвовала своим здоровьем ради этого. Она не брала с меня слово и не обозначала долг, но я считаю, что должен отплатить за доброту. А лучшая плата — попробовать вернуть ей здоровье.

Дух положил полупрозрачную серебристую руку на светящееся золотом плечо Ирэн.

— Голова хворает... — словно считав с ее души информацию, сказал дух. — Сломана! Сломана! Сломана! Дырка. Вавка. Брешь! Ум... Ум уходит... Воля... Воля гибнет!

Моя подруга испуганно на меня взглянула.

— Что он говорит?

— Перенимает твои воспоминания, — откуда-то я был уверен в том, что говорил. Знание пришло само. — Он тянется к Матильде через тебя. Ты для них сейчас самая надежная ниточка, чтобы все разузнать.

— Ум уходит... Тело подводит... Память... Память утекает... Сейчас ручеек, потом река, а позже — море... Море забвения.

— Все так, — кивнул я. — Скажи, почтенный, можем ли мы исцелить эту женщину?

Дух оторвал полупрозрачную руку от Ирэн и отступил на шаг.

— Исцелить? Можно... Можно найти брешь. Можно залатать. Закрывать... Лабиринт... лабиринт нарушился. Шарик должен бегать по лабиринту, а он не бежит. Потому что Лабиринт сломался. Починить лабиринт, поставить стены в нужных местах...

Дух говорили загадками, но, кажется, общий смысл я все же улавливал.

— Вы можете мне?

— Помочь можно... — дух отпрянул и поднял на меня лицо с едва различимыми чертами старика. — Но зачем?

— Я считаю себя должником.

— Пока не истребовали, не должник, — ослабился дух. Да уж, тугой дедуля. Видать, просто договориться не получится. — Зачем вспомогать?

— Я должен отплатить Матильде фон Штофф за доброту, — повторил я. — Ведь она приняла меня как сына: кормила, поила, одевала, наставляла. Стала мне семьей, хотя не была обязана делать все это. И ни разу не попросила за это платы. Даже когда осознала, что помощь мне убивает ее.

Дух-старик начал медленно отплывать от нас назад, к толпе.

— Куда ты? — крикнул я. — Мы же не договорили!

— Обсудить... Покумекать... Решить!

Не отдавая себе отчета в том, что делал, я рванул за дедом, таща Ирину за собой. Девушка охнула от неожиданности, но поскольку она почти ничего не весила, то полетела за мной, словно воздушный змей.

— Ой!

— Тсс! — шикнул я и обратился к духам, стараясь высмотреть среди этих полупрозрачных теней брата. — Петя! Петя, ты меня слышишь? Объясни им! Ты же знаешь, что такое долг! Ты сам погиб, выполняя долг! Матильда... Она же служила государству, как и ты. И поэтому с ней сейчас такое! Ты должен понять!

Мне показалась, что один силуэт обернулся к нам, всего на пару мгновений задержал на мне взгляд светящихся, как две звездочки, глаз — но затем он снова присоединился ко всеобщему шушуканью.

Кажется, к нас на глазах собрался настоящий родовой совет. Нас с Ирэн не подпустили ближе — словно невидимая стена не давала нам пробраться дальше. Ирэн стиснула мою ладонь, но по ощущениям это было больше похоже на легкую щекотку.

— Они совещаются? — Спросила подруга.

— Да.

— Как думаешь, что решат?

— Не знаю. Совсем. Я впервые прошу их о таком. Для меня самого все это в диковинку.

Наконец духи расступились, и к нам подплыл тот самый старик. Остальные тени двинулись к нам, потихоньку окружая плотным кольцом.

— Род не даст столь великую силу для исцеления просто так, — вынес вердикт дух. — Ибо наш род древен, и хотя сила его велика, эту потерю мы будем восстанавливать многими поколениями. Источник тоже иссякает, и отдавать так много даже для чужака, который с добром отнесся к нашему наследнику, мы не готовы.

Золотистые плечи Ирэн окончательно поникли. Но я не собирался сдаваться так быстро.

— Погодите, — я выступил вперед к деду. — Вы сказали, что не отдадите силу просто так. А если в обмен на что-нибудь? Что может компенсировать потерю? Что можно предложить из того, что Род готов принять?

— Род примет то, что пойдет на его благо, — назидательно подняв палец вверх, проговорил дух. — Потеря силы — не на благо. Она может понадобиться тебе, твоей сестре или вашим потомкам. Поэтому мы всегда должны заботиться сперва о тех, кто принадлежит к роду. Заботиться, копить силы и собирать мощь. Ведь без этого и ты, Михаил, не смог бы сделать того, что можешь творить.

Крыть мне было нечем. Позиция Рода ясна: по мелочи выдавить капельку для кого-нибудь — пожалуйста, да и то предки ожидали благодарности и всего прочего. А вывалить бочку силы для человека, который был им никем — фигушки.

Я скрипнул полупрозрачными зубами.

— На каких условиях вы согласитесь выделить силу на исцеление? — повторил я. — Что чужаки могут вам дать, чтобы вы согласились на обмен?

Духи снова зашелестели. Старик прислушался к голосам, но для нас с Ирэн этот шум ничем не отличался от шелеста листвы — ничего не разобрать и не понять.

Наконец “дед” качнул головой.

— Семье помогать мы будем. Или тому, кто принесет в род богатство. Или титулы. Что-то, что возвысит Род выше прежнего.

— Но...

Внезапно все духи разом исчезли. Развоплотилось белое дерево, начал меркнуть огромный белый шар. Через несколько мгновений вокруг нас с Ирэн не осталось ничего, кроме яркого света, молочной белизны и почти незаметно клубящегося дымка на горизонте.

— Нам все сказали, — проговорил я, обернувшись к Ирэн. — Пора уходить.

Девушка растерянно кивнула.

— Знаешь, как?

Я знал. Сомкнув полупрозрачные веки и ухватив подругу покрепче, я принялся медленно выдавливать нас из коры дуба. Все начало стремительно темнеть, а еще через пару секунд нас обдало порывом неласкового ноябрьского ветра.

Я пришел в себя первым. Ирэн резко распахнула глаза и поежилась.

— Это... Это... Господи, как все странно!

Она даже несколько раз тряхнула головой, и ее золотые волосы разметались по плечам — прическа рассыпалась после того, как она сняла ленту.

— Нужно все обдумать, — сказал я. — Но сперва согреемся. Идем в дом. Наконец-то познакомишься с моей семьей.

— Д-да... Хорошо.

Ирка плотнее закуталась в шарф и взяла меня под руку — ей было неудобно пробираться по земле на каблучках. Да и выглядела она совершенно ошарашенной, что было неудивительно: не всякому выпадала возможность познакомиться с сердцем крепкого и могучего Рода.

— Как ты? — на всякий случай спросил я, осторожно выведя девушку на утоптанную тропинку.

— Я в порядке, не волнуйся. Просто голова кругом идет от увиденного... И услышанного. Значит, либо нужно стать частью вашего Рода, либо сделать для твоей семьи

что-то такое, что поднимет ваш статус?

— Насколько я понял, да. Для Рода ценны всего два момента: то, что его укрепляет и обогащает, и те, кто его укрепляют и обогащают... Законы по-первобытному суровы, но ведь и Род заботится в первую очередь о выживании.

— Не объясняй, я понимаю это. Местами жестоко, но справедливо. Жаль, мой род не настолько крепок, чтобы я могла поговорить с предками...

Я резко остановился и взял озябшие ладони Ирэн в свои.

— По крайней мере мы сегодня узнали, на каких условиях мои предки готовы вмешаться и помочь. Это уже много. Другой вопрос, что цену они заломили серьезную. И я считаю, что Матильда должна узнать об этом и сказать свое мнение. Она имеет на это право.

Ирэн кивнула.

— Да, конечно. Только я боюсь, что она не согласится. Не захочет.

— Может. Но это тоже ее право, — напомнил я. — Знаешь, моя жизнь совсем недавно изменилось, когда мои родственники сделали со мной кое-что без спроса. Это было ужасно неприятно. Семья считала, что так будет лучше для всех. Но...

Девушка мягко пожала мои пальцы.

— Пока мои родители не погибли, меня тоже никто ни о чем не спрашивал. Только Матильда, когда взяла надо мной опеку, стала интересоваться, чего я сама хочу.

— Ну вот, — улыбнулся я. — Поэтому расскажем ей все, когда очнемся. Но сперва — чай. Ради тебя достали особый самовар. Нужно уважить наши семейные традиции.

Держа ее за руку, я довел нас до входа в господский дом. Ирэн даже нашла в себе силы оглядываться по сторонам и восхититься парком. В дверях нас уже ждал Егор. Лакей расплылся в любезнейшей из улыбок, заметив, что мы шли под руку. И даже незаметно подмигнул, явно одобряя мой выбор.

Только сейчас я понял, насколько все это было двусмысленным. Сперва я привез Матильду и дал семье возможность познакомиться со старшей Штофф. Затем спустя некоторое время притащил Ирэн — и не просто так, да еще и к дубу повел. И сейчас нас застукали за ручку. А общество-то дворянское...

Итак, Миша, ставлю зуб на то, что семья сейчас тебя неправильно поняла.

— Прошу, ваше благородие! — Лакей распахнул перед нами двери и тут же принялся помогать нам раздеваться. — Ольга Николавна и Николай Владимирович в доме.

— А бабушка? — удивился я.

— Прилегла, сегодня на погоду дурно себя чувствует. Но, быть может, найдет в себе силы спуститься.

Нас повели в столовую — все еще траурно убранную. Сорок дней со дня смерти Петра еще не прошли, поэтому домочадцы подчинялись ограничениям. При появлении Ирэн отец поднялся. Следом за ним и Оля.

— Ее благородие Ирина Алексеевна фон Штофф! — представил гостью лакей. — Племянница Матильды Карловны фон Штофф.

Отец и сестра поднялись, чтобы тепло поприветствовать Ирку. Подруга не подкачала — отбросила тяжкие думы и душевно, но коротко обменялась любезностями с хозяевами.

Оба — что папа, что Оля, выглядели обеспокоенными и явно ожидали от меня объяснений — наверняка Егорушка растрепал им о том, что я повел Ирку напрямик к дубу. Но от скорейших объяснений меня спас самовар: пар уже клубился над медным исполином, требуя побыстрее заварить чаю.

— Прощу к столу, — пригласительным жестом Оля указала на места для нас.

Я заметил, что нас посадили рядом, а ведь я должен был сидеть по правую руку от главы семьи... Ирэн, кажется, ничего не подозревала — ну или мастерски делала вид, что не поняла двусмысленности нашего положения.

С позволения отца Оля лично разлила чай по чашкам и принялась потчевать нас домашней выпечкой. Отец не сводил с меня глаз.

“Это не то, что ты думаешь”, — обратился я к нему ментально, и наш патриарх едва не подпрыгнул от неожиданности. Видимо, редко общался подобным образом.

Он смерил меня тяжелым взглядом и едва заметно кивнул в сторону кабинета.

— Оленька, прошу, займи беседой Арину Алексеевну. Нам с Михаилом нужно кое-что обсудить, — он поднялся, и мне пришлось тоже выйти из-за стола. — Мы скоро вернемся.

Ирина обворожительно улыбнулась.

— Конечно, ваше сиятельство. Тетушка много рассказывала о вашей дочери, и я ждала возможности познакомиться лично.

Ирка тут же обернулась к Оле, и девушки принялись о чем-то щебетать. Отец торопливо вышел из столовой и толкнул дверь кабинета.

— Внутрь. Быстро, — с плохо скрываемым гневом велел он.

Я пожал плечами и вошел. Патриарх запер дверь и резко развернулся ко мне.

— Что ты творишь, Михаил? — алая от гнева, прошипел он. — Как ты посмел?

Я удивленно моргнул. Отец был сам не свой от волнения, причем я чувствовал не только его гнев, но и страх. Что было странно, ибо в этом мире он отличался уравновешенностью и спокойствием.

Воспоминания прежнего обладателя моего тела были довольно четкими. С отцом старый Миша общался нечасто, да и большого тепла в их отношениях не было — почему-то аристократия даже в нынешние времена славилась холодностью в обращении с отпрысками. И все же мой предшественник знал патриарха нашего семейства как человека уравновешенного и неконфликтного.

Тем страннее сейчас было видеть его столь взбудораженным.

— Отец, я не понимаю. В чем дело?

Патриарх хлопнул ладонью по деревянной панели стены.

— С чего бы начать, — злым шепотом произнес он. — С того, что ты заявляешься в Ириновку без предупреждения? Или с того, что таскаешь девиц к нашему родовому дереву? И, может, объяснишь, почему эта мадемуазель на тебе виснет как на вешалке?

— Отец, это...

Но оправдаться мне не дали.

— За все время, что ты гостишь у Штоффов, от тебя ни звонка, ни весточки! На записки ты не отвечаешь, не счел нужным пригласить никого из семьи на испытания и Смотр в Аудиториум. И о том, что ты жив и здоров, мне приходится узнавать от слуг твоей наставницы! Думаю, это тебе, Михаил, пора объяснить, что происходит и в чем дело.

Выдав эту гневную тираду, отец устало привалился к стене. С его лица словно сошли все краски — он был бледен и даже расслабил узел галстука, чтобы дышалось легче. Я же ошарашенно помалкивал, переваривая услышанное.

— Мы волнуемся, Миша, — уже куда спокойнее сказал отец, и мне стало понятно, почему он предпочитал не ввязываться в конфликты и даже не повышать голоса.

Есть определенный тип людей, которым почти физически больно с кем-либо выяснять отношения. Такова их природа. Не выносят криков и ярких выражений эмоций. Мой отец в этом мире, кажется, был как раз из таких.

— Что прикажешь нам думать после того, что случилось на кладбище? После того, как Андрей... — голос отца сорвался. — А когда мы узнали о трагедии на Смотре в Аудиториуме... Ты представляешь, что здесь творилось? Бабушка опять слегла с сердцем, Оля распереживалась и выплакала все слезы. Мы даже приехали в усадьбу Штоффов, чтобы увидеться с тобой, но выяснили, что в тот момент все вы были в городе... Слава богу, обошлось. Но, милостивый боже, Михаил! Нельзя вот так пропадать, а потом появляться дома как ни в чем ни бывало!

Он отчитывал меня как нашкодившего гимназиста, и в этот момент я с удивлением осознал две вещи.

Первая — что моей семье, оказывается, было на меня не настолько уж и наплевать. Это хорошие новости. Ибо я всерьез предполагал, что с тех пор, как меня сдали на руки Корфу и, по сути, сделали заложником тайного советника, семья не станет привязываться и лить по мне слезы. Да, я был им полезен. Да, на меня была возложена миссия. Но я мог легко все это провалить, поэтому не ожидал никакой привязанности.

А оно вот как вышло. Это странно. Ведь я был для них чужаком. Призванным духом, способным выполнить задачу укрепить Род. И хотя я отчаянно хотел иметь семью — нормальную, настоящую — я быстро понял, что сперва придется заняться другими вещами. Вить гнездо будем потом. Сначала — освободиться от Корфа.

Второе озарение — что я и сам, в общем-то, был тем еще сухарем. Ни разу не додумался отправить в Ириновку письмо или попросить кого-нибудь из слуг позвонить. А ведь мне тоже было о чем беспокоиться. Оля — моя Оленька — замкнулась в себе, отец болезненно переживал чехарду с наследниками, а наше финансовое положение стремительно ухудшалось — я ведь читал в газетах сводки о сделках. Соколовы продали большой земельный участок под Рахьей, которым пользовались больше сотни лет. И ведь явно неспроста отец так решил. Род бедствовал. Пусть вида отец не показывал, но сейчас, считав его настоящие эмоции, я ощутил себя козлом.

Есть у меня дурацкая особенность — еще в старом мире я настолько привык к тому, что близкие так или иначе от меня уходили, что даже сейчас, имея возможность все переиграть, все равно действовал по привычному сценарию. Разве что Ирка и Матильда ворвались в мою жизнь и остались в сердце.

А семья... Слишком быстро нас разлучили, чтобы я успел к ним привязаться. И хотел этого, и вспоминал о них, но... Не успел до конца осознать, что отныне я и правда был не один. Действовал, как наследник. Старался думать, как наследник. А сам так и не уверовал в то, что я и правда был наследником.

— Прощу прощения, отец, — склонил голову я. — Я повел себя неправильно. Следовало связываться с вами почаще. Но почти каждая минута была расписана, да я и не подумал, что вы до такой степени распереживались. И, кроме того, ты мог воспользоваться ментальной связью, чтоб достучаться до меня.

Патриарх окончательно перестал на меня злиться — я чувствовал, как выровнялся его эмоциональный фон. Отец с сожалением качнул головой.

— Не могу. Еще восстанавливаюсь после случившегося на кладбище. У меня малый ранг, и я и на четверть так не силен, как ты, Михаил. Род не делится со мной силой, и мне приходится пользоваться теми скудными остатками, что остались после Осколка. Да и то почти все ушло на то, чтобы поддерживать состояние твоей бабушки.

— Значит, ей не лучше? — нахмурился я.

— То лучше, то хуже. Она все же пожилой человек. Старость беспощадна.

Это было скверно. Бабушка знала очень многое из того, что могло мне пригодиться. И хотя можно было бы вытащить сведения из родового источника, но общаться с живым человеком было проще. И приятнее, чего уж таить.

— Теперь объясни, зачем ты привез сюда девицу Штоффов, — потребовал отец. — Не поверю, что вы просто решили заехать к нам по пути с прогулки.

Я колебался, гадая, рассказывать ли отцу о недуге Матильды. Хотя он наверняка узнал бы — бабушка, в отличие от него, имела какую-то непостижимую связь с Родом. И если бы я зачерпнул из источника так много силы, она бы непременно это почувствовала и дала отцу знать. Как патриарх, он имел на это право.

И выложил карты на стол.

Отец слушал внимательно, и чем больше я рассказывал, тем выше ползли брови на его лице. Закончив, я прислонился к столу.

— Вот так, пап. Она и правда очень много для меня сделала, и бросать ее на произвол

судьбы я Матильду Карловну не хочу.

Черт, а так хотелось горячего чаю. Да и бросать Ирку наедине с сестрой тоже было невежливо.

“У нас небольшой семейный совет”, — обратился я к подруге. — “Извини, пожалуйста”.

“Все в порядке. Твоя сестра — чудо”.

“Спасибо”.

“Но лучше бы нам поехать где-то через час”.

“Управимся”, — пообещал я.

Отец тяжело вздохнул, снял очки и устало потер глаза.

— Не знаю, что меня шокировало больше — твоя наглость или то, что Род все-таки тебе отвечает, — признался он. — Что же до условий, которые поставили духи... Есть только одно очевидное решение, чтобы все гарантированно получилось. И я не уверен, что Штоффы на это согласятся. Впрочем, особого выбора у них нет, если все настолько скверно.

— Мне нравится Ирина, но я не хочу силком тащить ее под венец. Даже предлагать ей это... противно. Но, думаю, она сама понимает, что выбирать особо не из чего.

В дверь постучали. Отец раздраженно бросил:

— Войдите.

В узкую щелку просунулась голова Егора.

— Ваше сиятельство... Вас с сыном зовет Татьяна Константиновна. Желает принять вас наверху у себя в покоях. Говорит, это важно.

Мы с отцом переглянулись. А мне отчего-то стало не по себе. Нашла бабуля удачный момент, чтобы очнуться и потребовать мужчин к себе. Почему-то мне казалось, что бабушка знала и чувствовала гораздо больше, чем показывала. Да и вообще иногда думалось, что именно она была истинной главной нашего небольшого семейства.

— Пойдем, — велел отец. — Как раз обсудим.

Мы быстро поднялись на второй этаж. В покоях бабушки царил полумрак. На камине в изящных рамках были выставлены фотографии членов семьи. Еще больше фотографий и портретов украшали стены. Пахло смесью тяжелых духов, каких-то лекарственных трав и костром — в покоях бабушки зажгли камин.

Она приняла нас, сидя в кресле. В руках у бабушки было вязание — черные клубки пряжи расплзлись по ковру.

— Матушка, — кивнул отец и подтолкнул меня ближе.

— Здравствуй, Ба, — улыбнулся я. — Как себя чувствуешь?

— Пришлось проснуться, раз у нас столь редкая птица в гостях, — в обычной ворчливой манере отозвалась старшая женщина семьи. — Присядьте, голубчики. Сдается мне, в вопросе, который вы пытаетесь решить, нужна и женская голова.

— Откуда ты знаешь? — Удивился я.

Бабушка положила вязание на колени и мягко мне улыбнулась.

— Сон приснился. Я часто вижу сны о том, что происходит там, где меня нет.

Вот оно что. Особая форма ментализма? Не припомню, чтобы в роду Соколовых такое практиковали. Значит, она унаследовала эту способность от своего рода. И привнесла в наш. А дар весьма редкий и мог укрепить силу Рода. Тогда стало понятно, почему дед взял ее в жены едва ли не бесприданницей.

— Итак, молодые люди, — царственно выпрямившись в кресле, бабушка смерила нас снисходительным взглядом, — вот уж не думала, что в этом доме будут так скоро обсуждать

веселье.

— Ба, мы еще ничего не решили.

— Но рассматриваете возможность. И правильно делаете. Штоффы будут нам полезны.

И мы окажемся полезны им.

— Они очень богаты, — кивнул отец. — Договорной брак поможет нам выровнять положение.

— Ты совершенно не туда смотришь, Коленька!

— Осколок, — догадался я. — У Штоффов нет наследников, кроме Ирины. Она вольется в род того, за кого выйдет замуж, и передаст осколок.

Бабушка улыбнулась.

— Умница, мон шер. Видишь, Коленька, а ты сомневался, стоило ли его призывать. Этот юноша всего за месяц устроил все так, что мы можем на законных основаниях получить свой Осколок. Родовая сила помогла ему обратить на себя внимание и поддерживает на первых порах. Юноша умеет заводить друзей и укреплять связи. И, очевидно, обладает даром оказываться в нужный момент в нужном месте.

Наконец-то у меня в голове сложилась полная картинка.

— Значит, мы можем дать Штоффам графский титул и исцеление для Матильды. Штоффы дадут нам Осколок и поддержат финансово... По крайней мере звучит как план, который можно обсуждать, — подытожил я.

Бабушка благосклонно кивнула.

— Верно, мон шер. Ирина Алексеевна станет графиней и со временем — кивернитией. Старшей женщиной рода. И когда это произойдет, она получит особую связь с источником. Связь, что доступна лишь женщинам. Ту связь, которой обладаю я сейчас. Ее тетушка породнится с нами, и Род, получив блага, поделится силой на ее исцеление. С учетом того, что в семье появится Осколок, эта потеря будет восполнимой, и тогда Соколовы станут куда могущественнее. С какой стороны ни посмотри, мы в выигрыше.

Я внимательно глядел на бабушку и диву давался. Как же гладко все складывалось, черт бы нас всех побрал! Почему, почему я не мог избавиться от мысли, что это было подстроено? В какой-то момент я начал думать, что бабушка намеренно подставилась перед Корфом, зная, что он может заинтересоваться мной. А где Корф, там Штоффы. Она могла все это знать. Одному богу известно, какую информацию она получала через свои сны...

Слишком, слишком все это было похоже на заранее распisanную игру.

Бабушка поймала мой взгляд и, словно угадав мои мысли, лишь спокойно улыбнулась.

— Делай предложение Ирине Алексеевне, Михаил. Делай, пока она на все согласна. Другой такой возможности нашей семье не представится.

— К тому же вы, судя по всему, друг другу симпатичны, — добавил отец.

Да, Ирка мне нравилась. Да и от меня она уже не убегала как ошпаренная. Но я не хотел обмениваться клятвами и давать друг другу обещания не то что до поступления, а до окончания учебы. Слишком все это рано. Пусть меня выдурнули из моего мира, где мне было почти двадцать два, и мозгами я был чуть постарше Ирки, но... Не привык я к такому. И уж точно не думал, что мне придется так быстро столкнуться со столь серьезным делом.

— Я не хочу, чтобы она соглашалась на брак против воли, — твердо заявил я, припомнив разговор, что состоялся после визита к дубу. — Дворянский брак — дело основательное и серьезное. Случись что, развод станет громким скандалом. Я хочу, чтобы у девушки было время все взвесить.

Бабушка укоризненно покачала головой.

— Ох уж эти новые нравы. Ни меня, ни твою мать, никто не спрашивал о наших желаниях. И ничего. Стерпелось и слюбилось. Нужды Рода — превыше всего, Михаил.

Но отец, как ни странно, занял мою сторону.

— Я могу предложить промежуточный вариант, — сказал он. — Они и правда слишком молоды для брака. Свет посмотрит на Михаила косо, если он женится раньше двадцати одного года. У нас это не принято. Поэтому я предлагаю помолвку с договором. Мы включаем Штоффов в наш Род без венчания и консумации брака, а Штоффы по договору передают нам приданое и, быть может, Осколок. Детали обговорим. Сама свадьба состоится позже. Но в случае нарушения договора и расторжения помолвки все остается у нас.

Ага. А Матильда и Ирэн оказываются с голым задом на улице, еще и без Осколка... и получают перечеркнутый герб.

— Я поговорю с Ирэн, — сказал я, глядя в огонь. — Решение все равно принимать Матильде Карловне, как ее опекуну.

И я не был уверен, что наставница на это согласится. Ни за что она не оставит Ирку в зоне риска. Даже ценой своей жизни. Поэтому если Ирэн и правда согласится на эту авантюру, то именно ей придется уговаривать тетку.

Отец кивнул.

— Тогда сделаем все как подобает. Матушка, пора.

Я непонимающе уставился на родню.

— Что пора?

Бабушка загадочно улыбнулась, поднялась из кресла и, опираясь на трость, доковыляла до туалетного столика. Выдвинула нижний ящик, и я увидел множество шкатулок — вероятно, с драгоценностями. Достав небольшую коробочку, она вернулась к камину.

— Возьми его, — протянув мне маленькую коробочку из синего бархата, сказала она. — Это семейная реликвия Соколовых. Одна из немногих, что дошла до нынешних времен после краха. Это кольцо носят во время помолвки все женщины нашего рода. Его носила твоя прабабка, затем я, после — твоя мать. Теперь настал черед и твоей избранницы.

Я осторожно открыл коробочку, и на меня пахнуло ароматом розы. Надушили ее что ли?

— Красивое.

Я ничего не понимал в ювелирных изделиях, но этот золотой перстень и правда вызывал восхищение. Прямоугольный ярко-синий сапфир в окружении мелких бриллиантиков мерцал, отражая всполохи огня из камина. Вроде и простое, но эффектное изделие.

— Пусть у тебя все получится, Мишенька, — бабушка меня перекрестила. — Благословляю тебя на этот шаг. И пусть родовые духи тебе помогут.

Странная все-таки была история с родовой силой. Судя по обрядам, корни к всего этого были явно языческие, из времен, когда вера в Христа еще не пришла на русские земли. При этом магия называлась Благодатью, а люди — и особенно аристократия — истово верили в бога и посещали церковные службы. Все переплелось очень хитро и в такой тугой клубок, что уже не поймешь, откуда какой обряд пришел и какая сила за него отвечала. Но в головах людей это преспокойно уживалось и, очевидно, не вызывало вопросов.

Я закрыл коробочку и спрятал кольцо в карман брюк. Все еще голова шла кругом от происходящего. Хорошо хоть, что уговорил повременить со свадьбой. Ирэн сейчас была не в том состоянии, чтобы мыслить здраво, и я хотел выиграть для нее время, надеясь, что позже она это оценит.

— Не нужно медлить. Сделай все сегодня, — приказала бабушка, окончательно лишив меня возможности соскочить с крючка.

— Зачем так торопиться? — возразил я. — Ирина сейчас на взводе. Она не может нормально соображать. Да и Матильда Карловна пока не очнулась. К слову, если баронесса так и не оправится, опекуном Ирины Алексеевны станет Корф.

Отец помрачнел, услышав имя тайного советника.

— Он так от тебя и не отстал?

— Я еще не выполнил уговор. Ваша свобода и снятие обвинений в обмен на мою тайную работу. Это не единоразовая история, как вы понимаете. Боюсь, мне от Корфа еще долго не отделаться.

Но чем скорее я избавлюсь от его пристального внимания, тем лучше. Правда, в связи с последними событиями я не был уверен, что он и вовсе с меня слезет. Если Матильда и Ирэн перейдут в наш род, Пистолетыч обратит взор уже на всю нашу семейку. И один черт знает, во что это выльется...

— Как бы то ни было, мон шер, тебе нужно поторопиться, — заявила бабушка. — Найди удобный момент, сделай все красиво. Надеюсь, не нужно объяснять тебе, как просят руки у девушки?

Ни разу не делал никому предложения. Как-то не до этого было, ну или просто подходящей девицы не нашлось даже в прошлом мире. Там я был молод, с трудом совмещал учебу на дневном и две подработки. Тут бы найти время просто как следует выспаться, не то что с девчонками женихаться. Были отношения, конечно, но так далеко я еще не заходил...

Но что следовало делать, я примерно представлял. Почему-то на ум сразу пришли красивые сцены из кино. Какая-нибудь крыша с накрытым столиком для двоих, все убрано цветами. Она думает, что я пригласил ее на свидание, а потом нужно встать на одно колено... Хотя, как по мне, все это лишнее. Самый важный вопрос можно задать и не в столь пошлой обстановке. Хотя я понятия не имел, чего там себе фантазировала Ирка в своих мечтах.

Ладно, разберемся. И не такое проворачивали.

“Миш?” — раздался в голове голос Ирэн. — “Это уже неприлично. Твоя сестра в отчаянии. Быстрее спасай от меня родню!”

Судя по тому, что она шутила, все проходило не настолько уж плохо. Но и правда пора было честь знать.

— Что-то мы слишком задержались. Идемте вниз, — сказал я. — Будет некрасиво показать себя негостеприимными при первом же знакомстве с девушкой, на которую вы возлагаете такие надежды.

Бабушка оперлась на трость.

— Ради такого случая и я спущусь.

Отец помог кивернитии преодолеть лестницу, а я, взмокнув от холодного пота, следовал за ними. Не нравилась мне вся эта затея. Я чувствовал себя бездушным инструментом, средством исполнения чужих целей. И впору было порадоваться, что все так ловко сложилось в правдоподобную картину, но меня откровенно бесило то, что в этой ситуации я почти ни на что не мог повлиять.

Выбора не дали ни мне, ни Ирке. И это было мерзко, пусть и на благо Рода, что даровал мне силу.

Я вырос в другой стране среди других людей и был воспитан иначе. В моем мире семейные связи больше не были прочными, стерлись все воспоминания о родах и корнях. В моем Питере 2021 года каждый был сам за себя, но при этом и свободы было куда больше. Здесь все оказалось иначе, и хотя умом я понимал правила, по каким следовало играть, душа моя все еще этому противилась.

Коробочка с кольцом оттягивала карман. Я затолкал ее поглубже, чтобы не потерять, и вошел в столовую, нацепив безмятежную улыбку.

Чаепитие прошло спокойно. Я представил бабушку, и мы провели полчаса, беседуя о красотах Ириновской усадьбы, своенравном Ладожском озере и грядущих вступительных испытаниях в Аудиториум. Ирэн выдерживала маленький внутренний экзамен с достоинством, хотя точно не подозревала, как отныне на нее смотрела моя семья. Я давился чаем и баранками, мечтая, чтобы визит поскорее закончился.

Наконец, когда Ирэн выглянула в окно и увидела, что уже почти стемнело, мы засобирались в Лебяжье.

— Обязательно приезжайте еще, дорогая Ирина Алексеевна, — улыбалась и жала руки Ирке бабушка, провожая нас в холле.

Оля глядела на этот приступ доброты с недоумением и даже пару раз метнула на меня неодобрительные взгляды, причины которых я не понял. Жаль, не было времени поговорить с ней наедине.

— Приезжайте на второе испытание в Аудиториум, если у вас будет возможность, — пригласил я. — Все приезжайте. Правда, удобств на Полигоне особо нет. Бабушке будет тяжело.

— Я приеду, — пообещала сестра. — Обязательно.

Отец кивнул:

— Сообщи дату и время.

— Конечно.

Мы завалились на заднее сидение подогнанного Иваном автомобиля. Тачка была далеко не такой комфортной, как Леня, но сейчас я был готов запрыгнуть хоть на дрезину в проливной дождь, лишь бы поскорее убраться из Ириновки. Мне нужно было подумать и собраться духом.

— Как думаешь, Матильда уже очнулась? — Спросил я, когда мы выехали на шоссе.

Ирэн отрешенно пожала плечами.

— Не знаю.

— О чем задумалась?

— Да так. Все прокручиваю в голове то, что было у дуба.

— Пока не думай об этом.

— Как не думать, Миш? Нам ведь там такое наговорили...

— Потом обсудим. Сейчас главное — понять, работают ли выписанные лекарем лекарства. Может все окажется не так и страшно. Если лечение подошло...

Ирэн уставилась на меня, не моргая.

— Миша, хватит, — тихо сказала она. — Не нужно давать мне ложную надежду. От этого будет только больнее. Больше не говори такую ерунду. Лекарства лишь успокоят ее, но проблему не решат. И мы оба это понимаем. Все это понимают.

— Извини, — я откинулся на кожаную спинку и взял девушку за руку. — Я не со зла.

— Знаю.

Иван метнул на нас заинтересованный взгляд в зеркало заднего вида, но ничего не сказал. И правильно. Помалкивай и гляди на дорогу.

В полном молчании мы добрались до Лебяжьего. Ирэн выпорхнула из машины и направилась напрямик наверх — проведать Матильду. Я же пошел на кухню. В голове созрел план — ничего особенного, но я надеялся, что Ирэн оценит.

Я едва успел обо всем договориться со слугами, когда девушка бесцеремонно вторглась в мои мысли.

“Миш, ты где?”

“Внизу. Как Матильда?”

“Еще не проснулась. Но, на первый взгляд, с ней все в порядке — дыхание ровное, цвет лица здоровый. Думаю, все же немного переборщили с успокоительными. Плюс лекарь ей тоже что-то вколол для ускоренного восстановления”.

“Значит, ты сейчас свободна?”

“Выходит, так. А что, есть планы?”

“Предлагаю прогулять ужин. Все равно набили животы баранками в гостях”.

“Прогулять ужин — это я всегда поддержу”, — отозвалась девушка. — “Сегодня утром едва втиснулась в старые брюки”.

“Тогда надевай теплое и удобное — и встретимся внизу. И прихвати ключи от Македонского”.

“Десять минут”.

Я воспользовался передышкой и поднялся в свою комнату, чтобы одеться потеплее. Место, куда я планировал повести Ирэн, не обещало ничего, кроме ночи, холода и сырости. И все же это сейчас было лучшее из того, что мне удалось так быстро придумать.

Шустро переоблачившись, я сбежал вниз по ступеням и заглянул на кухню.

— Ну как, Ален? — Спросил я у улыбчивой девушки, что помогала кухаркам. — Собрали?

Девушка смущенно поправила белоснежный чепчик, под какие все на кухне убирали волосы, и протянула мне небольшую корзинку.

— Вот, ваше сиятельство. Все как просили: термос с какао, две кружки, бутылка воды, плитка шоколада...

— Спасибо, Аленушка, — я взял корзинку и помахал кухонным слугам рукой. — Большое спасибо всем вам!

— Ой, что вы, ваше сиятельство, — закудахтали поварихи. — Нам какаву сварить — дело пяти минут. Только долго не гуляйте. Ночи нынче холодные, уже подмораживает.

— Мы недалеко, не волнуйтесь. Ирина Алексеевна все равно устала. Так, пройдемся на ночь.

Попрощавшись с душевными тетушками, я вышел. Они и правда немного напоминали мне курочек-наседок: в белых халатах и передниках с торчащими завязками, что напоминали хвосты. И суетились так же. Вообще с нами в этом доме носились почти все слуги: опекали, подкармливали и всячески проявляли заботу.

Ирка, уже одетая по погоде, ждала меня в холле.

— Пикник? — улыбнулась она, поправив шапку.

— С тебя колеса, с меня — согревающие. Идем?

— Чего это тебя понесло гулять на ночь глядя? — удивилась она, когда мы подошли к гаражам. — Не находился вокруг дуба?

— Дурная голова ногам покоя не дает. Заводи Македошу. Ты и сама не прочь прокатиться, не отпирайся.

— И не подумаю, — широко улыбнулась Ирэн. — В Аудиториуме не разрешают иметь личные автомобили. Хоть прокачусь пару раз напоследок.

— А почему нельзя? — спросил я, забравшись на переднее пассажирское.

— А зачем? Куда там ездить? Все на одном острове, который можно пешком обойти за час. Скорее уж лодка понадобится, чтобы выбраться оттуда незаметно...

Македонский завелся с тихим урчанием. Ирэн аккуратно выехала на аллею и повернулась ко мне:

— Куда?

— На старую мельницу, — осклабился я. — В твое любимое место.

Ирэн удивленно моргнула, но лишних вопросов задавать не стала.

— Ну поехали. Неужели тебе там понравилось?

— Там тихо и никого не пугается под ногами.

— А что в термосе?

— Какао.

— Ничего себе. Совсем ты приручил кухарок. От них вечером без разрешения Матильды обычно не допросишься. Считают, что на ночь его пить вредно. Как ты их уговорил?

— Просто я им нравлюсь, — улыбнулся я.

— Ну горничным ты точно нравишься. Знаешь, почему?

— М?

— Ты кровать заправляешь. И одежду тщательно складываешь.

Я коротко хохотнул.

— А ты — нет?

— Не-а. Я неряха.

Болтая о всякой чепухе, мы подъехали к пяточку, откуда уходила тропа до мельницы. Ирэн заглушила двигатель, и я вылез, прихватив корзинку. Взглянув на мою ношу, девушка дернула плечами.

— Веришь-нет, а мне до сих пор ужасно стыдно за ту историю. Ну, которая случилась, когда мы в прошлый раз здесь были.

— Брось. Ты была под воздействием и за себя не отвечала.

— Все равно, — она зажгла огонек “Жар-птицы” и послала вперед, освещать путь. — Это же кошмар любого менталиста — самому оказаться под контролем.

— Я бы все равно тебя не тронул.

— Знаю. Ты же понимаешь, что дело не в этом. Матильда ведь тоже пострадала, когда ее взяли под контроль. И я всегда этого боялась. А потом оно случилось — и я этого даже не заметила. Не поняла...

Мда. Интересно, знал ли об этой маленькой фобии Радамант? Думаю, знал. И наверняка специально подошел к вопросу с таким цинизмом. Вроде ничего катастрофического он с Иркой не сделал, а девчонка теперь будет трястись до конца дней. Потому что когда твой страх воплощается в реальность, а ты не можешь его победить, страх лишь усиливается. Чтобы избавиться от этой фобии, Ирке однажды придется с ней сразиться. По-другому никак.

— Пришли.

Я глубоко вдохнул и выдохнул, осматривая заросший берег. Почти полная луна как раз

выплыла из-за серых облаков и пролила холодный, почти мистический свет на пейзаж. Почти как на картинах Архипа Куинджи — вот уж кто любил рисовать ночь. Здесь было тихо, лишь изредка вдалеке каркали вороны да побрякивали не улетевшие на юг утки.

— Внутрь? — спросила Ирэн. — Разведем огонь?

— Как хочешь.

Девушка подозрительно прищурилась.

— Что-то ты сегодня шелковый аки халат моей тетушки. Что с тобой, Михаил?

— Пытаюсь быть хорошим парнем.

— Зачем?

— Хочу, чтобы тебе было со мной спокойно, — внезапно честно признался я. — Чтобы рядом со мной ты хоть ненадолго выкинула из головы все заботы. Думаю, тебе это не помешает.

Ирэн смерила меня долгим внимательным взглядом, а затем молча вошла в наш домик. Кострище было на месте — ровно в том виде, в каком я оставил его в прошлый раз. Значит, люди сюда не ходили. Да и кому бы взбрело в голову сюда соваться? Мельница-то давно не работала, а территория была частной.

Подруга эффектно щелкнула пальцами, и над кострищем застыл идеальный огненный шарик “Жар-птицы”. Я хлопнул себя по лбу.

— Вот болван. Дрова забыл.

— Расслабься. — Ирэн заглянула под старую скамью и вытащила несколько поленьев. — Наверняка отсырели, но сейчас мы их просушим Благодатью. Чем хороша сила — так это тем, что пропасть не даст.

Она занялась дровами, а я принялся потрошить содержимое корзины. Вытащил термос с кружками, достал воду — Аленушка настаивала, что какао надлежит запивать водой, чтобы очистить рот. Выудил со дна корзинки небольшой плед и расстелил на лавке.

И проверил карман. Кольцо было на месте.

Миха, хватит нервничать. Не на Голгофу ведь идешь, а просто делаешь то, чего от тебя и так наверняка ожидают. Ирка не дура — наверняка уже прикинула один к одному. И раз согласилась на прогулку... В общем, я очень хотел, чтобы до нее дошло как можно быстрее.

Дрова занялись, и я разлил ароматный напиток по кружкам.

Ирка обхватила свою обеими руками и пила мелкими глотками, глядя на пламя.

— Хорошо... — тихо сказала она. — Почти как в детстве.

Мне тоже вспомнилось, как на даче пацанами мы убегали в лес, строили шалаш и учились разводить костер. Однажды, правда, чуть не сожгли собственное тайное убежище, но обошлось.

— Да, — кивнул я. — Хорошо.

— Бог его знает, когда в следующий раз так посидим, — улыбнулась Ирка. — Ну, это если оба поступим, тогда и забавы будут другие.

— Если провалюсь, разрешишь мне приходить сюда, жечь костры и выть на луну?

Ирэн рассмеялась и шутливо ударила меня кулачком в плечо.

— Поступим, куда денемся? Ради тетушки должны поступить. Иначе она зря тратила на нас свое здоровье.

Я кивнул.

— Да. Нельзя ее подвести.

— Кроме того, — девушка хитро прищурила глаза, — Кто будет спасать меня от

назойливых ухаживаний Денисова?

— Значит, мои не настолько назойливые? — подмигнул я.

Ирэн резко посерьезнела. Выражение ее лица сменилось на суровое буквально в один миг. Она повернулась ко мне всем корпусом, подняла на меня глаза, но тут же снова отвела взгляд.

— Эй, ты чего?

— погоди. Дай собраться с мыслями.

Она отставила пустую кружку и сложила руки на коленях, как образцовая школьница.

— Миш, тут такое дело... В общем, помнишь, что я говорила и как вела себя, когда была под воздействием?

— Такое не забудешь.

— Не надо шутить. Мне и так тяжело подбирать слова.

— Извини, — осекся я. — Продолжай, пожалуйста.

— В общем, ты ведь тогда каким-то чудом сломал это заклинание, снял воздействие. Прямо здесь, — она хлопала ладонью по лавке.

— Ага. И врезала ты мне тогда от души. От испуга.

— Я не об этом. Понимаешь, с тех пор много всего случилось. И испытание, и нападения, и та катавасия с Радамантом... Словом, я думала, все вылетит у меня из головы, но оно не выходит. — Ирэн собралась с силами и все-таки посмотрела мне в глаза. — Ты тогда снял заклятье, но для меня ничего не изменилось, Миш. Я... Я, кажется, отношусь к тебе не просто как к другу и боевому товарищу.

Я слушал ее молча, не зная, радоваться ли мне, нервно ли смеяться или плакать от ощущения полного сюрреализма происходящего. Цирк Паноптикум какой-то. И надо ей было все это время так ерепениться и разыгрывать из себя злобную недотрогу? Я ведь не отталкивал ее. И чего эта дуручка боялась?

— Миш... Ты чего молчишь? — робко спросила девушка.

Я улыбнулся и нащупал в кармане коробочку с кольцом.

— Ну, раз такое дело... — я щелкнул пальцами, деля огонь костра ярче. “Жар-птица” окрасила стены нашего убежища в приятный дрожащий желтый цвет. — В общем, мне тоже есть что тебе сказать.

Глаза Ирэн загорелись надеждой. Она молчала и напряженно ждала продолжения. Настолько напряженно, что ее аж немного затрясло.

— Закрой глаза, — попросил я. — И не бойся.

— Хорошо.

Она сомкнула веки, и я залюбовался ее лицом. Это сейчас, в свои семнадцать она красотка, а уж с генами Матильды к тридцати превратится в роскошную женщину. И все это время мы сможем быть вместе, если сейчас все получится.

Я бесшумно открыл коробочку и развернул ее к девушке.

— Можно смотреть.

Она осторожно открыла сначала один глаз, затем другой. Сперва уставилась на меня и лишь мгновением позже заметила в моих руках шкатулочку.

— Ир, я не хочу, чтобы ты думала, что я предлагаю это только ради выгоды для наших семей. Знаю, что моим пригодятся ваши связи и Осколок, а вы с Матильдой сможете получить от нас родовую силу и графский титул. Даже если бы у тебя за душой ничего не было, я бы все равно нашел способ предложить вам войти в наш род, чтобы Матильда

исцелилась. Но дело не только в этом. Я делаю это не только ради Матильды.

Ирэн изумленно моргнула.

— Это... Это ведь предложение, да?

— Да. Моя семья дала благословение. Собственно, потому я сегодня так с ними и задержался наверху.

— Но... — Ирэн нервно сглотнула слюну. — Не ожидала, что все случится так быстро. Прости, Миш, я не думала, что твои намерения настолько серьезны.

— Можно устроить помолвку и тайное принятие в Род, чтобы не пошли слухи. Это поможет быстро вылечить Матильду, а мы... Когда будешь готова, тогда и церемонию проведем. Если не передумаешь... — я вытащил реликвию из коробочки и протянул ее на ладони. — Это помолвочное кольцо женщин моего рода. Если ты согласна, возьми его.

Ирэн долго молча глядела на кольцо, и мне показалось, что прошла целая вечность. Наконец девушка вытянула руку над перстнем, прикоснулась к нему и...

Согнула мои пальцы так, чтобы кольцо спряталось в моей ладони.

— Сейчас я не могу его взять, Миш, — смущенно покраснев, сказала она. — Дело в том, что я не имею права давать согласие по таким вопросам. Пока я не достигну совершеннолетия, мое слово ничего не будет стоить. Поэтому что бы я сейчас ни ответила... роли это не сыграет. Все решает тетушка.

— Или Корф, — вздохнул я.

— Если тетушка не сможет... Ну, если вдруг разум помутится на почве болезни, то да, это решение будет принимать дядя Вальтер.

Который костями ляжет, но не допустит этого. Я отчего-то был уверен, что Корф ни за что не согласился бы отдавать Ирку за человека из рода Соколовых. И особенно — за меня. Потому как Питолетыч явно рассчитывал пустить меня в расход. И зачем ему было отдавать любимую племянницу доброй подруги за парня с такой предысторией и неясным будущим?

И, кроме того, Корф знал, кем я был на самом деле. Знал, что сделали старшие Соколовых. И вряд ли ему все это добавляло мне очков популярности в его глазах.

— Значит, это “нет”, — сказал я, убирая кольцо обратно в коробочку.

Странно, но какая-то часть меня даже обрадовалась такому повороту. Не хотел я неволить девчонку, особенно потому, что она мне нравилась. Но оставался открытым вопрос с Матильдой. Что еще можно было сделать, чтобы и наставницу вытащить, и чтоб свои родственнички не угробили за проваленную миссию?

— Это значит ровно то, что я сказала. “Я ничего не решаю”, — печально улыбнулась Ирэн. — Мне нравится твой план, и я бы на него согласилась. Правда. Меня все это жутко смущает, да и вообще я не хотела вступать в брак так рано... Но ради тетушки я бы с готовностью это сделала.

— Я понял. Что ж, спасибо за правду.

— Но я обязательно расскажу тетушке о твоём предложении. Как очнется, попробую с ней поговорить и убедить. Все равно не вижу других вариантов. Нужно ее спасать.

Я кивнул, допил почти остывший какао и спрятал посуду в корзину.

— Хорошо. Тогда домой? Вдруг она все же пришла в себя.

— Ага.

Ирка шустро потушила костер, я спрятал коробку с кольцом в карман до лучших времен и закинул оставшиеся пожитки в корзину. Пока я возился, моя несостоявшаяся невеста успела завести Македонского и дожидалась меня. Едва я захлопнул дверь, Ирка нервно рванула с места.

— Чего это ты? — улыбнулся я. — Обычно же осторожно водишь.

— Да просто мне не по себе от всей этой ситуации. Да и вообще от всего, что случилось за минувший месяц. — Ирэн бросила на меня косой взгляд. — У тебя не бывает ощущения, словно ты оказался пешкой в чужой игре?

Я откровенно заржал. В голос. Нервно. О, милая моя, знала бы ты все то, что знаю я...

— Еще как бывает, — успокоившись, ответил я.

Ирэн укоризненно на меня взглянула и покачала головой.

— Я серьезно. Понимаю, ты наверняка будешь надо мной смеяться или вовсе сочтешь меня сумасшедшей, но я не могу отделаться от мысли, что нами играют. Всеми нами. И больше всего меня бесит то, что все вокруг явно знают больше меня!

Она разогналась до опасной скорости для поездки в ночи по ухабистой грунтовой дороге. Македонский подпрыгивал на каждой кочке, и пару раз я аж клацнул челюстью и едва не вписался головой в потолок.

— Ир, аккуратнее, пожалуйста. Если мы сейчас оба уьемся, то помочь твоей тетке станет еще сложнее. Не психуй.

Она помрачнела пуще прежнего и уставилась на дорогу, но скорость все же сбросила. Я тихо выдохнул от облегчения. Иногда я забывал, что эта девица обладала весьма необузданным нравом. Это со мной она еще сдерживалась.

— Значит, ты тоже думаешь, что мы замешаны в какой-то игре?

— С чего ты решила?

— Например, с того, что этот всемогущий Радамант нас не угробил, а предпочел забавляться. С того, что дядя Вальтер слишком уж зачастил к нам в гости. С того, что с твоим появлением в нашей жизни все покатило в тартарары, и чем дальше, тем безумнее. А теперь еще и внезапное ухудшение состояния тетушки. Миш, она несколько лет страдала от этого недуга, но никогда не было так плохо. Почему она начала так стремительно слабеть? Почему сейчас?

Так. Стоп. Ну Ирка, ну дура душой! Какого ж рожна она молчала?

— погоди, Ир. Я-то думал, что у Матильды это не первый приступ. Ты и сама говорила, что бывало всякое.

— Было. Но по-другому. Обычно у нее просто случались перепады настроения, иногда была слабость. Обычно это занимало день-другой, да и мы, зная о проблеме, старались не доводить до обострения. Мы же не безумцы... Но так скверно никогда не было. Может я, конечно, зря включила паранойю и вообще не о том думаю, но...

— Черт бы тебя побрал, Ирина! — рявкнул я. — Ну почему ты раньше не сказала?

Это ведь могло быть ниточкой. Зацепкой. Только к кому она вела, я понятия не имел. Думай, Миха, думай! Думай, зачем могли попытаться вывести нашу тетю Мотю из игры.

Первый и уже очевидный вариант — моя семейка хотела ухватить удачу за хвост, обрести осколок и бабло. Логично. Бабушка могла получить какую-то информацию во сне. Но могла ли она сделать что-то, чтобы ухудшить состояние Матильды. Теоретически возможность у нее была — они виделись лично. Но хватило бы на такое у бабки силы? Этого я не знал.

Зачем еще?

Почему-то на ум пришел Корф. Если он хотел какое-то будущее для Ирины, с которым могла не согласиться Матильда... Гипотетически — да. Он, будучи менталистом, мог легко поджарить ей мозги, чтобы получить возможность управлять жизнью Ирэн. И с учетом того, что до совершеннолетия ей осталось примерно полгода, то следовало поторопиться.

Но зачем это могло понадобиться Корфу? Здесь я даже предполагать не рисковал.

Кто еще мог это сделать?

Радамант? Силы у него хватило бы. Но зачем? Штоффов не было в его списке, а с разумом Ирэн он забавлялся скорее для того, чтобы просто показать мне могущество. Зачем ему было лишать Ирку поддержки Матильды? Ведь баронесса старалась уберечь племянницу от этой неразберихи.

Или дело было в этом? Могла ли Ирэн понадобиться Радаманту?

— Твою мать... — я обхватил голову руками, опасаясь, что она сейчас взорвется от потока предположений.

— Чего выражаешься? — хмуро бросила девушка, выруливая на асфальтированную аллею. Перед нами уже высились готические башенки особняка.

Я повернулся к девушке, стараясь не мешать ей переключать передачи.

— Ты же менталистка. Скажи, а могло ухудшение состояния Матильды быть рукотворным? — Спросил я. — Мог ли кто-нибудь со злым умыслом что-то подкрутить у нее в мозгах, чтобы ей стало хуже?

Ирэн резко ударила по тормозам и повернулась ко мне с округлившимися глазами.

— Ты что такое говоришь?

— Просто ответь. Могло такое быть?

— Теоретически — да... — она замаялась. — Но это должен быть сильный менталист. Не ниже третьего ранга. Ну или какой-нибудь самородок вроде тебя, но только более умелый. Это очень тонкая работа, а уж чтобы сделать ее незаметной для врачей, нужно обладать большим опытом и знаниями...

— Но это все-таки возможно, — надавил я.

— Да. Миш, ты хочешь сказать...

— Ага. Не стоит сбрасывать со счетов это предположение. Не знаю, чем оно нам поможет, да и выяснить причину мы вряд ли сможем...

— Или сможем, — процедила девушка.

— Как?

Ирэн побарабанила наманикюренными пальчиками по рулю.

— Великий князь Александр Константинович. Он не только менталист, но и Романов. И он умеет считывать следы воздействия, помнишь? Он ведь смог определить, что Радамант принадлежит к императорской фамилии. Может и сейчас получится. Если бы могли показать ему Матильду...

Я аж поперхнулся.

— Ир, как ты себе это представляешь? Двое вчерашних школяров заваливаются во дворец к Великому князю и просят проверить, сама ли поплыла мозгами наша баронесса или ей помогли?

— А что? — с вызовом ответила девушка. — Других вариантов это выяснить у нас нет. К тому же Александр Константинович дружен с дядей Вальтером. Я попрошу его устроить нам встречу. Вряд ли он откажет — тетя ему очень дорога.

Этого сценария я и опасался. Но не знал, как осторожнее намекнуть Ирэн, что Корф тоже мог быть заинтересован в случившемся, не вызвав на себя гнев девушки. Она безоглядно ему доверяла, а вот верить мне причин у нее было куда меньше. Может, конечно, и я перегибал с подозрительностью, но ведь Пистолетыч и правда проходил по первичным параметрам: менталист высокого ранга, опекун Ирэн, вхож в дом, мог иметь какие-то свои умыслы...

Но пытаться убедить в этом Ирку, да еще и сейчас, когда она и так была на взводе, казалось мне самоубийством. Только отношения испорчу, а сейчас мне нужен был союзник. Поэтому сперва лучше добыть хоть какие-нибудь аргументы в пользу этой версии.

— Не думал, что скажу это, но пока лучше повременить с этим шагом. Не стоит дергать ни Корфа, ни Александра Константиновича, пока Матильда не очнулась, — осторожно

посоветовал я.

Ирэн мотнула головой.

— Нет, я точно хочу знать. Если кто-то посмел навредить моей тете, я его... Я...

— Спокойнее. Нужно как следует обдумать, кто и зачем мог это сделать. Матильда не кажется мне человеком, у которого много врагов.

— У нас их и нет, — Ирэн снова поддала газу, и мы въехали во двор к гаражам. — Странно, что я сама раньше не додумалась. Просто все казалось так естественно... Когда-то давно лекари нас предупреджали, что последствия травмы могут аукнуться с годами. А ведь я должна была предположить, что могло быть и внешнее вмешательство. Ну я и дура!

Я выбрался из Македонского, подхватил корзину и подал руку Ирке.

— Пока помалкивай о догадках, хорошо? Я не знаю, кому можно доверять.

— Думаю, это дело рук Радаманта. Он уже играл с моей головой. Мог залезть и к тетушке.

— И зачем ему это?

— А зачем он меня заколдовал? — прошипела девушка. — Поиздеваться. Показать власть и ненависть к дворянскому сословию. Заставить нас страдать!

— Не знаю... Не вяжется это у меня как-то... Все равно пока лучше не болтай.

Она не ответила — лишь бросила на меня злобный взгляд. Я понимал, что эта ярость не была направлена лично на меня. Ирка всегда бесилась, когда чувствовала себя дурой. Злилась она сейчас только на себя. Одна беда общения с менталистами — если уж они позволяли себе проявлять чувства в полную силу, то фонило от них нещадно.

Я открыл входную дверь и пропустил девушку внутрь. На шум сбежались слуги, помогли нам раздеться и забрали корзинку.

— Тетушка еще не очнулась? — спросила Ирэн у Василия, выглянувшего в холл.

— Ее благородие изволит бодрствовать. Как раз иду распорядиться насчет травяного чая для Матильды Карловны.

— Она меня примет?

— Думаю, вас, Ирина Алексеевна, ее благородие примет в любое время, — позволил себе улыбку вечно невозмутимый лакей.

Ирэн обернулась ко мне.

— Схожу проведаю. Если будут новости, дам знать.

Я кивнул, переобулся в домашние туфли и направился напрямик в свою комнату, попросив слуг принести мне чаю прямо в покои. Ирка наверняка задержится у тетушки, а мне требовалось постоять под горячим душем, еще раз все обдумать и прикинуть, что делать дальше.

Вернувшись к себе, я спрятал коробочку с кольцом в вещах в шкафу, сорвал одежду и забрался в ванну. Сколько проплескался, не знаю, но напарил так, что все окна в комнате запотели.

Когда я вышел, на столике меня уже дожидался чайник с чаем, и я развалился в кресле, размышляя о возможной роли Радаманта в недуге Матильды.

Нет, все же не сходилось. Матильды не было в его списке, он не мог претендовать на ее блага, да и Ирка вряд ли была ему нужна. Единственная причина, которую я смог придумать — что таким образом Радамант мог попытаться отвлечь Корфа от погони за террористами. Но наверняка были и другие, более эффективные варианты. Впрочем, Матильда казалась личным интересом Пистолетыча, и Радамант мог попробовать ударить в больное место.

От раздумий меня отвлекли крики, доносившиеся из хозяйского крыла. Залпом допив чай, я поставил чашку на столик и прислушался.

Не просто разговор на повышенных тонах, а самый настоящий ор двух голосов. Низкий, хрипловатый — явно Матильда. И высокий, пронзительный — Ирэн.

Видимо, она все рассказала тетушке... Ох ты ж черт.

Я быстро сменил халат на домашний костюм и выбрался в коридор, стараясь двигаться незаметно и бесшумно. Пробрался через ход для слуг и быстро оказался возле покоев баронессы. К этому моменту орать они перестали, но все равно разговор был очень эмоциональным. Затем послышался звон стекла, короткий вскрик, и все быстро стихло.

“У вас там все в порядке?” — я дотянулся до Ирэн ментально. — “Все живы?”

“Не сейчас, Миш. Не отвлекай”.

Я потоптался немного под дверями покоев баронессы, но решил не вмешиваться. Хотел отпустить вожжи и предоставить Ирке договариваться — и глупо было рассчитывать на иную реакцию. Поэтому я просто убрался восвояси, предоставив дамам возможность от души выяснить отношения.

Только лишь бы Матильда после таких новостей опять не слегла. На ее месте я бы выпил ведро валерьянки.

Через полчаса в моей голове раздался усталый голос Ирэн.

“Не спишь?”

“Какое там”.

“Зайти можно?”

“Конечно”.

Ирина тут же постучала в мою дверь. Я открыл и пропустил девушку внутрь.

— Выглядишь неважно.

— Спасибо за комплимент, — огрызнулась она и рухнула в кресло у окна.

— Как прошло?

— Угадай.

— Матильда в ярости, ни за что не готова жертвовать вашими благами и независимостью ради своего спасения и лучше поедет в ту элитную психушку в Старой Руссе, чем породнится с нами.

Ирэн мрачно усмехнулась.

— Примерно так, да. И еще она выгнала меня из покоев и запретила появляться, пока не выкину из головы твое предложение. И сказала, что если к ней сунешься ты, она тебя и вовсе прибьет.

Я опустился на кровать.

— Как она себя чувствует?

— Слабенькая... Но решительная. Руки дрожать начали. Но голова пока светлая.

— Это хорошо, — отозвался я. — Но может я все же к ней зайду?

— Погоди до утра. Перебесится, успокоится. Может и примет. Но под горячую руку тетке и правда лучше не лезть. — Ирэн поднялась, задев бедром столик, и посуда жалобно громыгнула. — Давай спать, Миш. Послезавтра новое испытание, а я чувствую себя так, словно в одиночку разгрузила целый вагон угля.

Какого-то черта я снова проснулся раньше будильника. Сила молчала, никакой угрозы

извне не было, но непонятная тревога прочно засела в груди. Может сказалось перенапряжение последних дней, может просто спал плохо. Но больше глаз сомкнуть не удалось. Поэтому, выполнив небольшую тренировку и приведя себя в порядок, я спустился в столовую.

К моему удивлению, Ирэн уже проснулась. Но явно недавно, потому как вид она имела сонный и помятый.

— Ты чего так рано? — спросил я, опустившись на стул.

— За всю ночь глаз не сомкнула. Тревога какая-то непонятная. А ты?

— Тоже тревога.

Мы переглянулись.

— Матильду проверяла? — чувствуя неладное, спросил я.

Ирэн покачала головой.

— Еще не успела. Хотела привести себя в порядок и заглянуть к ней.

— Давай-ка пропустим этот шаг и сразу проверим. Что-то мне не по себе.

— Я ничего не чувствую, — нахмурилась Ирэн. — Никакой посторонней силы. Никакого вмешательства. Просто... Предчувствие дурное.

— Ну-ка пойдем наверх, — я быстро поднялся и, не оглядываясь, направился к лестнице.

И резко остановился, да так, что сонная и не успевшая отреагировать Ирэн врезалась носом мне в спину.

По лестнице спускалась Матильда — полностью убранная к выходу в свет. В красивом платье, перчатках, шляпке и с полным набором украшений. Я заметил даже несколько орденов на ее груди.

Скользнув по мне взглядом, она холодно улыбнулась.

— Доброе утро, Михаил, — сказала она.

Ирэн выглянула из-за моего плеча.

— Тетушка, ты куда-то собираешься? — удивилась она. — Тебе же нехорошо...

Матильда взглянула на часы.

— Отдыхайте перед завтрашним и не выходите из усадьбы, — ответила она, явно не желая с нами объясняться.

— Погоди. Что происходит? — не унималась Ирэн.

Но Матильда так и не ответила. А несколькими мгновениями позже я отвлекся на шум колес и выглянул в окно.

— Какого... черта? — выдавил из себя я.

К парадной лестнице подъехал небольшой кортеж из двух автомобилей. Матильда, не прощаясь, вышла на крыльцо, цокая высокими каблуками по ступеням. Слуга в ливрее, украшенной императорскими гербами, открыл перед баронессой дверь. И, прищурившись, я заметил, что автомобили тоже были отмечены гербами императорского дома.

Ирэн, потерянная и не понимающая, отодвинула занавеску и охнула.

— Кто это? — спросил я.

— Это сопровождение Его Императорского Величества, — выдохнула девушка. — Матильду везут в Зимний.

Я внимательно изучал детали убранства императорского кортежа. Чертовщина какая-то. Что могло понадобиться императору от Матильды, особенно с учетом ее состояния? И хотя сейчас баронесса выглядела цветущей и здоровой, долго скрывать слабость у нее не получилось бы. И, думаю, в Зимнем об этом знали. Тогда зачем?

Для Ирэн все это явно стало не меньшим сюрпризом. Приоткрыв рот, она растерянно пялилась в окно, то открывая, то закрывая рот, словно хотела что-то сказать, но не решалась.

— Не понимаю... — наконец прошептала она. — Зачем? Почему...

Чтоб я знал. Но, быть может, слуги смогли бы прояснить эти утренние странности? Я позвонил в колокольчик.

— Василий!

Не успел я досчитать до пяти, как вышколенный лакей предстал перед нами.

— Чем могу услужить вашему сиятельству? — поклонился он.

— Василий, вам что-нибудь известно о сегодняшних планах Матильды Карловны? — осторожно, стараясь не выдать волнения, спросил я. — И об этом эскорте у парадных дверей.

Лакей едва качнул головой.

— Увы, немного. Ее благородие приказала разбудить ее пораньше и предупредить Ефросинью о том, что ее услуги понадобятся. Боюсь, сегодняшнее появление представителей Дворца стало неожиданностью и для нас, ваше сиятельство.

Что-то многовато секретности и внезапности. Впрочем, было глупо надеяться, что Матильда посвятила прислугу в действительно серьезные вещи.

— Благодарю, — кивнул я. — Вы свободны, Василий.

— Быть может, желаете позавтракать?

Ирина задернула штору и обернулась.

— Да, пожалуйста. Что-нибудь легкое.

— В течение четверти часа все будет готово, господа.

Лакей раскланялся и исчез, оставив нас во все возрастающем недоумении.

Что же ты задумала, Матильда? Или же кто тобой все-таки играет?

— Ничего не понимаю! — в сердцах бросила Ирка и направилась в столовую. — В собственном доме чувствую себя чужачкой!

Я вздохнул и поплелся за ней. Пара больших кружек кофейку сейчас бы не помешала. А там найдем, чем заняться. Все же впереди было еще два испытания, и я хотел еще раз шерстнуть ту занятную книжицу, что нашел в своей комнате. Быть может, получилось бы выучить или отработать пару новых заклинаний.

Я еще до конца своего курса молодого бойца положил глаз на “Лешего”. Очень полезное ментальное заклинание, позволяющее отвести противнику глаза, рассредоточить внимание и запутать его. Ирка могла бы с этим помочь, да и ей не помешало отвлечься.

— Может дядя Вальтер в курсе? — задумчиво спросила она, расправляя салфетку.

Мы расселись друг напротив друга, и нас разделял сервированный к утренней трапезе стол. Я пялился в окно на первый снег: мелкий белый порошок едва присыпал все еще заваленную листьями землю. Вот и зима приближается, а все стало только запутаннее.

— Миш!

Я встрепенулся и уставился на подругу. Она удивленно на меня смотрела.

— Совсем меня не слушаешь, да?

— Извини, отвлекся. Что ты говорила?

Она отмахнулась.

— Уже неважно.

А затем она молча уставилась в одну точку, лишь изредка моргая. Я понял, что Ирэн с кем-то ментально связывалась. Уж не с Корфом ли?

Беседа, с кем бы она ни велась, шла долго. За это время слуги успели принести завтрак и разлили дивно пахнущий кофе по чашкам. Ирка — та еще кофеманка — даже не шелохнулась. Ну точно ментальная связь.

Наконец девушка несколько раз моргнула, тряхнула головой и уставилась на еду.

— Что там? — спросил я, намазывая хлеб маслом.

— Дядя Вальтер ничего не знает. Я все-таки с ним связалась. Рассказала о кортеже и странном поведении тетушки. Это очень его удивило.

Что ж, тем интереснее. Значит, либо Корф лжет, либо Матильда и правда преподнесла ему сюрприз.

— Может это быть простая аудиенция? — предположил я.

Ирэн посмотрела на меня как на умалишенного.

— В Зимнем? В такое время?

— А какое сейчас время.

— Неподходящее! — воскликнула Ирэн. — Несмотря на наше богатство и кое-какие заслуги перед Отечеством Штоффы — слишком мелкая рыбешка, чтобы императорская фамилия вызывала кого-то из нас просто так. Это же не чайку попить с друзьями, Миш!

— Я понимаю. И все же мы с тобой можем чего-то не знать.

— Можем, — неуверенно согласилась девушка. — Но я-то сужу по тому, как все происходило раньше. Есть особые дни, праздники и события, когда члены правящей семьи принимают у себя представителей аристократии. Например, если ты как-то отличился, то можешь быть приглашен на Представление — это формальная церемония, когда ты ненадолго встречаешься с кем-то из императорской семьи. Высшая награда — быть представленным самому императору. Но это может быть и императрица, и цесаревич... На Представлении могут вручить награду, например. Это такой знак внимания...

— Ну а еще есть балы, приемы и различные церемонии открытия чего-нибудь, — добавил я. — Там тоже есть возможность быть представленным.

Ирэн кивнула, наконец-то заставив себя положить пару тарталеток на тарелку. Судя по всему, аппетита у нее снова не было. Надо бы ее проконтролировать, а то совсем зачахнет девица.

— Да, — сказала она. — Но Матильда в последние годы не сделала ничего, чтобы заслужить Представление или награду из рук представителя царствующей семьи. Мы же сидели в Лебяжьем почти что безвылазно. Я — на домашнем обучении, а тетя дальше светских приемов и театров всяких не выезжала...

— Повторюсь, мы с тобой можем многого не знать, — настаивал я.

Но Ирэн словно не слышала меня и продолжала рассуждать.

— Балы отменены. Ближайший — только Рождественский, да и то если сочтут безопасным его проводить. Люди боятся Радаманта. И я не вижу ни одной причины приглашать Матильду во дворец, Миш. Странно все это. И ведь тетя ни слова нам не сказала

о приглашении. В прошлый раз, когда ее пригласили на бал в Зимний, здесь три недели все на ушах стояли. Готовились...

— А что если Матильда сама напросилась в гости?

— Маловероятно, — покачала головой девушка. — Там такая сложная процедура. Пока отправишь прошение, пока его рассмотрит канцелярия, потом, если причина покажется серьезной, начнут согласовывать графики... Это может занимать месяцы. Так что вряд ли.

Я отложил нож и взялся за чашку.

— Вернется — спросим. Пока просто поешь как следует, потому что я намерен эксплуатировать тебя по полной программе.

Ирэн выгнула подведенную бровь.

— Боюсь представить, каким образом.

— “Лешего” хочу изучить, и мне нужен дотошный наставник.

Моя идея отвлечь Ирэн учебкой оказалась успешной. Все-таки Ирка несмотря на пока что довольно средний ранг, по-настоящему любила свои способности. В отличие от меня, она с ними родилась и не представляла жизни без Благодати. Поэтому когда стало ясно, что девчонка имеет склонность к ментальным практикам, она погрузилась в изучение мастерства с головой.

И сейчас мне это здорово помогало. Правда, как и всегда, получалось не с первого раза.

— Давай сам, Миш.

Ирэн выбрала в качестве тренировочного плацдарма библиотеку. Так уж повелось, еще с того момента, как я появился в этом доме, нас с ней ставили в пару и отправляли отрабатывать “менталки” сюда. Тихо, спокойно, никто не мешает, а риск повредить драгоценные фолианты минимальный: все-таки ментальные практики не предполагали физического воздействия на окружающую среду.

В перерывах я изучал поистине достойное собрание и даже почитывал книги, которые было разрешено брать. Часть старых томов хранилась в специальных шкафах, где поддерживался особый уровень влажности и температуры — как правило, очень старые и редкие экземпляры. Но мой интерес пока что лежал в области познания этого мира, так что до изучения первого издания Овидия на немецком было еще далеко.

Ирка начала медленно шагать от камина в мою сторону. Я должен был сделать так, чтобы она отвлеклась на что-нибудь и свернула с пути. Причем сделать это так, чтобы она ничего не заметила.

— Пока без “Шлемов”, — сказала она. — Упрощу тебе задачу.

Она сделала шаг, другой, и я огляделся по сторонам в поисках объекта, на который она могла отвлечься. В идеале, конечно, в таких случаях использовать то, что гарантированно привлечет внимание. Например, что-нибудь яркое и цветастое. Или необычное — чего не ожидаешь увидеть в сложившейся обстановке.

Для отвлечения внимания Ирины я выбрал пышный букет, что утром слуги поставили на столе. Матильда вообще тратила много средств на украшение дома изысканными цветочными композициями. А Ирэн любила цветочные духи, так что...

— Ну? — улыбнулась она, сделав еще шаг по прямой линии.

Механизм работы “Лешего” немного напоминал мне “Алконост”. Только в “Алконосте” мы создавали иллюзию и полностью погружали в нее человека, а в “Лешем” должны были

управлять вниманием жертвы. И вроде “Леший” казался проще в исполнении, но на практике я понял, что это было не так.

Осторожно, как и учила меня Ирэн, я дотянулся до ее сознания и почувствовал ее сосредоточенность на мне. И аккуратно, бережно, шажочек за шажочком начал смешать фокус ее внимания с себя на букет. Усилил восприятие запахов, добавил мысль о том, как необычно и приятно видеть свежие летние цветы поздней осенью.

Следующий шаг Ирэн был уже менее уверенным. Она чуть повернула голову в сторону стола, скользнула взглядом по еще не распустившимся бутонам пионов...

Теперь было самое важное — добавить, но очень осторожно, желание разглядеть объект внимательнее. Я вложил ей в голову ненавязчивую мысль о том, что к лепесткам так хотелось прикоснуться, вдохнуть аромат...

И она свернула к столу! Уже гораздо увереннее, словно в последний момент передумала идти ко мне, направилась к вазе и принялась к пышному букету.

— Есть! — осклабился я. — Получилось.

Ирэн оторвалась от букета, проморгалась и обернулась ко мне.

— Уже гораздо лучше, но нужно отработать несколько раз, чтобы ты проделывал все это быстрее. Сейчас я специально шла медленно, но в реальной обстановке никто тебя ждать не будет.

— Да понятно, — кивнул я. — Все же ты прекрасный учитель. У тебя и правда талант. Не думала о карьере в этой области?

Ирэн вытаскила один маленький цветочек из букета и засунула его себе за ухо.

— Преподавание и наставничество — удел опытных. Никогда не понимала тех же студентов-боевиков, которые, выпустившись из Аудиториума, оставались прямо там и начинали преподавать. Артефакторы еще куда ни шло, но боевики... Да и менталист-теоретик тоже мало чему способен научить. Так что хочу сперва нюхнуть порошу, а там решим. — Она подняла на меня глаза и впервые за день хитро, даже как-то задорно прищурилась. — И хватит прохлаждаться! Я буду тебя гонять до тех пор, пока не начнешь управляться за две секунды! Вперед!

Отработка “Лешего” заняла у нас весь световой день. Темнело поздней осенью в наших широтах рано: в пять часов дня уже спустились густые сумерки, стремительно переходившие в ночь. Мы как раз закончили с тренировкой, переоделись к трапезе и отправились на ранний ужин.

Но не успели рассесться, как подъездная аллея огласилась шумом автомобильных колес. Ирка тут же вскочила и в два прыжка оказалась возле окна.

— Таааак, — протянула она, всматриваясь в темноту. — Сейчас начнется.

— Что именно?

— Сам глянь.

Кряхтя от усталости в утомленных мышцах я выполз из-за стола и уставился на подсвеченное желтыми фонарями крыльцо. И понял, что имела в виду Ирэн.

Из императорского кортежа, гербы которого ярко светились даже в ночи, вышла Матильда. Даже не вышла — выпорхнула так легко, словно и вовсе не касалась ногами земли. Подхватила маленькую сумочку, запахнула пальто и попрощалась со своим эскортом. Лакей в ливрее с гербами императорской фамилии раскланялся, и два автомобиля из

Зимнего ушли на разворот, чтобы покинуть Лебязье.

Но была здесь и третья машина. Уже хорошо знакомый мне неприметный седан Корфа, едва различимый на фоне темных кустов и деревьев, сперва держался на расстоянии, а затем подъехал к самой лестнице.

Корф выскочил с переднего пассажирского, торопливо обогнул машину и, активно жестикулируя, начал что-то говорить Матильде. Отсюда ничего не было слышно, а читать по губам я не умел. Но, судя по реакции обоих, беседа явно проходила на повышенных тонах.

— Скажу Василию, что число трапезничающих увеличилось, — тихо проговорил я.

Ирэн кивнула, не оборачиваясь.

— Ага. А я встречу их и постараюсь разнять, если полетят пух и перья. Дядя Вальтер был очень зол, когда я рассказала ему о поездке тетушки.

Интересно, почему?

Пока я распоряжался относительно ужина, Ирэн успела всех встретить. И когда я вышел в холл, обстановка царила напряженная, но все держались в рамках приличий.

— Добрый вечер, Михаил, — сдержанно поздоровался Корф.

— Здравствуй! — Матильда лучезарно мне улыбнулась, и это приветствие разительно отличалась от того холодного взгляда, которым она наградила меня утром.

Поразившись столь резкой перемене, я невольно коснулся ее своей силой.

И обомлел.

От баронессы исходил совершенно другой фон. Словно передо мной был чужой человек, а не наставница, слепок силы которой я так хорошо изучил на тренировках. Я хорошо помнил характер ее “фона” — рваная, колеблющаяся, нестабильная, но весьма мощная сила, которая могла скакать от пятого до седьмого ранга в зависимости от усталости, состояния и кучи других факторов.

Не столкнусь я с ней лицом к лицу, я бы ни за что не сказал, что это была Матильда. Решил бы, что передо мной мощный боевик с очень крепким и предсказуемым пятым рангом. Единственное, что роднило две версии этой женщины — условный ранг и специализация. Все же Матильда была боевиком, и структура “волн”, которые я улавливал, была весьма характерной. У Ирэн и Корфа, например, они ощущались совсем иначе. А у Поли Сперанской и вовсе отличались от всего, что я видел до этого.

Сейчас фон силы Матильды был совершенно ровным. Никаких колебаний — лишь равномерное мощное “излучение” Благодати. То, что улавливали друг в друге все одаренные, но что было непостижимо для обычного человека. Матильда уверенно блистала верхней планкой пятого ранга. Еще немного — и был бы четвертый.

— Что с вами сделали? — отпрянув от удивления, прошептал я.

Матильда улыбнулась — тепло, спокойно, и в этом взгляде я считал облегчение, радость и... надежду.

— Распорядитесь, чтобы Василий открыл ту бутылку шампанского, что мне подарил месье Леруа — сказала она. — Сегодня празднуют все.

Ирэн и Корф озадаченно переглянулись, а я пялился вслед Матильде, продефилировавшей на высоченных каблуках прямоком в столовую.

— Не понимаю, — сглотнув, прошептала Ирэн. — Все видят то же, что и я?

— Да.

Корф выглядел растерянным и даже подавленным. Настолько, что даже позволил себе опуститься на банкетку возле шкафа с верхней одеждой. Но тайный советник быстро взял

себя в руки и поднял на меня глаза.

— Я здесь не только из-за Матильды. У вас завтра второй этап вступительных испытаний.

— Пришли сказать напутственное слово? — съязвил я.

— Предупредить. Готовьтесь ко всему. Особенно ты, Михаил. После инцидента на Полигоне и странной попытки вас то ли убрать, то ли напугать, я не удивлюсь, если Аудиториум попытается сделать это снова.

— Если это был Аудиториум, — ответил я.

Корф устало вздохнул.

— Потому я и говорю — готовься ко всему, Михаил.

— Да к черту Аудиториум! — вскричала Ирэн. — Что с ней сделали? Что сделали с тетушкой? Дядя Вальтер, хоть вы-то должны знать!

Лицо Пистолетыча свело гримасой боли и мучения. Он словно растекся по банкетке, устало привалившись затылком к стене.

— Не знаю, как... правда, не знаю. Но она добилась помощи лично от императора, — выдохнул он. — Ей даровали мощь Великого Осколка для исцеления. Только Алексей Константинович мог это сотворить.

Мы с Ирэн переглянулись. Подруга побледнела.

— Не понимаю. Так это было возможно? — удивился я. — Почему никто не рассказал об этом варианте, когда мы приглашали Салтыкова?

— Потому что такая честь дается только за особые заслуги, — мрачно отозвалась Ирэн. Корф обреченно кивнул, и мне показалось, что они оба знали что-то, что мне не понравится.

— Особые заслуги или жертвы. Прошлые и будущие, — продолжил тайный советник. — И больше всего меня во всем этом пугают именно будущие. Это аванс, Ирина. Огромный аванс со стороны императорской фамилии. И я не представляю, чего они потребуют от Матильды взамен. И хорошо, если только от нее.

Больше книг на сайте - Knigoed.net